

120
ПОЭТОВ

720
СТИХОТВОРЕНИЙ



**АНТОЛОГИЯ
РУССКОЙ
ПОЭЗИИ**

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

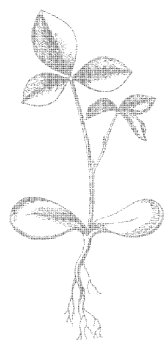
**АНТОЛОГИЯ
РУССКОЙ
ПОЭЗИИ**

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК



120
ПОЭТОВ
720
СТИХОТВОРЕНИЙ

ЭКСМО



АНТОЛОГИЯ
РУССКОЙ
ПОЭЗИИ

СЕРЕБРЯНЫЙ
ВЕК

АНТОЛОГИЯ *РУССКОЙ* ПОЭЗИИ

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

120
ПОЭТОВ
720
СТИХОТВОРЕНИЙ

МОСКВА  2006

УДК (082.21)-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
А 72

Составитель, автор предисловия
и биографических заметок *Сергей Дмитренко*

Оформление *А. Новикова, Е. Ененко*

А 72 **Антология русской поэзии. Серебряный век / Сост.,
предисл., биограф. заметки С. Дмитренко. — М.: Эксмо,
2006. — 720 с.**

ISBN 5-699-17218-1

Серебряный век... Так все чаще обозначают удивительный период в истории русской культуры, начавшийся в конце XIX столетия и прерванный октябрьским переворотом 1917 года. Это было время интеллектуальных прозрений и социальных потрясений, получившее совершенное художественное воплощение в русском искусстве и литературе. В антологии широко представлена лирика Серебряного века. Наряду с шедеврами Александра Блока и Анны Ахматовой, Сергея Есенина и Марины Цветаевой читатель найдет в книге удивительные по своему совершенству и поэтической красоте стихотворения десятков других мастеров стиха — от философа Андрея Белого до сатирика Саши Черного. Перед вами — своего рода лирический дневник эпохи.

УДК (082.21)-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

ISBN 5-699-17218-1

© ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ПОЭЗИЯ В МИРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

26 октября 1892 года в Петербурге на заседании Русского литературного общества молодой, но уже известный писатель Дмитрий Мережковский выступил с лекцией «О причинах упадка русской литературы», затем, 15 декабря прочитал лекцию «О новых течениях современной русской литературы». В начале следующего года на основе своих лекций он издает небольшую книгу «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»... Эти, по внешности, частные, творческо-теоретические деяния, вероятно, и положили начало осмыслению того эстетического чуда в русской культуре, которое ныне называется литературой Серебряного века.

При этом нельзя не отметить: само заглавие первой лекции Мережковского сегодня может вызвать у большинства читателей если не оторопь, то недоумение. О каком упадке литературы в начале 1890-х годов может идти речь, если незадолго до этого публиковались одно за другим блистательные произведения Достоевского и Тургенева, Некрасова и Островского, если только что ушел из жизни Афанасий Фет и его лирическое наследие предстало перед Россией во всей мощи?! Продолжал творческий путь живой классик Лев Толстой, а Чехов вступил в пору своего расцвета... Однако попробуем посмотреть на эти факты глазами тогдашних российских интеллектуалов.

Как всякая словесность, русская литература в девятнадцатом веке, справедливо названном для нее *золотым*, развивалась двумя стимулами.

Первый — свободная творческая устремленность писателя, вольный полет его гения. В названном труде Мережковский справедливо

отмечал: «Сущность искусства, которую нельзя выразить никакими словами, никакими определениями, не исчерпывается ни красотой, ни нравственностью, — она выше, чем красота, и шире, чем нравственность, она — то начало, из которого вытекает и чувство изящного, и чувство справедливого, которое объединяет их в живом человеческом сердце и делает только справедливое прекрасным и только прекрасное — справедливым. Их разделение влечет их упадок».

Второй стимул связан с тем реальным миром, в котором живет писатель. Россия с ее ужасной язвой — крепостным правом не могла не получить литературу с обостренным «чувством справедливого». Это устремление было выражено еще в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева, в оде «Вольность» и в «Деревне» юного Пушкина. После Отечественной войны 1812 года и победы над Наполеоном на протяжении нескольких десятилетий наша литература занималась описанием сложившегося в противоречиях петровских реформ российского мира, российского общества. Служилые дворяне и «лишние люди», крестьяне и горожане, чиновники и мастеровые, солдаты и моряки, светские дамы и крепостные актрисы, кавказские горцы и аборигены Сибири, прачки и нигилистки, священники и бурлаки... Их жизнь, их чаяния и надежды, их беды и, говоря словом Достоевского, *амбиции*. Эта творческая работа представляла необходимый фактор нашего литературного развития, воссоздавала в слове реальное пространство человеческого существования, хотя, кажется, долгое время никому из мыслящих мастеров не могло прийти в голову, что социальное бытописание должно стать главенствующим, потеснив тему бытийных исканий человеческой души.

Но в эпоху всеевропейского владычества вульгаризированного позитивизма и демагогической критики российскими социал-радикалами реформ императора Александра II случилось именно так, и Мережковский решил сказать об этом громко, остановить деградацию творчества даже не к натурализму, а к фотографизму.

Описав, воспев, осенив состраданием (а порой и ожегши гневом)

русский мир, все его сословия, все его слои и круги, от чиновников до цыган, литература застыла словно в оцепенении: а где же человек как таковой, где же человек — творенье Божие?! Может быть, в какой-то момент литераторы, увлекшиеся каталогизацией общественных отношений, экономических и политических тонкостей, проявили излишнюю жесткость, тесня тех, кого причислили к сторонникам «искусства ради искусства», «чистого искусства»? Ведь даже если в государстве нет парламента, изящная словесность не может превратить свои творения в место для обсуждения злободневных проблем...

А ведь для всех был очевиден происшедший к началу 1890-х годов литературный слом в нашей словесности: в прозе оказались исчерпанными художественные возможности социально-психологической изобразительности, а поэзия и вовсе находилась в глубочайшем кризисе, выродившись после кончины Некрасова в заунывную лирику Семена Надсона и его окончательно бездарных эпигонов.

Размышляя о читателях и писателях тогдашней России, Мережковский прежде всего обратил внимание на упадок корневого начала всякой культуры — «литературной речи» и назвал причины деградации. По его мнению, это, во-первых, «литературная бойкость дурного тона», порожденная социал-радикальной критикой 1860-х годов с Писаревым во главе, во-вторых, «газетный жаргон», выросший из превратно истолкованной «сатирической манеры» виртуозно ею пользовавшегося Салтыкова-Щедрина. Наконец, в-третьих, «едва ли не самая главная причина» — «возрастающее невежество», «понижение уровня образованности» общества, отрывающегося от народной культуры и некритически усваивающего культуру цивилизации.

Мережковский указал и на то, что сложившаяся «система гоноров» также способствует упадку литературы. «Газеты и журналы становятся огромными базами с торгово-промышленными сделками, литературными фабриками и заводами с бездушной поденной платой». Литературная работа на заказ развращает писателя, а следом и читателя. Завершает дело извращения литературы критика, пропаганди-

рующая «общедоступный, банальный трагизм», «народнический реализм», как его называет Мережковский.

Здесь, в подтверждение своевременности выступления Мережковского, следует обратить внимание еще на одно событие, тогда малозаметное, но уже через несколько лет обретшее свой подлинный смысл. Той же осенью 1892 года, 12 сентября на страницах выходившей в Тифлисе газеты «Кавказ» был напечатан рассказ «Макар Чудра», автор которого подписался псевдонимом: М. Горький.

Это тоже было по-своему *новое течение* в тогдашней русской литературе, ибо, не сосредотачиваясь, в отличие от писателей круга Мережковского, на постижении глубин человеческого сознания, на духовном самоопределении личности и «преображении мира усилием творческой воли» (слова Федора Сологуба), Горький сделал ставку на вышеназванную сложившуюся литературную традицию, где главенствовала социальная проблематика. Вместе с тем он жестко и по-своему отважно, по сравнению со своими предшественниками, очень существенно изменил смысловые акценты. Центральный герой Горького — люмпен, или, по тогдашнему слову, босяк не желал считать себя жертвой несчастных обстоятельств, особенностей собственного характера, вообще чего бы то ни было. Все свои жизненные невзгоды и беды он ставил в вину общественно-экономическому укладу, и, следовательно, в той или иной степени оказывался готовым этот уклад изменить, а точнее, уничтожить — разумеется, уже не «усилием творческой воли», а более радикальными средствами.

Так что, когда в 1905 году Д.С. Мережковский писал свою, ставшую пророческой статью «Грядущий Хам», он имел основания дать — как литературную иллюстрацию — обзор сочинений Горького и им подобных. С другой стороны, и Ульянов-Ленин к своему популярному в коммунистическую эпоху тезису о слиянии в большевизме марксизма с рабочим движением, мог бы ничтоже сумняшеся прибавить вполне корректный в историко-литературном отношении тезис о совершенном Горьким слиянии марксизма с литературой. Правда, тот

же Мережковский в статье 1920 года по отношению к деятельности Горького употребил другое слово: *оподление*. Лишь кажется, что Горький «спасает культуру от большевистского варварства» — его послеоктябрьские культуртрегерские мероприятия имеют ценой «оподление» — «не грубое, внешнее, а внутреннее, тонкое, почти неисследимое». Действительно, Горький, уже на государственной основе, по сути, вернул отечественную культуру к тому состоянию, которое в 1892-м Мережковский справедливо назвал деградационным. Теперь убогое литературно-критическое наследие социал-радикалов было переименовано в «революционно-демократическое» и положено в основу так называемой марксистской критики с чудовищной статьей Ульянова-Ленина «Партийная организация и партийная литература» вместо манифеста. Существовавший «газетный жаргон» получил полные коммуникативные права в виде советского «новояза» (при том, что все периодические издания императорской России еще в 1918 году были закрыты большевиками). Наконец — в облике большевицкого комиссара явился предугаданный Мережковским хам, и после уничтожающих репрессий и гражданской войны следовало говорить уже не о «возрастающем невежестве», не о «понижении уровня образованности», а об интеллектуальной катастрофе в обществе и стране. *Оподлении* страны и ее культуры. И в этих условиях наследие Серебряного века стало эстетическим эпилогом русского дооктябрьского художественного развития.

Как сегодня видно, происходящее с нашими литературой и искусством в конце XIX — начале XX века было многообразно выраженным, отнюдь не единоподчиненным процессом. Но все же то, что в течении долгого времени обретало свои смысловые начала и сейчас, кажется, наконец, утвердилось в научных координатах понятия «Серебряный век», позволяет говорить об определяющих началах этого движения.

Хотя литературоведы продолжают довольно горячо обсуждать проблемы не только истолкования Серебряного века, но и его терми-

нологический словарь как таковой, объективные основания для его признания есть. Сколько бы ни спорили ученые, нельзя не видеть: если словосочетание употребляется на протяжении многих лет, трудно отказать ему в праве на определенный смысл.

А само выражение, по данным многих разысканий, возникло более семидесяти лет тому назад, когда в парижском русском журнале «Числа» (1933. № 7—8) поэт и критик Николай Оцуп напечатал соответствующую статью. Считая пушкинскую эпоху Золотым веком русской литературы, он назвал Серебряным веком возникшую на рубеже XIX—XX столетий русскую поэзию, которая «по силе и энергии, а также по обилию удивительных созданий почти не имеет аналогии на Западе: это как бы стиснутые в три десятилетия явления, занявшие, например, во Франции весь девятнадцатый и начало двадцатого века».

К этому можно добавить уточняющее замечание еще одного мыслителя русского зарубежья, литературоведа Георгия Мейера о «двуликости Серебряного века» — «возродившего в России искусство, глубину и красоту слова и одновременно затаившего в себе угрозу все-российского распада». А искусствовед и поэт, редактор знаменитого журнала «Аполлон» Сергей Маковский, поддержал Оцупа простым и действенным способом: свою итоговую книгу статей и воспоминаний о былом назвал — «На Парнасе “Серебряного века”».

Несмотря на то, что в русском литературном обиходе конца XIX столетия иногда *серебряным веком русской поэзии* называли время творчества Фета, Некрасова, Майкова, Полонского и других близких им по возрасту поэтов, сегодня понятие *Серебряный век* укоренилось в нашей устной и письменной речи именно в первом, предложенном Н. Оцупом культурно-хронологическом значении.

Наконец приведем еще одно подтверждение правомерности употребления этого понятия, подтверждение, может, самое весомое, поэтическое.

*И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл, —*

эти строки из «Поэмы без героя: Триптих» (1940—1962) Анны Ахматовой заслуживают особого внимания. Они ярко образны сами по себе, глубок и весь контекст, в котором они звучат, контекст финала Части первой поэмы, фактическое завершение которой — ставшее классическим двустишие:

*Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.*

Таким образом наша великая поэтесса предлагает сразу три важнейших указания на смысл свершавшегося.

Время, о котором она ведет речь и о котором мы говорим, относится еще не к *настоящему двадцатому веку*, а к *настоящему девятнадцатому* — художественному веку. При этом *серебряный век* имеет особую свою временную территорию и свой особый пафос, свой знак-символ, этот самый месяц, а, по сути даже, не сам месяц, а его свет, серебряный, лунный, хорошо известный и признанный олицетворением зыбкости, таинственности, вечной недопознанности жизни. Словом, всего того, что и выражали в своем творчестве люди Серебряного века.

«Наше время должно определить двумя противоположными чертами — это время самого крайнего *материализма* и вместе с тем самых страстных *идеальных* порывов духа», — пишет Мережковский. Вот эти *порывы духа* и *одухотворили* происходящее в пору Серебряного века. Проявившиеся закономерно и вместе с тем свободно они существовали и развивались в истории русской литературы и шире — культуры на протяжении четверти века, с начала 1890-х годов. Можно рискнуть назвать и конечную дату этого развития — 1921 год. Она столь точна потому, что именно в этом году не только окончательно завершилась гражданская война в России и утвердилось большевистское владычество, обрекшее на изгнание сотни тысяч россиян, цвет традиционной культуры России. В «Открытом письме Уэллсу», напечатанном еще в декабре 1920 года, Мережковский уже говорил о

том, что Ленин захватил «власть над телами», а Горький — «над душами». И властвование их от месяца к месяцу только укреплялось.

В 1921 году, 7 августа, не выдержав тяжелейших эмоциональных потрясений, скончался Александр Блок, а 25-го чекистская пуля оборвала жизнь Николая Гумилева. Но не только этот август был черным для русской литературы. Большевицкие репрессии против остающихся в стране интеллектуалов продолжались, творческая среда, составляющая основу культуры, была приговорена к окончательному разрушению. И хотя многие поэты и писатели, к счастью, физически оставались живы, их мироощущение видоизменялось, изменялось и их творчество, во всяком случае, наступила пора, когда Серебряный век оставалось только оплакивать.

Серебряный век завершился, потому что уходил в историю его особый художественный язык — возникший во всестороннем противостоянии социо-реализму эпохи предшествующей, возникший ненадолго, а вследствие того, что социо-реализм окончательно износился к 1890-м годам.

Серебряный век завершился, потому что был оставлен в прошлом созданный в это время особый образ человека, образ мира, образ времени — образ поэта, образ художника, наконец. Художника, которому удавалось передавать живые чувства неповторимого человека, освобожденного логикой эпохи от обязательства подчинять изящную словесность, изящные искусства социальной конъюнктуршине.

Хотя традиционно Серебряный век связывают прежде всего и главным образом с развитием русской поэзии, говоря о его художественном феномене, нельзя не признать то, что тогдашняя атмосфера всеобщего творческого воодушевления коснулась всех пишущих, всех деятелей искусства, кому выпало жить в это время. Происходило удивительное творческое состязание всех со всеми, всего со всем. Недаром теоретик и практик русского авангардного искусства, футурист Велимир Хлебников выдвинул идею о создании общества Председателей земного шара, состоящего из поэтов-тайновидцев, которые

должны осуществить на планете программу мировой гармонии. Недалеко через год после падения самодержавия 27 февраля 1918 года в московском Политехническом музее прошел вечер «Избрание короля поэтов», где эго-кубо-футурист Игорь-Северянин одержал победу в поэтическом состязании над Маяковским и был объявлен Королем поэтов.

На это следует обратить особое внимание, поскольку само пространство Серебряного века неотделимо от художественной игры, условности, стремления перевести хаос жизни в образное пространство. На это в своих «Заметках о русском» обратил внимание академик Д.С. Лихачев, отметив, что даже «искусство чистой живописи» того времени «связано с русским «материальным фольклором» — с искусством вышивки, даже вывески, глиняной игрушки и вообще игрушки...» «Выверт для этого искусства похвала, потому что оно насквозь озорное и веселое... В русской культуре начала XX века вообще было много маскарадного и театрального, что так хорошо подчеркнуто Ахматовой в «Поэме без героя»».

На создание это условного и вместе с тем реального образного пространства, хотя Серебряный век многие связывают прежде всего с поэзией, работали не только поэты, но и прозаики, драматурги и деятели театра, композиторы и музейщики... Поэтому и воспринимать Серебряный век справедливо как итог творческих усилий многих сотен мастеров, среди которых — Василий Розанов и Леонид Андреев, Алексей Ремизов и Сергей Булгаков, Лев Шестов и Михаил Гершензон, Сергей Рахманинов и Сергей Дягилев, Александр Скрябин и Леонид Пастернак, Тамара Карсавина и Анна Павлова, Ида Рубинштейн и Михаил Врубель, Валентин Серов и театральный деятель Владимир Теляковский, Федор Шаляпин и Мария Ермолова, Борис Кустодиев и Всеволод Мейерхольд... Невозможно назвать всех, да здесь это и не нужно: важно понять, что обаяние мировоззренческих идей Серебряного века, обращенного к постижению тайны человека не на позитивистской, даже не на религиозной, а на своей особой, са-

могущественной этико-эстетической основе влияло на всех — и на Льва Толстого в его «Воскресении», и на Римского-Корсакова, резко изменившего свой музыкальный путь в 1890-е годы, и на стойкого прежде реалиста Репина, всегда чувствовавшего, где «в данный момент главное в человеке» (В. Стасов), не говоря о Сурикове, «человеке с величайшим интеллектом», уживавшимся с «озорным казаком» (М. Нестеров)...

Люди Серебряного века были настолько творчески крупны, художественно самобытны, что, даже объединяясь в те или иные эстетические группы и кружки, они вскоре рвали свои условные союзы, переписывали манифесты и декларации, расходились по разным углам.

Так, традиционно считается, что в пору Серебряного века определяющими были три литературных направления: символизм, акмеизм и футуризм. В свою очередь это подразделение имеет различные ответвления («старшие» и «младшие» символисты, эго- и кубофутуристы, имажинисты и т.д. и т.п.). Об этом интересующиеся могут прочесть в соответствующих энциклопедиях и справочниках. Однако для нормального, обычного читателя важны не историко-литературные подробности, а возможность увидеть эстетическую картину эпохи, услышать ее мелодии, пусть сложившиеся из разнородных ритмов разноликих гениев. Ведь среди настоящих поэтов (а только у таких и появляются стихотворения, пробивающие толщу времени) нет ни «чистых» символистов, ни «чистых» акмеистов, ни «чистых» футуристов.

Да, в целом символизм был сосредоточен на постижении «сочетания земной души со светом неземным» (Владимир Соловьев), акмеизм, по сути, был поглощен поиском универсальной словесной пластики, русский футуризм, вслед за итальянским претерпел сходную мутацию: от литературного «сдвига», движения по «новым путям слова» к обслуживанию тоталитарных властей — фашистских в Италии, большевистских в России. Но сегодня важнее не это, а то, что осталось от кипевших некогда литературных страстей. Важен именно поэт как та-

ковой, его личность, его умение увидеть и словесно выразить мир, время, себя самого, передать высокую драму утверждения литературы, поэзии именно как явления эстетического, утверждающего начала добра и красоты, а не чего-то еще. А в этом сборнике поэтов 120... И это значит, что их голоса смогут передать ритмы Серебряного века, его смысл, выраженный именно в слове.

В заключение несколько слов о принципах отбора и содержания настоящего сборника. Он не мог не основываться на трудах нескольких поколений литературоведов, среди которых особо значимое место занимают исследования академика Михаила Леоновича Гаспарова, к сожалению, ныне покойного (Русская поэзия «серебряного века». 1890 — 1917: Антология / Ответственные редакторы М.Л. Гаспаров, И.В. Корецкая. М.: Наука, 1993; Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х — 1925-го годов в комментариях. М.: Высшая школа, 1993; Сто одна поэтесса Серебряного века: Антология / Составление и биографические статьи М.Л. Гаспарова, О.Б. Кушлиной, Т.Л. Никольской. СПб: ДЕАН, 2000).

Кроме этого, составителю помог опыт изучения критики и эстетических идей в России конца XIX — начала XX века в пору преподавания в Литературном институте имени А.М. Горького, а также практика составления антологий поэзии, в том числе и собственная.

Построение антологии основано на авторско-хронологическом начале. Разумеется, наилучшим решением было бы расставить стихотворения разных авторов по времени их создания, таким образом предложив читателю лирический дневник эпохи, написанный многими и с разных точек зрения. Однако объем и возможности серии, где выходит эта антология, потребовали особого решения. Оно выразилось в следовании возрастному принципу: поэты представлены по старшинству — от патриарха тогдашней лирики Алексея Жемчужникова, младшего современника Пушкина, и Константина Случевского, ро-

дившегося в роковом 1837-м, до Валентина Катаева, Елены Данько и Вячеслава Ковалевского, которым в катастрофическом для России 1917 году едва исполнилось двадцать. Такая композиция в определенной мере передает то, как развивалась поэзия Серебряного века, как одни эстетические предпочтения сменялись другими... Конечно, это только пунктиры творческих траекторий, но пунктиры достаточно выразительные для небольшой в целом книги.

По возможности стихотворения сопровождаются указанием на год написания или первопубликации (в соответствующих случаях приводится авторская дата). Неточные датировки отмечены угловыми скобками. В биографических справках сообщаются лишь краткие сведения об авторах: годы жизни, обозначаются особенности творческого почерка.

Надо также помнить, что эта могучая литературная эпоха, завершившая развитие русской дооктябрьской словесности и получившая поэтическое имя «Серебряный век», все еще остается малоизученной. Нужны новые исследования, частные и обобщающие, нужны новые издания литературных памятников того времени, нужны, разумеется, и новые антологии. Значит, нельзя не надеяться, что среди читателей антологии этой будет немало и молодых любителей поэзии, а кто-то из них почувствует стремление к дальнейшему поиску ради возвращения отечественной культуре пока погребенных под вековой толщей времени созданий творческого духа.

Сергей ДМИТРЕНКО

АЛЕКСЕЙ ЖЕМЧУЖНИКОВ

СЕБЕ

В родной семье певцов почтен не будешь ты
Ни шумной славою, ни славой долговечной;
Но ты оставишь след возвышенной мечты,
И скорби искренней, и думы человеческой.

1893

ПАМЯТИ ШЕНШИНА-ФЕТА

Он пел, как в сумраке ночей
Поет влюбленный соловей.
Он гимны пел родной природе;
Он изливал всю душу ей
В строках рифмованных мелодий.

Он в мире грезы и мечты,
Любя игру лучей и тени,
Подметил беглые черты
Неуловимых ощущений,
Невоплотимой красоты...

И пусть он в старческие лета
Менял капризно имена

То публициста, то поэта, —
Искупят прозу Шеншина
Стихи пленительные Фета.

1892, Стенькино

ПАУЗА

Морозный, тусклый день рисует предо мной
Картину зимнюю красы необычайной;
Покрытый инеем, недвижим сад немой.
Он замер, весь объят какой-то белой тайной.

Движенья ищет взор, переходя вокруг
С предмета на предмет; но тщетно: сад не дышит
И, силясь уловить хоть мимолетный звук,
Слух напрягается, но ничего не слышит...

1893, Стенькино

С ГОР ПОТОКИ

Весна, весна — по всем приметам,
Куда теперь я ни взгляну;
Весна с улыбкой и приветом...
Затем жить стоит в мире этом,
Чтоб видеть русскую весну!

Повсюду жизни дар небесный
Нисходит радостно к полям, —
И в то же время повсеместно
Все о страданиях смерти крестной
Великий пост вещает нам.

То в мир земной, то в идеальный
Мечты уносятся мои,
Когда, под благовест печальный,
В лучах весны первоначальной
Журчат веселые ручьи.

1893, Стенькино

ЛЕТНИЙ ЗНОЙ

Блестящ и жарок полдень ясный,
Сижу на пне в лесной тени...
Как млеют листья в неге страстной!
Как томно шепчутся они!

О прошлом вспомнил я далеко,
Когда меня июльский зной,
Струясь живительным потоком,
Своей разнеживал волной.

Я с каждой мошкой, с травкой каждой,
В те годы юные мои,
Томился общею нам жаждой
И наслажденья, и любви.

Сегодня те же мне мгновенья
Дарует неба благодать,
И возбужденного томленья
Я приступ чувствую опять.

Пою привет хвалебный лету
И солнца знойному лучу...

Но что рождает песню эту,
Восторг иль грусть, — не различу.

6 июля 1894, Ильиновка

* * *

Когда душа, расправив крылья,
Дерзает выпренный полет,
И я взнесусь не без усилья
Во область чистую высот, —
Как мяч, взлетевший ввысь невольно,
К земле я падаю, спеша;
И снова в узах жизни дольной
Задремлет грешная душа.

1895, Петербург

ИЗ ЦИКЛА «ЛЕСОК ПРИ УСАДЬБЕ»

ВСТРЕЧА

Я в праздник, меж дубов, один бродя тоскливо,
С крестьянкой встретился. Румяна, молода,
Лицом приветлива, нарядна и красива,
Она, по ягоду зашедшая сюда,
Мне ягод поднесла. Я был ей благодарен.
Смеясь и бусами играя на груди,
Она мне молвила: «Один, скучаешь, барин?»
А я ответил ей печально: «Проходи».

1896

ЖИВОТНАЯ ПРОЗА И ДЕКАДЕНТСКАЯ ПОЭЗИЯ

Одни — двуногое, пасущееся стадо,
Без дум, надежд и грез, которых людям надо.
Не зная ни тоски, ни порываний ввысь,
Они как бы в грязи для грязи родились.
Так есть животные, которым воспретила
Природа подымать к небесным высям рыла.
Другие — до того чуждаются земли,
Что в мир неведомый из нашего ушли.
Когда их над землей, как духов, носят крылья,
Они с своих высот, из рога изобилья
Нам сыплют песенок летучие листки.
И ропщем мы: «Зачем, рассудку вопреки,
Нам эти пряности и эти карамели,
Меж тем как досыта и хлеба мы не ели?»
Итак — две крайности. Когда одна из двух
Иль обе вместе наш пленять желают слух —
Та хрюканьем свиным, а эта птичьей песней, —
Решить я не берусь, из них что интересней —
Лишь люд бы людом был! Вот отповедь моя!
А птицей, и свиньей... уж птица и свинья.

1896

* * *

Так прочен в сердце и в мозгу
Высокий строй эпохи прошлой,
Что с современностью пошлой
Я примириться не могу.

Но я, бессильный, уж не спорю
И, вспоминая старину,
Не столь волнуясь и клянущу,
Как предаюсь тоске и горю...

Что я?.. Певец былых кручин;
Скрижалей брошенных обломков;
В пустынном доме, в час потемок,
Я — потухающий камин.

То треск огня совсем затихнет,
Как будто смерть его пришла;
То дрогнет теплая зола
И пламя снова ярко вспыхнет.

Тогда тревожно по стенам
Толпой задвигаются тени
И лица прежних поколений
Начнут выглядывать из рам.

1898

ВОЗВРАЩЕНИЕ ХОЛОДОВ

Опять погода стужей дышит;
Зато на окнах, сквозь лучи,
Мороз опять узоры пишет
Своей серебряной парчи.
Хотя природою отсрочен,
Казалось, близкий ледоход —
Но нет причин пенять мне очень
На мерзлый снег, на прочный лед.

Меня приятно греют печи;
И хоть старик, но не больной,
Без нетерпенья жду я встречи
С еще далекою весной.

На солнце в комнатах не чахнут
Азалий нежные цветы,
И гиацинты сильно пахнут,
Как славно кудри завиты.

Когда бы сердце не щемило
От этих ужасов войны,
Как бытие мне было б мило
Без всяких прелестей весны.

О, бытие!.. Мне в нем отрада.
И сознаю я, и дивлюсь,
Как человеку мало надо,
Покуда чуток жизни вкус.

1904

КОНСТАНТИН СЛУЧЕВСКИЙ

* * *

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене.

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно;
А все как будто, бедная, тоскует,
И от нее не всё, не всё схоронено.

Но это вздор, обманное создание!
Слова — не плоть... Из рифм одежд не ткать!
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них также сил на то, чтоб убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярослава,
И плачет, бедная, без устали она.

Сгони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
К чему оне? Чтобы людей морочить
И нас, то здесь — то там, тревожить и смущать!

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна все-таки тоскует
В урочный час на каменной стене...

1898

* * *

Не померяться ль мне с морем?
Вволю, всласть души?
Санки крепки, очи зорки,
Кони хороши...
И нечитанные версты
Понеслись назад,
Где-то, мнится, берег дальний
Различает взгляд.

Кони шибче, веселее
Мчат во весь опор...
Море места прибавляет,
Шире кругозор.

Дальше! Кони утомились,
Надо понукать...
Море будто шире стало,
Раздалось опять...

А нечитанные версты
Сзади собрались
И кричат, смеясь, вдогонку:
«Эй, остановись!»

Стали кони... Нет в них силы,
Клонят морды в снег...
Ну, пускай другой, кто хочет,
Продолжает бег!

И не в том теперь, чтоб дальше...
Всюду — ширь да гладь!
Вон как вдруг запорошило...
Будем умирать!

1898

* * *

Вконец окружены туманом прежних дней,
Все неподвижной мы, в желаньях тяжелей;
Все уже горизонт, беззвучнее мечты,
На все спускаются завесы и щиты...

Глядишь в прошедшее, как в малое окно;
Там все так явственно, так все озарено,
Там светят тысячи таинственных огней;
А тут — совсем темно и, что ни час, темней...

Весь свет прошедшего как бы голубоват.
Цвет взглядов юности! Давно погасший взгляд.
И сам я освещен сиянием зари...
Заря в свершившемся! Любуйся и смотри!..
Как ясно чувствую и как понятно мне,
Что жизнь была полней в той светлой стороне!
И что за даль видна за маленьким окном —
В моем свершившемся, чарующем былом!

Ведь я там был в свой час, но я не сознавал.
И слышу ясно я — мне кто-то прошептал:
«Молчи! Довольствуйся возможностью смотреть!
Но, чтоб туда пройти, ты должен умереть!»

1900

* * *

Как? Опять Страшный суд! мне вослед, по пятам!
Но ведь это совсем невозможно!
Я в земле не лежал на поживу червям?
Это страшно, ужасно, безбожно...
А воскресшие шли от начальных начал,
От конечных концов приходили:
Громкий благовест в небе пылавшем звучал,
Солнца пели и звезды звонили!
И не видел я вовсе страдальческих лиц,
Что, бывало, в гробах поражали:
Все в молитвенном шествии падали ниц!
И, поднявшись, на небо взирали.
Грохот слышался всюду от глыб земляных,
Что валились в пустые могилы;
Треск от царских гробниц, в разрушении их
Повеленьем неведомой силы...
Разрушалась и Смерть. В ней погасла алчба,
Слух погас, затуманилось зренье,
Постигала ее каждой жизни судьба —
Прикоснулось всесильное тленье!
Проходили вблизи ее сонмы людей,
Шел и я, все мы вдаль уходили...

Боль затихла в груди... Прежде было больней...
Но зачем вы глаза мне закрыли?
Ведь я вижу сквозь медь... Слышу говор людской...
Что-то жгучее дали мне! жгите!!!
А я все-таки буду опять сам собой...
Да! Я выпорхну! Ну-ка! Ловите!

1902

* * *

Умер я! Есть ощущения:
Не понять их, не познав
Новость первого мгновения!
Я окреп, нетленным став...
Ночь!.. Вдали земля туманная,
Мать всех в мире матерей,
Мне в былом обетованная
И очаг души моей!
Полуночица усталая,
Без меня несешься ты,
Вся больная, захудалая,
В стогах вечной немоты...
А путям твоим и следу нет!
Но, кому бессмертным стать,
На тебе родиться следует,
На тебе и умирать!
Умер я... Там, в темной темени,
Ты мелькаешь огоньком...
Там есть смерть! Там царство времени!
Там родные мне, мой дом!

Уносись же, горе-странница,
Как корабль среди зыбей,
В мириадах звезд избранница
И очаг души моей.
Я отпетый, я отчитанный,
Молча вслед тебе смотрю,
И в трудах, в скорбях воспитанный,
Смерть пройдя, — благодарю...

1902

БЫТЬ ЛИ ПЕСНЕ?

Какая дерзкая нелепость
Сказать, что будто бы наш стих,
Утратив музыку и крепость,
Совсем беспомощно затих!

Конечно, пушкинской весною
Вторично внукам, нам, не жить:
Она прошла своей чредою,
И вспять ее не возвратить.

Есть весны в людях, зимы глянут
И скучной осени дожди,
Придут морозы, бури грянут,
Ждет много горя впереди...

Мы будем петь их проявления
И вторить всем проклятьям их;
Их завыванья, их мученья
Взломают вглубь красивый стих...

Переживая злые годы
Всех извращений красоты, —
Наш стих, как смысл людской природы,
Обезобразишься и ты;

Ударясь в стоны и рыдания,
Путем томления пройдешь.
Минуешь много лет страдания —
И наконец весну найдешь!

То будет время наших внуков,
Иной властитель дум придет...
Отселе слышу новых звуков
Еще не явленный полет.

1903

* * *

Пускай основы правды зыбки,
Пусть всё безумно в злобе дня, —
Доброжелательной улыбки
Им не лишить теперь меня!

Я дом воздвиг в стране бездомной,
Решил задачу всех задач, —
Пускай ко мне, в мой угол скромный,
Идут и жертва, и палач...

Я вижу, знаю, постигаю,
Что все должны быть прощены;
Я добр — умом, я утешаю
Тем, что в бессилье все равны.

Да, в лоно мощного покоя
Вошел мой тихий «Уголок» —
Возросший в гругдах перегнуа
Очаровательный цветок...

1895—1901

* * *

Я мыслить жажду потому, что в этом —
Живой покой, святая тишина,
Все полно ясным, нетревожным светом,
В душе легко, и ясно даль видна!
И если мгла за некоторой гранью
Перед умом слегка скрывает даль, —
Страдать от этого немислимо сознанью:
Мне жаль, что — мгла, но мне спокойно жаль...

Тогда как в чувствах столько острой боли,
Такая мощь безумной толчеи
Терзаний духа и страданий воли —
Успокоенье только в забвении, —

Что все восторги страстных наслаждений,
Всех оргий чувств за время лучших лет
Не искупят безвременных мучений,
Всегда идущих оргиям вослед...

А что ручей до дна пронзен,
Сквозь шелест струй не слышит он.

Зато и молнии струя,
Упав, лишилась бытия.

Другого не было пути...
И я прошу, и ты прости.

<1901>

* * *

С простым толкую человеком...
Телега, лошадь, вход в избу...
Хвалю порядок в огороде,
Хвалю оконную резьбу.

Всё — дело рук его... Какая
В нем скромных мыслей простота!
Не может пошатнуться вера,
Не может в рост пойти мечта.

Он тридцать осеней и весен
К работе землю пробуждал;
Вопрос о том, зачем все это, —
В нем никогда не возникал.

О, как жестоко подавляет
Меня спокойствие его!
Обидно, что признание это
Не изменяет ничего...
Ему — раек в театре жизни,
И слез, и смеха простота;
Мне — злобы дня, сомненья, мудрост
И — на вес золота мечта!

1895—1901

* * *

Заката светлого пурпурные лучи
Стремятся на гору с синеющей низины,
И ярче пламени в открывшейся печи
Пылают сосен темные вершины...

Не так ли в Альпах горные снега
Горят, когда внизу синее тьма тенями...
Жизнь родины моей! О, как ты к нам строга,
Как не балуешь нас роскошными дарами!

Мы силами мечты должны воссоздавать
И дорисовывать, что мы имеем;
То, что другим дано, нам надо отыскать,
Нам часто не собрать того, что мы посеём!

И в нашем творчестве должны мы превозмочь
И зиму долгую с тяжелыми снегами,
И безрассветную, томительную ночь,
И тьму безвременья, сгущенную веками...

1895—1901

АРСЕНИЙ ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

* * *

Не в ласке девственной лазури
И не в лобзаниях тьмы ночной —
В огнях грозы и в столах бури
Мне внятны вечности покой.

Сквозь шум и вихрь стихий мятежных,
Сквозь знойной страсти вопль и бред
Ясней он шлет с высот безбрежных
Свой всепрощающий привет.

И чем больше буря стонет,
Чем злее страсть, безумней сны,
Тем безвозвратней, глубже тонет
Душа в блаженстве тишины!

Между 1894 и 1901

* * *

Не спорь и не борись с враждующей судьбой,
Не унижай души мольбами и стенаньем;
Внимай житейский шум с подъятой головой,
На праздный крик толпы ответствуя молчаньем.

В молчаньи кроется таинственная власть:
Поруганный Христос был нем перед Пилатом,
И Бога обрела земная, злая страсть
В Его безмолвии — пронзенном и распятом.

Шумит ничтожество — величие молчит.
Молчат и божество, и небо, и могила.
Но знай — бесстрастная, безмолвная их сила
Все победит!

1904

* * *

В сонме поздних теней ты желанной звездой
Мне блеснула на миг — и пропала.
Эта ласка мечты, эта радость тобой
Словно песня в душе прозвучала.

Прозвучала и смолкла... И звук ее слов
Замер в далях ночных сновидений —
И опять надо мной лишь немых облаков
Пролетают тревожные тени.

В них луча твоего уж глазам не найти;
Кроткой песни потеряны звуки;
Умирая, слились и привет, и «прости»
В призрак встречи, любви и разлуки.

Но не властен я сердца мятёж превозмочь,
Жгучий пламень под пеплом тает, —
И тоска по тебе, как заря во всю ночь,
Не дает ни забыть, ни забыться!

1904

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

* * *

Там, где семьей столпились ивы
И пробивается ручей
По дну оврага торопливо,
Запел последний соловей.

Что это? Радость обновления
Иль безнадежное прости?..
А вдалеке неслось движение
И гул железного пути.

И небо высылось ночное
С невозмутимостью святой
И над любовью земною,
И над земною суетой...

16 июня 1892

ПАНМОНГОЛИЗМ

Панмонголизм! Хотя слово дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судьбины Божией полно.

Когда в растленной Византии
Остыл Божественный алтарь
И отреклся от Мессии
Иерей и князь, народ и царь, —

Тогда он поднял от Востока
Народ безвестный и чужой,
И под орудьем тяжким рока
Во прах склонился Рим второй.

Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим,
И всё твердят льстецы России:
Ты — третий Рим, ты — третий Рим.

Пусть так! Орудий Божьей кары
Запас еще не истощен.
Готовит новые удары
Рой пробудившихся племен.

От вод малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен поникшего Китая
Собрали тьмы своих полков.

Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.

О Русь! забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть.

1 октября 1894

* * *

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

<1895>

DAS EWIG-WEIBLICHE¹

СЛОВО УВЕЩАТЕЛЬНОЕ К МОРСКИМ ЧЕРТЯМ

Черти морские меня полюбили,
Рыщут за мною они по следам:
В Финском поморье недавно ловили,
В Архипелаг я — они уже там!

Ясно, что черти хотят моей смерти,
Как и по чину прилично чертям.
Бог с вами, черти! Однако, поверьте,
Вам я себя на съеденье не дам.

Лучше вы сами послушайтесь слова, —
Доброе слово для вас я припас:
Божьей скотинкою сделаться снова,
Милые черти, зависит от вас.

Помните ль вы, как у этого моря,
Там, где стоял Амафунт и Пафос,
Первое в жизни неожиданное горе
Некогда вам испытать довелось?

Помните ль розы над пеною белой,
Пурпурный отблеск в лазурных волнах?
Помните ль образ прекрасного тела,
Ваше смятение, и трепет, и страх?

¹ Вечная Женственность (нем.).

Та красота своей первою силой,
Черти, недолго была вам страшна;
Дикую злобу на миг укротила,
Но покорить не умела она.

В ту красоту, о коварные черти,
Путь себе тайный вы скоро нашли,
Адское семя растленья и смерти
В образ прекрасный вы сеять могли.

Знайте же: вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.
В свете немеркнувшем новой богини
Небо слилось с пучиною вод.

Все, чем красна Афродита мирская,
Радость домов, и лесов, и морей, —
Все совместит красота неземная
Чище, сильнее, и живей, и полней.

К ней не ищите напрасно подхода!
Умные черти, зачем же шуметь?
То, чего ждет и томится природа,
Вам не замедлить и не одолеть.

Гордые черти, вы все же мужчины —
С женщиной спорить не честь для мужей.
Ну хоть бы только для этой причины,
Милые черти, сдавайтесь скорей!

8—11 апреля 1898, Архипелаг

У СЕБЯ

Дождались меня белые ночи
Над простором густых островов...
Снова смотрят знакомые очи,
И мелькает бывшее без слов.

В царство времени все я не верю,
Силу сердца еще берегу,
Роковую не скрою потерю,
Но сказать «навсегда» — не могу.

При мерцании долгом заката,
Пред минутной дремотою дня,
Что погиб его свет без возврата,
В эту ночь не уверишь меня.

Июнь 1899

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

ПОЭЗИЯ

Над высью пламенной Синая
Любить туман Ее лучей,
Молиться Ей, Ее не зная,
Тем безнадежно горячей,

Но из лазури фимиама,
От лилий праздного венца,
Бежать... презрев гордыню храма
И славословие жреца,

Чтоб в океане мутных далей,
В безумном чаяньи святынь,
Искать следов Ее сандалий
Между заносами пустынь.

<1904>

ДВОЙНИК

Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.

В сомненьи кипит еще спор,
Но, слиты незримой четою,
Одной мы живем и мечтою,
Мечтою разлуки с тех пор.

Горячешный сон волновал
Обманом вторых очертаний.
Но чем я глядел неустанней,
Тем ярче себя ж узнавал.

Лишь полога ночи немой
Порой отразит колыханье
Мое и другое дыханье,
Бой сердца и мой и не мой...

И в мутном круженье годин
Все чаще вопрос меня мучит:
Когда наконец нас разлучат,
Каким же я буду один?

<1904>

СВЕЧКА ГАСНЕТ

В темном пламени свечи
Зароившись как живые,
Мигом гибнут огневые
Брызги в трепетной ночи,
Но с мольбою голубые
Долго теплятся лучи
В темном пламени свечи.

Эх, заснуть бы спозаранья,
Да страшат набегии сна,
Как безумного желанья
Тихий берег умиранья
Захлестнувшая волна.
Свечка гаснет. Ночь душна...
Эх, заснуть бы спозаранья...

<1904>

ЛИСТЫ

На белом небе все тусклей
Златится горняя лампада,
И в доцветании аллей
Дрожат зигзаги листопада.
Кружатся нежные листы
И не хотят коснуться праха...
О, неужели это ты,
Всё то же наше чувство страха?
Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало,
И нет конца и нет начала
Тебе, тоскующее я?

<1904>

В ДОРОГЕ

Перестал холодный дождь,
Сизый пар по небу вьется,

Но на пятна нив и рош
Точно блеск молочный льется.

В этом чаянье утра
И предчувствии мороза
Как у черного костра
Мертвы линии обоза!

Жеребчий дробный бег,
Пробы первых свистов птичьих,
И кошмары снов мужичьих
Под рогожами телег.

Тошно сердцу моему
От одних намеков шума:
Все бы молча в полутьму
Уводила думу дума.

Не сошла и тень с земли,
Уж в дыму овины тонут,
И с бадьями журавли,
Выпрямляясь, тихо стонут.

Дед идет с сумой и бос,
Нищета заводит повесть:
О, мучительный вопрос!
Наша совесть... Наша совесть.

<1904>

ТРИЛИСТНИК СУМЕРЕЧНЫЙ

1

СИРЕНЕВАЯ МГЛА

Наша улица снегами залегла,
По снегам бежит сиреневая мгла.

Мимоходом только глянула в окно,
И я понял, что люблю ее давно.

Я молил ее, сиреневую мглу:
«Погости-побудь со мной в моем углу,

Не мою тоску ты давнюю развей,
Поделись со мной, желанная, своей!»

Но лишь издали услышал я ответ:
«Если любишь, так и сам отыщешь след,

Где над омутом синее тонкий лед,
Там часочек погощу я, кончив лёт,

А у печки-то никто нас не видал...
Только те мои, кто волен да удал».

ТОСКА МИМОЛЕТНОСТИ

Бесследно канул день. Желтея, на балкон
 Глядит туманный диск луны, еще бестенной,
 И в безнадежности распахнутых окон,
 Уже незрячие, тоскливо-белы стены.

Сейчас наступит ночь. Так черны облака.
 Мне жаль последнего вечернего мгновенья:
 Там все, что прожито, — желанье и тоска,
 Там все, что близится, — унылость и забвенье,

Здесь вечер как мечта: и робок и летуч,
 Но сердцу, где ни струн, ни слез, ни ароматов,
 И где разорвано и слито столько туч...
 Он как-то ближе розовых закатов.

Лето 1904, Ялта

СВЕЧКУ ВНЕСЛИ

Не мерещится ль вам иногда,
 Когда сумерки ходят по дому,
 Тут же возле иная среда,
 Где живем мы совсем по-другому?

С тенью тень там так мягко слилась,
 Там бывает такая минута,
 Что лучами незримыми глаз
 Мы уходим друг в друга как будто.

И движеньем спугнуть этот миг
Мы боимся, иль словом нарушить,
Точно ухом кто возле притник,
Заставляя далекое слушать.

Но едва запылает свеча,
Чуткий мир уступает без боя,
Лишь из глаз по наклону луча
Тени в пламя сбегут голубое.

<1906>

ТО И ЭТО

Ночь не тает. Ночь как камень.
Плача, тает только лед,
И струит по телу пламень
Свой причудливый полет.

Но лопочут даром, тая,
Ледышки на голове:
Не запомнить им, считая,
Что подушек только две.

И что надо лечь в угарный,
В голубой туман костра,
Если тошен луч фонарный
На скользоте топора.

Но отрадной до рассвета
Сердце дремой залито,

Всё простит им... если это
Только *Это*, а не *То*.

Тот, грехи подъявший мира,
Осушавший реки слез,
Так ли дочь Иаира
Поднял некогда Христос?

Не мигнул фитиль горящий,
Не зазыбил ветер ткань...
Подошел Спаситель к спящей
И сказал ей тихо: «Встань».

СОН И НЕТ

Нагорев и трепеща,
Сон навяла свеча...
В гулко-каменных твердых
Два мне грезилась луча,
Два любимых, кротко-синих
Небо видевших луча
В гулко-каменных твердых.
Просыпаюсь. Ночь черна.
Бред то был или признание?
Пути жизни, чары сна
Иль безумного желанья
В тихий мир воспоминанья
Забежавшая волна?
Нет ответа. Ночь душна.

ПЕТЕРБУРГ

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где *вы* и где *мы*,
Только знаю, что крепко мы слиты.

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.

Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале, —
Завтра станет ребячьей забавой.

Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.

Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,

Там не чары весенней мечты,
Там отравя бесплодных хотений.

СРЕДИ МИРОВ

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищущ ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

3 апреля 1909,
Ц<арское> <Село>

КОНСТАНТИН ФОФАНОВ

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Остывает запад розовый,
Ночь увлажнена дождем;
Пахнет почкою березовой,
Мокрым щебнем и песком.

Пронеслась гроза над рощею;
Поднялся туман с равнин.
И дрожит листвою тощею
Мрак испуганных вершин.

Спит и бредит полночь вешняя,
Робким холодом дыша.
После бурь весна безгрешнее,
Как влюбленная душа.

Вспышкой жизнь ее сказала;
Ей любить пришла пора —
Засмеялась... разрыдалась...
И умолкла до утра!..

1892

* * *

Как стучит уныло маятник,
Как темно горит свеча;
Как рука твоя дрожащая
Беспокойно горяча!

Очи ясные потуплены,
Грустно никнет голова,
И в устах твоих прощальные
Недомолвлены слова.

Под окном шумят и мечутся
Ветки кленов и берез...
Без улыбок мы встречались
И расстанемся без слез.

Только что-то недосказано
В наших думах роковых,
Только сердцу несогретому
Жаль до боли дней былых.

Ум ли ищет оправдания,
Сердце ль памятью живет
И за смутное грядущее
Прошлых мук не отдает?

Или две души страдающих,
Озарив любовью даль,
Лучезарным упованием
Могут сделать и печаль?

1893

* * *

Под напев молитв пасхальных
И под звон колоколов
К нам летит весна из дальних
Из полуденных краев.

В зеленеющем уборе
Млеют темные леса,
Небо блещет, точно море,
Море — точно небеса.

Сосны — в бархате зеленом,
И душистая смола
По чешуйчатым колоннам
Янтарями потекла.

И в саду у нас сегодня
Я заметил, как тайком
Похристосовался ландыш
С белокрылым мотыльком.

<1896>

ДУША ПОЭТА

Таинственный сумрак
В глубокой пещере;
Там гении неба
И хищные звери.
Там веет цветами
Забывшего рая;
Там сырость могилы
И бездна земная.

Там два есть колодца
С кристальной водою:
С премудростью здоровой
И с ложью больною.

Сквозь стены пещеры
Жизнь дико рокочет;
Ворваться не смеет,
Замолкнуть не хочет.

Когда же в ней вспыхнут
Лучами лампы, —
Скрываются в норы
И змеи, и гады.

Пещера сияет,
Как храм величавый,
И небо в ней блещет
Нетленною славой.

Узорами радуг
Свивается плесень,
И слышатся звуки
Торжественных песен.

Июнь 1897

ДЕКАДЕНТАМ

Бледная, с поблекшими чертами,
А в очах огонь безумных грез.
Вот она!.. Вокруг ее — хаос
И жрецы с поднятыми власами.

Бьют они в горячую грудь,
И вопят они о чем-то непонятном,
Но не их кадилом — ароматным
Свежим воздухом пора вздохнуть!

Прочь, рабы! И прочь, князя уродства
Душен ваш бесчувственный огонь...
Прочь, фигляры! Маску донкихотства
Пусть сорвет с вас дерзкая ладонь!

Нет, не гром вас божий покарает,
Хохот черни злобно вас убьет...
Ваша Муза — как больной урод,
Что себя собою утешает!

Чернь дерзка, но искренна порой...
Ваша Муза — мумия пред нею...
И пророк грядущего — метлой
Вас прогонит, с вами — вашу фею,
Вашу Музу с гаерской клюкой!

1900

ОСЕНЬ

Уж холодом веет осенним,
И мнится, вершины шумят:
Мы плащ зеленеющий сменим
На ярко-пурпурный наряд.

И мнится — цветы, увядая,
Друг другу прощальный поклон
Шлют, молча головки склоняя,
Как в день роковых похорон.

И вечер осенний так кроток,
И грусть его сердцу мила,
Как свет из больничных решеток,
Как дыма кадильного мгла.

Природа устала, — и скоро
Ко сну ее склонит недуг,
Но жизнь суетная для взора,
Для сердца все то же вокруг.

Со стуком проехали дровни,
На улице стало темней, —
И запах кофейной жаровни
Пахнул из открытых сеней.

Там цепь фонарей потонула
В дали, отуманенной сном,
Там ранняя лампа мелькнула
В окне красноватым пятном.

И в темной аллее бульвара
Под вечер разлуки немой
Гуляет унылая пара,
Шумя несметенной листвою.

<1900>

СВЯТОЧНАЯ НОЧЬ

Месяц всходит выше... выше...
Снег посеребрил.
Тень легла на снег от крыши,
От резных перил.

От амбара и от бани
Тени на дворе.
Небо, будто бы в тумане,
В млечном серебре.

Облака бегут... Крепчает
Молодой мороз.
Месяц искры зажигает
На ветвях берез.

12 декабря 1904

НА ПРОСПЕКТЕ

Каменный дом, точно клетка огромная,
Щелями окон тускло глядит.
Лестница длинная, лестница темная
Вьется все выше и звонко молчит.

Чьи-то шаги раздаются поспешные
По невеселым, крутым ступеням...
Чувства неверные, помыслы грешные,
Тут зарождаяся, гаснут не там.

Много здесь окон и много — страдания
Много открытых и тайных дверей.
Слышатся звуки то слез, то лобзания,
Видятся скорбь и отвага очей.

В улице шум и движенье греховное,
Мечутся люди, спешат и спешат,
К силе телесной стремится духовное,
К раю стремится низвергнутый ад...

1906

* * *

Я хотел бы страдать, но не в силах страдать,
Я хотел бы любить, но любить не могу.
Раз умершим цветам можно вновь расцветать
Даже в дождь и во тьму на осеннем лугу.
Раз угасшему дню можно снова взойти,
Озаряя лучами небес вышину, —
Но что раз потерял на житейском пути,
Нам того не иметь, нам того не найти,
Как в сиянии дня золотую луну.

20 декабря 1906

ЧУДИЩЕ

Идет по свету чудище,
Идет, бредет, шатается,
На нем дерьмо и рубище,
И чудище-то, чудище,
Идет — и улыбается!

Идет, не хочет кланяться:
«Левей!» — кричит богатому.
В руке-то зелья скляница;
Идет, бредет — растянется,
И хоть бы что косматому!

Ой, чудище, ой, пьяница,
Тебе ли не кобениться,

Тебе ли не кричать
И конному и пешему:
«Да ну вас, черти, к лешему —
На всех мне наплевать!»

1910

ФЕДОР СОЛОГУБ

ВОСЬМИДЕСЯТНИКИ

Среди шатания в умах и общей смуты,
Чтобы внимание подростков поотвлечь
И наложить на пагубные мысли путы,
Понадобилась нам классическая речь.

Грамматики народов мертвых изучая,
Недаром тратили вечерние часы
И детство резвое, и юность удалая
В прилежном изученьи стройной их красоты.

Хирели груди их, согнутые над книгой,
Слабели зоркие, пытливые глаза,
Слабели мускулы, как будто под веригой,
И гнулся хрупкий стан, как тонкая лоза.

И вышли скромные, смиренные людишки.
Конечно, уж они не будут бунтовать:
Им только бы читать печатные коврижки
Да вкусный пирожок казенный смаковать.

3 августа 1892

ТВОРЧЕСТВО

Темницы жизни покидая,
Душа возносится твоя
К дверям мечтательного рая,
В недостижимые края.
Встречают вечные виденья
Ее стремительный полет,
И ясный холод вдохновенья
Из грез кристаллы создает.

Когда ж, на землю возвращаясь,
Непостижимое тая,
Она проснется, погружаясь
В туманный воздух бытия, —
Небесный луч воспоминаний
Внезапно вспыхивает в ней
И злобный мрак людских страданий
Прорежет молнией своей.

3 февраля 1893

* * *

В пути безрадостном, среди немой пустыни
Предстала предо мной
Мечта порочная, принявши вид богини
Прекрасной и нагой.

Рукою нежной разливала
Из тонкого фиала
Куренья дымные она,

И серебристо обвивала
Ее туманная волна.

И где она ногою голой
Касалася сухой земли,
Там грешные цветы толпой веселой
Бесстыдные, пахучие цвели.

И предо мной склонившись, как рабыня,
Она меня к греху таинственно звала, —
И скучной стала мне житейская пустыня,
И жажда дел великих умерла.

5 декабря 1893

* * *

Я любил в тебе слиянье
Качеств противоположных:
Глаз правдивых обаянье
И обман улыбок ложных;

Кротость девочки-подростка,
Целомудренные грезы —
И бичующие жестко
Обличенья и угрозы;

Сострадательную нежность
Над поруганной рабыней —
И внезапную мятежность
Перед признанной святыней.

7 апреля 1895

* * *

Не ужасай меня угрозой
Безумства, муки и стыда,
Навек останься легкой грезой,
Не воплощайся никогда.

Храни безмерные надежды,
Звездой далекою светись,
Чтоб наши грубые одежды
Вокруг тебя не обвились.

7 марта 1897

* * *

Закрывая глаза, я целую тебя, —
Бестелесен и тих поцелуй.
Ты глядишь и молчишь, не губя, не любя,
В колыханьи тумана и струй.

Я плыву на ладье, — и луна надо мной
Подымает печальный свой лик.
Я плыву по реке, — и поник над рекой
Опечаленный чем-то тростник.

Ты неслышно сидишь, ты не двинешь рукой, —
И во мгле, и в сиянии даль.
И не знаю я, долго ли быть мне с тобой,
И когда ты мне молвишь: «Причал».

Этот призрачный лес на крутом берегу,
И поля, и улыбка твоя —
Бестелесное все. Я забыть не могу
Бесконечной тоски бытия.

28 августа 1897

* * *

Вереницы мечтаний порочных
Озарили гнилые темницы:
В озарении свеч полуночных
Обнаженные пляшут блудницы,
И в гремящем смятении трубном,
С несказанным бесстыдством во взгляде,
Потрясает сверкающим бубном
Скоморох в лоскуточном наряде.

Высоко поднимая колени,
Безобразные лешие лают,
И не ищут скрывающей тени,
И блудниц опьянелых ласкают.

И, внимая нестройному вою,
Исхудалые узники плачут,
И колотятся в дверь головою,
И визжат, и хохочут, и скачут.

26 сентября 1898

* * *

Недотыкомка серая
Все вокруг меня вьется да вертится, —
То не Лихо ль со мною очертится
Во единый погибельный круг?

Недотыкомка серая
Истомила коварной улыбкою,

Истомила присядкою зыбкою, —
Помоги мне, таинственный друг!

Недотыкомку серую
Отгони ты волшебными чарами,
Или наотмашь, что ли, ударами,
Или словом заветным каким.

Недотыкомку серую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтоб она хоть в тоску панихидную
Не ругалась над прахом моим.

1 октября 1899

ЧЕРТОВЫ КАЧЕЛИ

В тени косматой ели
Над шумною рекой
Качает черт качели
Мохнатою рукой.

Качает и смеется,
Вперед, назад,
Вперед, назад.

Доска скрипит и гнется,
О сук тяжелый трется
Натянутый канат.

Снует с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И черт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,
Вперед, назад,
Вперед, назад,
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
От черта томный взгляд.

Над верхом темной ели
Хохочет голубой:
«Попался на качели,
Качайся, черт с тобой».

В тени косматой ели
Визжат, кружась гурьбой:
«Попался на качели,
Качайся, черт с тобой».

Я знаю, черт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозящий взмах руки,

Пока не перетрется,
Крутяся, конопля,
Пока не подвернется
Ко мне моя земля.

Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах.
Качай же, черт, качели,
Все выше, выше... ах!

14 июня 1907

* * *

Пришла опять, желаньем поцелуя
И грешной наготы
В последний раз покойника волнуя,
И сыплешь мне цветы.

А мне в гробу приятно и удобно.
Я счастлив, — я любим!
Восходит надо мною так незлобно
Кадильный синий дым.

Басит молодожен, румяный дьякон,
Кадит со всех сторон.
Прекрасный лик возлюбленной заплакан,
И грустен, и влюблен.

Прильнет сейчас к рукам, скрещенным плоско,
Румяный поцелуй.
Целуй лицо. Оно желтее воска.
Любимая, целуй!
Склонясь, раскрой в дрожаньи белой груди
Два нежные холма.
Пускай вокруг смеются злые люди, —
Засмейся и сама.

27 апреля 1908

НИКОЛАЙ МИНСКИЙ

* * *

Не месяц за его печаль и красоту,
Не солнце за его порфиру золотую,
Я полюбил падучую звезду,
Я полюбил небес изгнанницу больную.

Среди надменных звезд, сверкавших без числа,
Горевших, как венцы, струившихся, как реки,
Она слезой по небу потекла,
И в этот миг ее я полюбил навеки.

О, жаркая слеза полуночи немой,
Упавшая на грудь холодного эфира, —
Куда, куда, объята вечной тьмой,
Ты, одинокая, летишь пустыней мира?

Мой Гений плачущий, прикованный к земле,
Тебе во след глядит с молитвой сокровенной:
О, если б и ему блеснуть во мгле
И жаркою слезой упасть на грудь вселенной!

* * *

Я боюсь рассказать, как тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повесть мою,

Легкий ветер в кустах вдруг в веселии пьяном
Полетит над землей ураганом...

Я боюсь рассказать, как тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повесть мою,
Звезды станут недвижно средь темного свода,
И висеть будет ночь без исхода...

Я боюсь рассказать, как тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повесть мою,
Мое сердце безумья любви ужаснется
И от счастья и муки порвется...

* * *

Быть может, мир прекрасней был когда-то,
Быть может, мы отвержены судьбой.
В одно, друзья, в одно я верю свято,
Что каждый век быть должен сам собой.

Нет, за свою печаль, свою тревогу
Я не возьму блаженства прошлых дней.
Мы, отрицая, так же служим богу,
Как наши предки — верою своей.

Пускай мы пьем из ядовитой чаши.
Но если Бог поставил миру цель,
Без нас ей не свершиться. Скорби наши —
Грядущих ликований колыбель.

Мои сомненья созданы не мною,
Моя печаль скрывается в веках.
Знать, вера предков родилась больною
И умереть должна у нас в сердцах.

Из рук судьбы свой крест беру смиренно,
Сомнений яд хочу испить до дна.
Лишь то, чем мы живем, для нас священно —
И пусть придут иные времена!

* * *

Я влюблен в свое желанье полюбить,
Я грущу о том, что не о чем грустить.
Я земную повесть знаю наизусть.
Мир, как гроб истлевший, страшен или пуст.

В проповеди правды чую сердцем ложь,
В девственном покое — сладострастья дрожь.
Мне жалка невинность, мне презренен грех,
Люди мне чужие, я — чужее всех.

Лишь одно отринуть чувство не могу,
Лишь одну святыню в сердце берегу,
Возмущенье миром, Богом и судьбой,
Ужас перед ближним, страх перед собой.

* * *

Нет счастья, как весною ранней
Завянуть почкой молодой,
С любовью к солнцу, с верой чистой,
Что ветры ласковы всегда,
Лазурь безоблачна, душисты
Ковры лугов, светла вода...
О, если б знала ты, как больно
Не вдруг, а тихо и невольно

Разочаровываться в них,
Увидеть смерть надежд своих,
Все пережить их до единой
И лепесток за лепестком
Ронять, когда весь мир кругом
Томится медленной кончиной!
Видать, как солнце с каждым днем
Все злее смотрит из-за тучи,
И в темный вечер под дождем
Свалиться в общий рой летучий...
Любовь трехдневная моя!
Как юный цвет в начале мая,
С души срываю я тебя,
Твою судьбу благословляя...

* * *

Многогрешными устами
Много грешных уст и чистых
Целовал я под лучами
Дня и в тьме ночей душистых.

Целовал их после пышных
Клятв и пламенных признаний,
Целовал без слов излишних
В торопливом обладаньи.

Клятвы все давно забыты,
Как слова туманной сказки,
И в забвеньи общем слиты
Ими купленные ласки.

Вы ж доныне в сердце живы,
О случайные свиданья,
Легких встреч восторг неживой,
Безымянные лобзанья.

* * *

В твой детский взор, пытливо-грешный,
Глядится опытный мой взор,
Как мертвый месяц ночью вешней
В стекло чуть вскрывшихся озер.

В тебе мечта о сладострастии
Сияет утренней звездой.
Во мне мечта о том же счастье
Горит, как вечер над водой.

Одним безумьем мы сгораем
Среди видений наготы,
И если б вновь владел я раем,
Я б вновь им пренебрег, как ты.

ВОЛНА

Нежно-бесстрастная,
Нежно-холодная,
Вечно подвластная,
Вечно свободная.

К берегу льнущая,
Томно-ревнивая,

В море бегущая,
Вольнолюбивая.

В бездне рожденная,
Смертью грозящая,
В небо влюбленная,
Тайной манящая.

Лживая, ясная,
Звучно-печальная,
Чуждо-прекрасная,
Близкая, дальняя...

<1895>

ПОСВЯЩЕНИЕ

Liberta va cercando...¹

Чистилище, I, 71

Я цепи старые свергаю,
Молитвы новые пою.
Тебе, далекой, гимн слагаю,
Тебя, свободную, люблю.

Ты страсть от сердца отредила,
Твой бледный взор надежду сжег.
Ты жизнь мою опустошила,
Чтоб я постичь свободу мог.

¹ Он ищет свободу... (*итал.*)

Но, впавшей в океан бездонный,
Возврата нет волне ручья.
В твоих цепях освобожденный,
Я — вечно твой, а ты — ничья.

1896

* * *

О, этот бред сердечный и вечера,
И вечер бесконечный, что был вчера.
И гул езды далекой, как дальний плеск,
И свечки одинокой печальный блеск.
И собственного тела мне чуждый вид,
И горечь без предела былых обид.
И страсти отблеск знойный из прежних лет,
И маятник спокойный, твердящий: нет.
И шепот укоризны кому-то вслед,
И сновиденье жизни, и жизни бред.
<1901>

ОЛЬГА ЧЮМИНА

СОНЕТ

Певцы прекрасного, туман сомнений мрачных
Для вас не затемнил кастальских вод хрусталь.
В струях поэзии холодных и прозрачных
Не скрыли вы заветную печаль.
Для вас крушений нет и нет огней маячных, —
Утесы грозные пугают вас едва ль,
И вы с доверчивой улыбкой новобрачных
Глядите пред собой в заманчивую даль.
Картину знаю я: тюремный двор сырой...
Он кажется еще мрачней и неприютней
В холодном сумраке; вечернею порой
Присел в углу его певец беспечный с лютней,
И там, где мрак и смерть, и камень, и чугун,
Он сыплет золото своих певучих струн.

* * *

Говорят, что порой, совлекая бесстрашно покровы
С наших язв, мы толпе эти язвы на суд отдаем,
И, в доверье слепом, даже с теми, кто сердцем суровы
Мы печалью своей поделиться беспечно готовы
И своим торжеством.

Нас корят и за то, что, как зыбь на волнах, прихотливы
Ощущения в нас и могуч их неожиданный наплыв,
И всё новых путей жаждет разум тревожно-пытливый,
И сменяются в нас и надежд, и сомнений порыв,
Как прилив и отлив.

Но, делясь с толпой этой тайной души сокровенной,
Изменяет себе, изменяет ли тайне поэт,
Если песня его, если песня любви вдохновенной
Пробудит в ком-нибудь прежний трепет восторга священный,
Как отчизны привет?

В мире есть кто-нибудь, незнакомый, далекий, безвестный,
У кого эта песнь ожидаемый отклик найдет
И, быть может, ему снова с силою вспомнит чудесной
Прежний светоч, манивший из кельи убогой и тесной
На простор и на волю — вперед.

Запретят ли ручьям разливаться в лугах на просторе?
Кто погасит во мгле лучезарных созвездий огни?
Кто вернет в берега потрясенное бурей море?
Так и в сердце певца зародятся ли радость иль горе —
Изливаются песнью они!

<1893>

* * *

Когда посеяно зерно
Добра, и правды, и свободы —
Придет пора, и даст оно
Благие всходы.

Когда от дальней суеты
Стремится дух в обитель света —
Влечет к святыне красоты
Мечту поэта.

Когда сильней порывы бурь,
Когда кругом бушует выюга —
Нам грезятся небес лазурь
И зелень луга.

Когда упасть готовы мы,
Как срезанный на ниве колос, —
Нам часто слышится из тьмы
Призывный голос.

И вновь — герои, не рабы —
Мы поднимаемся из праха
Для жизни новой, для борьбы,
Не зная страха.

Пусть говорят: пророков нет
И к пониманью сердце глухо, —
Над миром злобы и сует
Есть царство духа.

Есть царство света и добра;
Над ложью, призрачной и бледной,
Оно блеснет — придет пора —
Зарей победной.

Ноябрь 1896

ВОДОВорот

Кругом шумит людской поток;
В водовороте волн
С собой победно он увлек
И закружил мой челн.

И слышу я: безумный гул
Несется мне вослед,
Веселья бешеный разгул,
Клик злобы и побед.

И вижу пестрый я базар
Житейской суеты,
И в торжестве постыдных чар —
Крушение мечты.

Кругом шумит водоворот,
И опьяняет он,
Я слышу плеск и ропот волн
Как будто бы сквозь сон...

И, весла выпустив свои,
Всё дальше я плыву,
Не сознавая в забытии —
Во сне иль наяву?

Меня течение несет
Куда? К какой стране?
И я без сил плыву вперед,
Отдавшись волне...

<Между 1892 и 1897>

* * *

Тучки воздушно-туманные
Тихо клубятся во тьме;
Думы тревожные, странные
Смутно проходят в уме.
Вновь ли воскресло забытое?
Жду ли чего впереди?
Жало тоски ядовитое
Чувствую снова в груди?
Близкого ль горя угрозою
Чуткое сердце полно?
Вновь ли несбыточной грезой
Втайне забилося оно?
Кто эти сны безотчетные,
Эти виденья поймет?
Схожи они, мимолетные,
С зыбью на зеркале вод.

<1897>

* * *

Как голоса иного мира,
Порой звучат в душе забытые слова;
Пусть жертвенник угас и в храме нет кумира
Но чудится во тьме нам близость божества.

И кажется: вот-вот, внимая славословью,
Поднимем с верою мы очи на жреца,
И прежним трепетом и прежнею любовью
Мгновенно вспыхнут в нас остывшие сердца

<1899>

* * *

Кто-то мне сказал
(О дитя, мне страшно!),
Кто-то мне сказал:
Час его настал.

Лампу я зажгла
(О дитя, мне страшно!),
Лампу я зажгла,
Близко подошла.

В первых же дверях
(О дитя, мне страшно!),
В первых же дверях
Пламень задрожал.

У вторых дверей
(О дитя, мне страшно!),
У вторых дверей
Пламень зашептал.

У дверей последних
(О дитя, мне страшно!),
Вспыхнув только раз,
Огонек угас.

Между 1898 и 1900

БУРНОЮ НОЧЬЮ

В осенние ночи, зловещие ночи
Под жалобы ветра и звуки пальбы

Подолгу порой не смыкаются очи
И пламенно рвутся из сердца мольбы.

За всех изнемогших под крестною ношей,
За узников бледных в высоких стенах,
За всех, чьи пути засыпает порошей,
За всех, погибающих в бурных волнах!

Темны и бурливы холодные волны,
Весло выпадает из рук у гребцов,
А скалы, как стражи немые, безмолвны,
Свидетели муки предсмертной борцов.

И вслед за тяжелыми, темными снами,
За ночью осеннею вслед —
Безрадостно солнце взойдет над волнами,
Оставив пурпуровый след.

<1907>

ИЗ ЗИМНИХ СНОВ

Таинственный час откровений,
Колеблется дивный покров,
Скрывающий тайну видений
Иных, недоступных миров.

Вот-вот — и откроются складки,
И слово раздастся в тиши,
Я в тайну великой загадки
Проникну очами души.

Но нет заповедного слова,
И тают виденья как дым;
В преддверии храма святого
Мы все безнадежно стоим.

<1901>

В ТУМАНЕ

Густой туман, как саван желтоватый,
Над городом повис — ни ночь, ни день!
Свет фонарей — дрожащий, красноватый —
Могильную напоминает сень.

В тумане влажном сдавленно и глухо
Звучат шаги и голоса людей,
И позади тревожно ловит ухо
Горячее дыханье лошадей.

Под инеем — ряд призраков туманных —
Стоят деревья белые в саду;
Меж призраков таких же безымянных
В толпе людей я как во сне иду.

И хочется, как тяжкий сон кошмарный,
Тумана влажный саван отряхнуть,
Чтоб сумерки сменил день лучезарный
И ясно вновь могли мы видеть путь.

<1907>

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ

ПАРКИ

Будь что будет — все равно.
Парки дряхлые, прядите
Жизни спутанные нити,
Ты шуми, веретено.

Все наскучило давно
Трем богиням, вещим пряхам:
Было прахом, будет прахом, —
Ты шуми, веретено.

Нити вечные судьбы
Тянут Парки из кудели,
Без начала и без цели.
Не склоняют их мольбы,

Не пленяет красота:
Головой они качают,
Правду горькую вещают
Их поблеклые уста.

Мы же лгать обречены:
Роковым узлом от века
В слабом сердце человека
Правда с ложью сплетены.

Лишь уста открою — лгу,
Я рассечь узлов не смею,
А распутать не умею,
Покориться не могу.

Лгу, чтоб верить, чтобы жить,
И во лжи моей тоскую.
Пусть же петлю роковую,
Жизни спутанную нить,

Цепи рабства и любви,
Все, пред чем я полон страхом,
Рассекут единым взмахом,
Парка, ножницы твои!

1892

ТИШИНА

Бури лишь в юности сердце пленяют,
Но пролетают:
Сила ничтожна их дикая,
И после них остается одна
Правда великая,
Ненарушимая —
В сердце — покой, в небесах — тишина,

Ибо лазурь
Вечно — безмолвная,
Недостижимая,
Так же, как истина полная,
Выше всех бурь.

Бог — не в словах, не в молитвах,
Не в смертоносном огне,
Не в разрушении и битвах,
Бог — в тишине.

Небо и солнце полны тишиной:
Глубже, чем все мимолетные звуки,
Глубже, чем радость и муки,
В сердце безбурном,
В небе лазурном —
Вечный покой.

1892

НЕУЛОВИМОЕ

Всю жизнь искать я буду страстно,
И не найду, и не пойму,
Зачем люблю Его напрасно,
Зачем нет имени Ему.

Оно — в моей высокой мысли,
Оно — в тени плакучих ив,
Что над гробницею повисли,
Оно — в тиши родимых нив.

В словах любви и в шуме сосен,
И наяву, и в грезах сна,
В тебе, задумчивая осень,
В тебе, безгрешная весна!
В страницах древних книг, в лазури,
В согретом матерью гнезде,

В молитве детских дней и в буре,
Оно — везде. Оно — нигде!

Недостижимо, но сияет,
Едва найду, едва коснусь,
Неуловимо ускользает,
И я один, и я томлюсь.

И встаю порой мятежно:
Хочу забыть, хочу уйти,
И вновь тоскую безнадежно,
И, знаю, нет к Нему пути.

1893

ДЕТИ НОЧИ

Устремляя наши очи
На бледнеющий восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, придет ли наш пророк.
И, с надеждою в сердцах,
Умирая, мы тоскуем
О несозданных мирах.
Мы неведомое чужом.
Дерзновенны наши речи,
Но на смерть осуждены
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.
Погребенных воскресенье
И, среди глубокой тьмы,

Петуха ночное пенье,
Холод утра — это мы.
Мы — над бездною ступени,
Дети мрака, солнца ждем:
Свет увидим и, как тени,
Мы в лучах его умрем.

<1894>

НОЯБРЬ

Бледный месяц — на ущербе,
Воздух — звонок, мертв и чист,
И на голой, зябкой вербе
Шелестит увядший лист.

Замерзает, тяжелеет
В бездне тихого пруда,
И чернеет, и густеет
Неподвижная вода.

Бледный месяц на ущербе
Умирающий лежит,
И на голой черной вербе
Луч холодный не дрожит.

Блещет небо, догорая,
Как волшебная земля,
Как потерянного рая
Недоступные поля.

НИРВАНА

И вновь, как в первый день создания,
Лазурь небесная тиха,
Как будто в мире нет страдания,
Как будто в сердце нет греха.
Не надо мне любви и славы:
В молчаньи утренних полей
Дышу, как дышат эти травы...
Ни прошлых, ни грядущих дней
Я не хочу пытаться и числить.
Я только чувствую опять,
Какое счастье — не мыслить,
Какая нега — не желать!
<1895>

ПРУД

Не осуждай меня, пойми:
Я не хочу тебя обидеть.
Душа устала ненавидеть,
Я не умею жить с людьми.
Я знаю — с ними задохнусь.
Я — весь иной, я — чуждой веры.
Их ласки — жалки, дни их серы...
Пусти меня! Я их боюсь.
Не знаю сам, куда пойду,
Они везде, их слишком много...

Спускаюсь тропинкою отлогой
К давно заглохшему пруду...
Вода — прозрачнее стекла...
Над ней и в ней кусты рябины.
Я слышу душный запах тины...
Вода немая умерла,

И бездыханен темный пруд...
Но тишине не доверяю,
И вновь душа трепещет, — знаю,
Они и здесь меня найдут!..

Но слышу, кто-то шепчет мне:
«Скорей, скорей! Уединение,
Забвение, освобождение —
Лишь там... внизу... на дне... на дне...»

1895

ДЕТСКОЕ СЕРДЦЕ

Я помню, как в детстве нежданную сладость
Я в горечи слез находил иногда,
И странную негу, и новую радость —
В мученьи последних обид и стыда.

В постели я плакал, припав к изголовью;
И было прощением сердце полно,
И все ж не людей, — бесконечной любовью
Я Бога любил и себя, как одно.

И словно незримый слетал утешитель,
И с ласкою тихой склонялся ко мне;

Не знал я, то мать или ангел-хранитель,
Ему я, как ей, улыбался во сне.

В последней обиде, в предсмертной пустыне,
Когда и в тебе изменяет мне все,
Не ту же ли сладость находит и ныне
Покорное, детское сердце мое?

Безумье иль мудрость, — не знаю, но чаще,
Все чаще той сладостью сердце полно,
Итак, — что чем сердцу больнее, тем слаще,
И Бога люблю и себя, как одно.

16 августа 1900

ДВОЙНАЯ БЕЗДНА

Не плачь о неземной отчизне,
И помни: более того,
Что есть в твоей мгновенной жизни,
Не будет в смерти ничего.

И жизнь, как смерть, необычайна...
Есть в мире здешнем — мир иной.
Есть ужас тот же, та же тайна —
И в свете дня, как в тьме ночной.

И смерть и жизнь — родные бездны:
Они подобны и равны,
Друг другу чужды и любезны,
Одна в другой отражены.

Одна другую углубляет,
Как зеркало, а человек
Их съединяет, разделяет
Своею волею навек.

И зло, и благо — тайна гроба.
И тайна жизни — два пути —
Ведут к единой цели оба,
И все равно, куда идти.

<1901?>

* * *

О, если бы душа полна была любовью,
Как Бог мой на кресте — я умер бы любя.
Но ближних не люблю, как не люблю себя,
И все-таки порой исходит сердце кровью.

О, мой Отец, о, мой Господь,
Жалею всех живых в их слабости и силе,
В блаженстве и скорбях, в рожденьи и могиле.
Жалею всякую страдающую плоть.

И кажется порой — у всех одна душа,
Она зовет Тебя, зовет и умирает,
И бредит в шелесте ночного камыша,
В глазах больных детей, в огнях зарниц сияет.

Душа моя и Ты — с Тобою мы одни.
И смертною тоской и ужасом объятый,
Как некогда с креста Твой Первенец Распятый,

Мир вопиет: Ламá! Ламá! Савахфанí¹.
Душа моя и Ты — с Тобой одни мы оба,
Всегда лицом к лицу, о, мой последний Враг.
К Тебе мой каждый вздох, к Тебе мой каждый шаг
В мгновенном блеске дня и в вечной тайне гроба,
И в буйном ропоте Тебя за жизнь кляня,
Я все же знаю: Ты и Я — одно и то же,
И вопию к Тебе, как сын твой: Боже, Боже,
За что оставил Ты меня?

<1901>

¹ «Или́! Или́! ламá савахвани́?» — «Боже мой! Боже мой! для чего Ты меня оставил?» (Евангелие от Матфея, XXVII:46). Эти слова Христос произнес на арамейском языке.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

ПОЛНОЛУНИЕ

Лишь черный хрящ в росе алмазной.
Да цепи скал, да зыби блеск...
Ревучий сбег, гремучий плеск,
Прибоя плеск однообразный...

Над морем полная луна
На пепле сизом небосклона,
И с преисполненного лона
Катится сонная волна —

И на зеркало влаги встречной
Роняет изумруд лучей...
Вдали ж не сякнет искротечный,
Бело-расплавленный ручей...

Стихий текучих колыбель,
То — мир безжизненно-астральный?
Или потоп первоначальный —
Земли младенческой купель?

<1899>

НА СКЛОНЕ

Овцы бродят подо мною,
Щиплют зимний злак стремнин.
С атлантической волною
Из обрывистых глубин

Веет солью. Твердь яснее
Робкой лаской меж камней.
Даль туманная синее;
Чайка искрится по ней...

Горько, Мать-Земля, и сладко
Мне на грудь твою прилечь!
Сладко Время, как загадка
Разделения и встреч.

С тихим солнцем и могилой
Жизнь мила, как этот склон, —
Сон неведения милый
И предчувствий первый сон!

1899 (?)

ВЕЧНОСТЬ И МИГ

Играет луч, на гранях гор алея;
Лучится дум крылатая беспечность...
Не кровью ль истекает сердце, млея?..

Мгновенью ль улыбнулась, рдея, Вечность?
Лобзаньем ли прильнуло к ней Мгновенье?..

Но всходит выше роковая млечность.
Пугливый дух приник в благоговенье:
Гость бледный входит в льдистый дом к Бессмертью,
И синей мглой в снегах легло Забвенье...

Молчанье! Вечность там, одна со Смертью!

<1903>

МОСКВА

А. М. Ремизову

Влачась в лазури, облака
Истомой влаги тяжелеют.
Березы никлые белеют,
И низом стелется река.

И Город-марево, далече
Дугой зеркальной обойден, —
Как солнца зарных ста знамен —
Ста жарких глав затеплил свечи.

Зеленой тенью поздний свет,
Текучим золотом играет;
А Град горит и не сгорает,
Червонный зыбля пересвет.

И башен тесною толпою
Маячит, как волшебный стан,
Меж мглой померкнувших полян
И далью тускло-голубою:

Как бы, ключарь мирских чудес,
Всей столпной крепостью закланий

Замкнул от супротивных ратей
Он некий талисман небес.

18 июня 1904

ОЗИМЬ

Как осенью ненастной тлеет
Святая озимь, — тайно дух
Над черною могилой реет,
И только душ легчайших слух
Незадрожавший трепет ловит
Меж косных глыб, — так Русь моя
Немотной смерти прекословит
Глухим зачатьем бытия...

1904

ПОЭТЫ ДУХА

Снега, зарей одеты
В пустынях высоты,
Мы — Вечности обеты
В лазури Красоты.

Мы — всплески рдяной пены
Над бледностью морей.
Покинь земные плены,
Воссядь среди царей!

Не мни: мы, в небе тая,
С землей разлучены, —

Ведет тропа святая
В заоблачные сны.

<1904>

ВЕСЕННЯЯ ОТТЕПЕЛЬ

Ленивым золотом текло
Весь день и капало светило,
Как будто влаги не вместило
Небес прозрачное стекло.

И клочья хмурых облак, тая,
Кропили пегие луга.
Смеялась влага золотая,
Где млели бледные снега.

23 января 1905

ИСТОМА

И с вами, кущи дремные,
Туманные луга,
Вы, темные, поемные,
Парные берега,
Я слит ночной любовью.
Истомой ветерка,
Как будто дымной кровию
Моей бежит река!

И, рея огнесклонами
Мерцающих быстрин,

Я — звездный сев над лонами
Желающих низин!

И, пьян дремой бессонною,
Как будто стал я сам
Женою темнолонною,
Отверстой небесам.

<1906>

НА БАШНЕ

Л. Д. Зиновьевой-Аннибал

Пришелец, на башне притон я обрел
С моею царицей — Сивиллой,
Над городом-мороком — смурый орел
С орлицей ширококрылой.

Стучится, вскрутя золотой листопад,
К товарищам ветер в оконца:
«Зачем променяли свой дикий сад
Вы, дети — отступники Солнца,

Зачем променяли вы ребра скал,
И шепоты вашей пещеры,
И ропоты моря у гордых скал,
И пламенноликие сферы —

На тесную башню над городом мглы?
Со мной, на родные уступы!..»
И клекчет Сивилла: «Зачем орлы
Садятся, где будут трупы?»

Между 1905 и 1907

ИОВ

Божественная доброта
Нам светит в доле и недоле,
И тень вселенского креста
На золотом простерта поле.
Когда ж затмится сирый дол
Голгофским сумраком, — сквозь слезы
Взгляни: животворящий ствол
Какие обнимают розы!

Кто, мирных пристаней беглец,
В широких океанах плавал,
Тот знал, отчаянный пловец,
Как душу делят бог и дьявол:
Кому ты сам пойдешь, кому
Судьбы достанутся обломки;
Он помнит бурь крошечных тьму
И горший мрак — души потемки.

Но лишь кто долгий жизни срок
Глубоко жил и вечно ново,
Поймет — не безутешный рок,
Но утешение Иова:
Как дар, что бог назад берет,
Упрямым сердцем не утрачен,
Как новой из благих щедрот
Возврат таинственный означен.

Лето 1912

ЛИДИЯ ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ

БЕЛАЯ НОЧЬ

Червлёный щит тонул — не утопал,
В струях калился золотого рая...
И канул... Там, у заревого края,
В купели неугасной свет вскипал.

В синь бледную и в празелень опал
Из глуби камня так горит, играя.
Ночь стала — без теней. Не умирая,
В восточный горн огонь закатный пал.

Недвижен свет. Дома, без протяженья, —
И бдительны, и слепы. Ночь — как день.
Но не межует грани четко тень.

Река хранит чудес отображенья.
Ей расточить огонь небесный — лень...
Намеки здесь — и там лишь достиженья.

<1907>

ОСЕННЕЕ

1

Осенняя земля,
сырая и отцветшая,

выдыхает, не жалея,
последние соки,
ненужные.
Осенняя земля,
черная и покинутая,
к небу бледному
поднимает
свой пахучий дух,
торопящий,
и в прозрачном просторе
остра ее последняя
сладость.

Навстречу ей
высокое солнце
лучи льет,
бескорыстные,
бледные, тихие,
не теплые.

И в прозрачном просторе
разлился его свет
не скупой, не шумный,
ненужный.

Так ты, сердце,
осеннее сердце, еще кадишь дымами
развеянными,
пьяными, ненужными,
предзимними.

И легко и молчаливо
тебе сияет

высокое солнце,
бескорыстное солнце.

2

Дожди размыли ее одежду,
дожди разрыли черное тело.

И стало тело ее нагое —
больное, сочащееся,
бесстыдное тело
осеннее.

Ну, изливало тело
фиалы благовоний
перед зимою — обещания
перед зимою последней любви,
безответной любви
осенняя.

Дышит сердце мое
холодный дух
благовонный
дух земляной,
и с пустой высоты
синей
лучи остывшие
к нам прикоснулись
сладострастием.

<1907>

ПОЛИКСЕНА СОЛОВЬЕВА
(ALLEGRO)

ИНЕЙ

Помню, вчера над замерзшей землей
Сумрак густел чернотою безбрежной,
Кто же наваял ночью порой
Темному городу сон белоснежный?

В сумраке стен, вдоль решеток резных,
Кто уронил эту пыль кружевную,
Кто и с камней и с деревьев нагих
Снял дуновением тяжесть земную?

Иней в полночи на землю слетал,
Иней хотел, чтобы чудо свершилось,
Тихо молитву свою прошептал,
Слышал Господь — и земля изменилась.

Так над моей потемневшей душой
Чудо свершает полет свой незримый,
Слышу, вздыхает во тьме надо мной
Светлой молитвою голос любимый.

Пусть же под белым сплетеньем ветвей
Путь мне откроется новый и ясный,

Дымом серебряным жизнь мне овей,
Иней души моей, иней прекрасный.

<1905>

НОВЫЙ СОН

Все, чем, сгорая, душа томится,
Все жизни вещие слова —
Все это в вечность, как сон, умчится,
И мы с тобою — сон божества.
Но помни, друг мой, что в нашей власти
Нарушить темный любви закон
И, умирая, из светлой страсти
Создать великий и новый сон.

<1914>

ПЕТЕРБУРГ

Быть Петербургу пусту.

Евдокия

Мне снятся жуткие провалы
Зажатых камнями дворов,
И черно-дымные каналы,
И дымы низких облаков.
Молчат широкие ступени,
Молчат угрюмые дворцы,
Лишь всхлипывает дождь осенний,
Слезясь на скользкие торцы.
На площадях пустынно-гулких
Погас огней янтарный ряд,

Безмолвны щели-переулки,
Безогнен окон мертвый взгляд.
И ветер панихиду стонет
По скатам крыш, средь черных труб,
И мгла осенняя хоронит,
Омыв дождями, тяжкий труп.
О, город крови и мучений,
Преступных и великих дел!
Незабываемых видений
Твой зодчий дал тебе удел.
О, город страшный и любимый!
Мне душу пьют твой мрак и тишь.
Проклятьем женщины томимый,
Ты умер?.. Нет, не умер — спишь.
И снится: кто-то невысокий
В плаще, с кудрявой головой,
Проходит грустный, одинокий,
И шепчет сладостные строки
Над молчаливою Невой.
И верю я, что смерть безвластна
И нет бесславного конца,
Что Он проходит не напрасно
И что сильнее злобы страстной
Благословение певца.

1915

СТАРЫЙ МОНАСТЫРЬ

Зубцами белая ограда,
Прорезы узкие бойниц,

У стен зеленая прохлада,
Кресты и мраморы гробниц.
Широкоствольная аллея,
Корней извилистый узор.
В закатном золоте алея,
Сомкнулся лиственный шатер.
Гуденье пчел отягощенных,
Медвяный вздох цветущих лип,
Из келий, к саду обращенных,
Оконниц ветхих робкий скрип.
Здесь жизни горести и страхи
Заключены, без жал, без слов.
И дни проходят, как монахи,
Под мертвый гул колоколов.

В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

Мы вышли, и месяц взглянул нам в лицо,
Печальный, холодный, далекий,
Вокруг него мутно белеет кольцо,
Свершая с ним путь одинокий.

Мы вышли из тяжких и гулких дверей,
Минуя угрюмые сени,
От ветра колеблется свет фонарей,
Дрожат и шатаются тени.

Вдоль улицы бледной вся жизнь умерла,
Лишь окна чуть рдеют огнями,

Везде голубая хрустальная мгла,
Вблизи, и вдали, и над нами.

Привет наш прощальный так робко звучит,
Пугает наш путь одинокий,
А месяц нам в бледные лица глядит
Холодный, печальный, далекий.

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

ЧЕЛН ТОМЛЕНЬЯ

Князю А. И. Урусову

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.

Величавый возглас волн.

Близко буря. В берег бьется

Чуждый чарам черный челн.

Чуждый чистым чарам счастья,

Челн томленья, челн тревог

Бросил берег, бьется с бурей,

Ищет светлых снов чертог.

Мчится взморьем, мчится морем,

Отдаваясь воле волн.

Месяц матовый взирает,

Месяц горькой грусти полн.

Умер вечер. Ночь чернеет.

Ропщет море. Мрак растет.

Челн томленья тьмой охвачен.

Буря воет в бездне вод.

1894

* * *

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вокруг раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

А внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

<1894>

* * *

Мы шли в золотистом тумане
И выйти на свет не могли,

Тонули в немом океане,
Как тонут во мгле корабли.

Нам снились видения рая,
Чужие леса и луга,
И прочь от родимого края
Иные влекли берега.

Стремясь ускользящим взглядом
К пределам безвестной земли,
Дышали с тобою мы рядом,
Но был я как будто вдали.

И лгали нам ветры и тучи,
Смеялись извивы волны,
И были так странно певучи
Беззвучные смутные сны.

И мы бесконечно тонули,
Стремясь от влаги к земле, —
И звезды печально шепнули,
Что мы утонули во мгле.

1895

РАВНИНА

Как угрюмый кошмар исполина,
Поглотивши луга и леса,
Без конца протянулась равнина
И краями ушла в небеса.

И краями пронзила пространство,
И до звезд прикоснулась вдали,
Затенив мировое убранство
Монотонной печалью земли.

И далекие звезды застыли
В беспредельности мертвых небес,
Как огни бриллиантовой пыли
На лазури предвечных завес.

И в просторе пустыни бесплодной,
Где недвижим кошмар мировой,
Только носится ветер холодный,
Шевеля пожелтевшей травой.

Декабрь 1896

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора, —
Над зябкой рекою дымится прохлада, —
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далеко-далеко.
Во всем утомленье — глухое, немое.

Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада, —
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.

1900

* * *

Я — изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты — предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я — внезапный излом,
Я — играющий гром,
Я — прозрачный ручей,
Я — для всех и ничей.

Переплеск многопенный, разорванно-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переключки лесные зеленого мая —
Все пойму, все возьму, у других отнимая.

Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я — изысканный стих.

<1901>

* * *

Она отдалась без упрёка,
Она целовала без слов.
— Как темное море глубоко,
Как дышат края облаков!

Она не твердила: «Не надо»,
Обетов она не ждала.
— Как сладостно дышит прохлада,
Как тает вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утрат.
— Как сказочно светят созвездья,
Как звезды бессмертно горят!

1903

КАМЫШИ

Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно шуршат камыши.

О чем они шепчут? О чем говорят?
Зачем огоньки между ними горят?

Мелькают, мигают — и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий свет.

Полночной порой камыши шелестят.
В них жабы гнездятся, в них змеи свистят.

В болоте дрожит умирающий лик.
То месяц багровый печально поник.

И тиной запахло. И сырость ползет.
Трясина заманит, сожмет, засосет.
«Кого? Для чего? — камыши говорят. —
Зачем огоньки между нами горят?»
Но месяц печальный безмолвно поник.
Не знает. Склоняет все ниже свой лик.
И вздох повторяя погибшей души,
Тоскливо, бесшумно шуршат камыши.

ЗАТОН

Когда ты заглянешь в прозрачные воды
затона,
Под бледною ивой, при свете вечерней
звезды,
Невнятный намек на призыв колокольного
звона
К тебе донесется из замка хрустальной воды.
И ты, наклонившись, увидишь прекрасные
лица,
Испуганным взором заметишь меж ними
себя,
И в сердце твоём за страницей вспыхнет
страница,
Ты будешь читать их, как дух, не скорбя,
не любя.

И я душой усталой
Себя не различал.

Я слился с этой сонной
Тяжелой тишиной,
Забывтый, обделенный,
Я весь был тьмой ночной.

А бодрый, как могильщик,
Во мне тревожа мрак,
В стене жучок-точильщик
Твердил: «Тик-так. Тик-так».

АПОЛЛОН КОРИНФСКИЙ

В ТУМАНЕ

Константину Михайловичу Фофанову

И вот опять ползут косматые туманы
Из северных болот и сумрачных лесов,
Покинув нехотя просторные поляны
Для тесной суеты шумливых городов...

Задержнуты с утра какой-то мутной мглой
Огромные дома, сады и острова,
Гранитные дворцы над смолкшею рекою
И в латах ледяных красавица Нева...

И снова целый день по улицам туманным
Брожу я, затаив в груди печаль свою,
И — как больной в бреде — в своем кошмаре
 странном
Ни близких, ни врагов кругом не узнаю...

Худые, бледные, измученные лица
Повсюду предо мной мелькают; из-за них
Глядит в мои глаза туманная столица
Зрачками мутными несчастных глаз своих...

И думается мне: весь этот город шумный
Внезапно заболел, и бред его больной,

Сливаясь с моей тоскою многодумной,
Звучит во мне самом и гонится за мной...

19 декабря 1891

* * *

К пустынному приволью
Склонился небосклон;
Душистый воздух смолюю
И зноем напоен.

Ни зверя и ни птицы
Среди прямых стволов;
Над ними — вереницы
Жемчужных облаков.

Пески, да мхи, да хвоя
В безлюдной стороне.
Предчувствие покоя —
В природе и во мне!..

22 июля 1896

НАПЕВ ЛЮБВИ

Напев любви, напев прощальный,
Звенел и плакал за стеной, —
Ему внимал душой печальной,
Я слышал в нем призыв родной.

Кто пел, кто плакал — я не знаю,
Но сердце пело вместе с ним,

С земли к потерянному раю
Летя над всем моим былым.

Отрясши страх тоски бесплодной,
Живой мелодией дыша,
Хоть миг один была свободной
Порабощенная душа.

Умолкла песня, стихли звуки,
Жизнь подхватила, как волна;
Но грудь моя блаженной муки
И вдохновенных грез полна...

Путь безотрадный, путь печальный
Передо мною вновь лежит, —
Но счастлив я: напев прощальный,
Напев любви во мне звучит!

1903

ВАРВАРА МАЛАХИЕВА-МИРОВИЧ

* * *

Звонко плещется ведро
В глубине колодца черной;
Быстрых капель серебро
На кайме пушистой дерна.

Напоили резеду
И гвоздики, и левкои.
У игуменьи в саду
Маки в огненном бреду
Славят царствие земное.

У колодца шум растет,
Словно улей в час роенья:
Лизавета в мир идет —
Замуж дьяк ее берет —
Искушенья! Искушенья!
Душа моя — свечечка малая
Перед Иконою Спасителя темною.
Сегодня она пасхальная, алая.
Вчера была страстная, зеленая.

Вчера омыло ее покаяние,
Омыло чистой водой, нетленною,
И стало радостью испытание,
И радость стала совершенною.

Лучится мой дух, слезами теплится,
Огарочек малый перед иконою,
Сейчас догорит и опять засветится
Страстной — покаянной, свечой зеленою.

<1915>

* * *

Сказывают в песнях, сестрица Мариша,
Про земную любовь поют соловьи,
А я всегда в их щебете слышу,
Что мало и им земной любви.

Слыхала я тоже: в лунные ночи
Иных мечтанья плотские томят —
А мне, как закрою очи,
Все невидимый видится град.

Рассказать про него не умею,
Но в снах я в нем живу,
И проснувшись, одно лелею:
Узреть его наяву.

Скоро уж смертушка милая
Мне двери к нему отопрет:
Сама я и от роду хилая,
И кашляю третий год.

* * *

В третьем годе
Мучилась я, Пашенька, головой;
Прямо скажу, что была я вроде
Порченой какой.

Голова болеть начинает —
Сейчас мне лед, порошки,
А я смеюсь, дрожу — поджидаю,
Прилетят ли мои огоньки.

День ли, ночь ли — вдруг зажигается
Вокруг звезда за звездой,
В хороводы, в узоры сплетаются,
Жужжат, звенят, как пчелиный рой.

Церковь над ними потом воссияет,
Невидимые хоры поют —
Не то меня хоронят, не то венчают,
Не то на небо живую несут.

И так я эту головную боль любила,
Срывала лед, бросала порошки,
Но матушка-сиделка усердно лечила,
Так и пропали мои огоньки.

<1915>

* * *

Расписала Аннушка игуменье писанку
Черною глаголицей: Христос воскрес!

По красному полю золотые листья,
Золотые гвозди, и копье, и крест.

Все-то мы хлопочем, все-то украшаемся,
Писанки да венчики, пасхи, куличи,
В этих куличах-то все и забывается.
В сердце Божьей Матери стрелы и мечи.

Божий Сын во гробе, ангелы в смятении,
По церквям рыдальные гласы похорон,
Славят страсти Господа и Его терпение,
А у нас-то скалок, мисок перезвон.

<1915>

* * *

Вот и кончилось мое послушание,
Отжала полосыньку до конца,
Прими, Господи, мое покаяние,
Не отжени от Твоего лица.
Призри на долгое мое смирение!
А если гореть повелишь в аду,
Пошли мне для адовых мук терпение:
С именем Твоим во ад сойду.

Глашенька, свечку зажги мне отходную,
Стань в головах, отпускную прочти —
Девичьи молитвы до Бога доходные.
Дурость мою и гневливость прости.

<1915>

ЗИНАИДА ГИППИУС

ЛЮБОВЬ — ОДНА

Единый раз вскипает пеной
И рассыпается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет: любовь — одна.

Мы негодуем, иль играем,
Иль лжем — но в сердце тишина.
Мы никогда не изменяем:
Душа одна — любовь одна.

Однообразно и пустынно,
Однообразием сильна,
Проходит жизнь... И в жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.

Лишь в неизменном — бесконечность,
Лишь в постоянном глубина.
И дальше путь, и ближе вечность,
И все ясней: любовь одна.

Любви мы платим нашей кровью,
Но верная душа — верна,

И любим мы одной любовью...
Любовь одна, как смерть одна.

1896

ТЫ ЛЮБИШЬ?

Был человек. И умер для меня.
И, знаю, вспоминать о нем не надо.
Концу всегда, как смерти, сердце радо.
Концу земной любви — закату дня.

Уснувшего я берегу покой.
Да будет легкою земля забвенья!
Распались тихо старой цепи звенья...
Но злая жизнь меня свела — с тобой.

Когда бываем мы наедине —
Тот, мертвый, третий — вечно между нами.
Твоими на меня глядит очами
И думает тобою — обо мне.

Увы! в тебе, как и, бывало, в нем
Не верность — но и не измена...
И слышу страшный, томный запах тлена
В твоих речах, движениях, — во всем.

Безогненного чувства твоего,
Через мертвеца в тебе, — не принимаю;
И неизменно-строгим сердцем знаю,
Что не люблю тебя, как и его.

1896

ПЫЛЬ

Моя душа во власти страха
И горькой жалости земной.
Напрасно я бегу от праха —
Я всюду с ним, и он со мной.

Мне в очи смотрит ночь нагая,
Унылая, как темный день.
Лишь тучи, низко набегая,
Дают ей мертвенную тень.

И ветер, встав на миг единый,
Дождем дохнул — и вмиг исчез.
Волокна серой паутины
Плывут и тянутся с небес.

Ползут, как дни земных событий,
Однообразны и мутны.
Но сеть из этих легких нитей
Тяжеле смертной пелены.

И в прахе душном, в дыме пыльном,
К последней гибели спеша,
Напрасно в ужасе бессильном
Оковы жизни рвет душа.

А капли тонкие по крыше
Едва стучат, как в робком сне.
Молю вас, капли, тише, тише...
О, тише плачьте обо мне!

1897

МЕРТВАЯ ЗАРЯ

Пусть загорается денница,
В душе погибшей — смерти мгла.
Душа, как раненая птица,
Рвалась взлететь — но не могла.

И клонит долу грех великий,
И тяжесть мне не по плечам.
И кто-то жадный, темноликий,
Ко мне приходит по ночам.

И вот — за кровь плачу я кровью.
Друзья! Вы мне не помогли
В тот час, когда спасти любовью
Вы сердце слабое могли.

О, я вины не налагаю:
Я в ваши верую пути,
Но гаснет дух... И ныне — знаю —
Мне с вами вместе не идти.

1901

СНЫ

Все дождик да дождик... Все так же качается
Под мокрым балконом верхушка сосны...
О, дни мои мертвые! Ночь надвигается —
И я оживаю. И жизнь моя — сны.

И вплоть до зари, пробуждения вестницы, —
Я в мире свершений. Я радостно сплю.

Вот узкие окна... И белые лестницы...
И все, кто мне дорог... И все, что люблю.

Притихшие дети, веселые странники,
И те, кто боялся, что сил не дано...
Все ныне со мною, все ныне избранники,
Одною любовью мы слиты в одно.

Какие тяжелые волны курения,
Какие цветы небывалой весны,
Какие молитвы, какие служения...

.....

Какие живые, великие сны!

1901

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Две нити вместе свиты,
Концы обнажены.
То «да» и «нет», — не слиты,
Не слиты — сплетены.
Их темное сплетенье
И тесно, и мертво,
Но ждет их воскресенье,
И ждут они его.
Концов концы коснутся —
Другие «да» и «нет»,
И «да» и «нет» проснутся,
Сплетенные сольются,
И смерть их будет — Свет.

ЧАСЫ СТОЯТ

Часы остановились. Движенья больше нет.
Стоит, не разгораясь, за окнами рассвет.

На скатерти холодной неубранный прибор,
Как саван белый, складки свисают на ковер.

И в лампе не мерцает блестящая дуга...
Я слушаю молчанье, как слушают врага.

Ничто не изменилось, ничто не отошло;
Но вдруг отяжелело, само в себя вросло.

Ничто не изменилось, с тех пор как умер звук.
Но точно где-то властно сомкнули тайный круг.

И все, чем мы за краткость, за легкость дорожим, —
Вдруг сделалось бессмертным, и вечным — и чужим.

Застыло, каменея, как тело мертвеца...
Стремление — но без воли. Конец — но без конца.

И вечности безглазой беззвучен строй и лад.
Остановилось время. Часы, часы стоят!

1902

ПАУКИ

Я в тесной келье — в этом мире.
И келья тесная низка.
А в четырех углах — четыре
Неутомимых паука.

Они ловки, жирны и грязны.
И все плетут, плетут, плетут...
И страшен их однообразный
Непрерывающийся труд.

Они четыре паутины
В одну, огромную, сплели.
Гляжу — шевелятся их спины
В зловонно-сумрачной пыли.

Мои глаза — под паутиной.
Она сера, мягка, липка.
И рады радостью звериной
Четыре толстых паука.

1903

ОНА

В своей бессовестной и жалкой низости,
Она, как пыль, сера, как прах земной.
И умираю я от этой близости,
От неразрывности ее со мной.

Она шершавая, она колючая,
Она холодная, она змея.
Меня изранила противно-жгучая
Ее коленчатая чешуя.

О, если б острое почуял жало я!
Неповоротлива, тупа, тиха.
Такая тяжкая, такая вялая,
И нет к ней доступа — она глуха.

Своими кольцами она, упорная,
Ко мне ласкается, меня душа.
И эта мертвая, и эта черная,
И эта страшная — моя душа!

1905

ПЕТЕРБУРГ

Сергею Платоновичу Каблукову

«Люблю тебя, Петра творенье...»

Твой остов прям, твой облик жёсток,
Шершавопыльный — сер гранит,
И каждый зыбкий перекресток
Тупым предательством дрожит.

Твое холодное кипенье
Страшней бездвижности пустынь:
Твое дыхание — смерть и тленье,
А воды — горькая полынь.

Как уголь дни, — а ночи белы,
Из скверов тянет трупной мглой.
И свод небесный, остеклелый,
Пронзен заречною иглой,

Бывает: водный ход обратен,
Вздыбься, идет река назад...
Река не смоем рыжих пятен
С береговых своих громад,

Те пятна, ржавые, вкипели,
Их не забыть, не затоптать...
Горит, горит на темном теле
Неугасимая печать!

Как прежде, вьется змей твой медный,
Над змеем стынет медный конь...
И не сожрет тебя победный
Всеочищающий огонь, —

Нет! Ты утонешь в тине черной,
Проклятый город, Божий враг!
И червь болотный, червь упорный
Изъест твой каменный костяк!

1909, СПб

МИРРА ЛОХВИЦКАЯ

СУМЕРКИ

С слияньем дня и мглы ночной
Бывают странные мгновенья,
Когда слетают в мир земной
Из мира тайного виденья...

Скользят в тумане темноты
Обрывки мыслей... клочья света...
И бледных образов черты,
Забытых меж нигде и где-то...

И сердце жалостью полно,
Как будто жжет его утрата
Того, что было так давно...
Что было отжито когда-то...

17 февраля 1894

ГИМН ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

Пальмы листьями перистыми
Чуть колеблют в вышине;
Этот вечер снами чистыми
Опьяняет душу мне.

За горами темно-синими
Гаснет радужный закат;
Ветер, веющий пустынями,
Льет миндальный аромат.

Грозный там, в стране загубленной,
Он притих на склоне дня...
Мой желанный, мой возлюбленный,
Где ты?.. Слышишь ли меня?

Помня клятвы незабытые —
Быть твоею иль ничьей,
Я спешу к тебе, залитая
Блеском розовых лучей.

Тороплюсь сорвать запястия,
Ожерелье отстегнуть...
Неизведанного счастья
Жаждет трепетная грудь, —

Сбросить бремя жизни тягостной,
Прах тернистого пути.
О мой светлый, о мой радостный,
Утомленную впусти!

Я войду в чертог сияющий,
Где, на ложе мирт и роз,
Ты покоишься, внимающий
Лепетанью райских грез.

Выну масти благовонные,
Умашу твою голову,

Поцелую очи сонные,
Грезы райские прерву.

Я войду в твой храм таинственный,
Ласки брачные готовь.
Мой прекрасный, мой единственный,
Утоли мою любовь!

<1896—1897>

* * *

Напрасно спущенные сторы
Не пропускают свет дневной,
Напрасно жгут и нежат взоры,
Они бессильны надо мной.

С улыбкой бледной, безучастной
Внимаю я твоим мольбам;
Ужели гордость доли властной
Так безрассудно я отдам?

Поверив страсти малодушной,
Пойду ли всюду за тобой
Твоей любовницей послушной,
Твоею преданной рабой?

Но цепи рабства слишком близки...
О, дай упиться перед ним
Минутной властью одалиски
Над повелителем своим!

<1896—1897>

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Мы остались вдвоем, — и летели мгновенья...

Я ждала, замирая, томясь и любя.

Я искала восторга, искала забвенья,

Я любила тебя, я желала тебя.

И под бременем гроз опускались ресницы,

И сомкнулись — в предчувствии сладком — оне.

И сплелись мы с тобою, как вольные птицы,

Чей полет мы ревниво следим в вышине.

И надолго забылась я в странном мечтанье:

Мне казалось, что пальмы над нами шумят,

И звучало невидимых арф трепетанье,

И цветов неизвестных забил аромат.

Как листок, увлеченный теченьем потока,

Иль дыханием бури — песчинка земли,

В этот миг унеслась я далёко, далёко,

Утонула в лазури, в безбрежной дали...

Но — сквозь облако сна и туман сладострастья —

О, какой мне сиял бесконечный экстаз

На лице дорогом, побледневшем от счастья,

В глубине затемненных и меркнущих глаз!

<1896—1897>

ПЕСНЬ ЛЮБВИ

Где ты гордость моя, где ты воля моя?

От лобзаний твоих обессилела я...

Столько тайн и чудес открывается в них,
Столько нового счастья в объятьях твоих!

Я бесстрашна была, безучастна была,
И мой царский венец ты похитил с чела.
Но сжимай, обнимай — горячей и сильней,
И царица рабынею будет твоей.

Ты был кроток и зол, ты был нежно-жесток,
Очарованным сном усypил и увлек,
Чтоб во сне, как в огне, замирать и гореть,
Умирая, ласкать — и от ласк умереть!

<1896—1897>

* * *

Я жажду наслаждений знойных
Во тьме потушенных свечей,
Утех блаженно-беспокойных,
Из вздохов сотканых ночей.

Я жажду знойных наслаждений,
Нездешних ласк, бессмертных слов,
Неописуемых видений,
Неповторяемых часов.

Я наслаждений знойных жажду,
Я жду божественного сна,
Зову, ищу, сгораю, стражду,
Проходит жизнь, — и я одна!

<1900>

МОЙ САД

Юный мой сад и цветущ, и богат,
Розы струят в нем живой аромат,
Яркие — будто раскрытые жадно уста,
Матово-бледные, — девственных плеч красота,
Чуть розоватые, — щек заалевшихся цвет,
Есть и другие, — которым сравнения нет.
Нет им сравненья, но дышат они и цветут,
В зное томятся — и бури, как счастья, ждут.

.....
Вихри, сомните махровые венчики роз!
Тучи, несите им громы сверкающих гроз!
Жгите их, молнии, чистым небесным огнем, —
Пусть отживают весенним ликующим днем! —
В полном расцвете, без жалких утрат,
Пусть умирает и гибнет мой сад!

<1900>

* * *

Во тьме кружится шар земной,
Залитый кровью и слезами,
Повитый смертной пеленой
И неразгаданными снами.

Мы долго шли сквозь вихрь и зной,
И загубели наши лица.
Но лег за нами мрак ночной,
Пред нами — вспыхнула денница.

Чем ближе к утру — тем ясней,
Тем дальше сумрачные дали.

О, сонмы плачущих теней
Нечеловеческой печали!

Да, в вечность ввергнется тоска
Пред солнцем правды всемогущей.
За нами средние века.
Пред нами свет зари грядущей.

<1904>

* * *

Посмотри — блестя крылами,
Средь лазоревых зыбей
Закружилася над нами
Пара белых голубей.

Вот они, сплетая крылья,
Без преград и без утрат,
Полны неги и бессилья,
В знойном воздухе парят.

Им одним доступно счастье,
Незнакомое с борьбой,
Это счастье — сладострастье,
Эта пара — мы с тобой!

<1890-е гг.>

* * *

Я — жрица тайных откровений.
Во тьме веков мне брезжит день.

В чудесной были воплощений,
В великой лестнице рождений —
Я помню каждую ступень,

Я — жрица откровений тайных,
Слежу за цепью роковой
Моих путей необычайных,
Не мимолетных, не случайных,

Но предначертанных Судьбой.
Я — откровений тайных жрица,
И мир — пустыня для меня,
Где стонут жертва и убийца,
Где страждущих белеют лица
В геенне крови и огня.

<1900-е гг.>

ИВАН БУНИН

* * *

Беру твою руку и долго смотрю на нее,
Ты в сладкой истоме глаза поднимаешь несмело:
Вот в этой руке — все твоё бытие,
Я всю тебя чувствую — душу и тело.
Что надо ещё? Возможно ль блаженнее быть?
Но Ангел мятежный, весь буря и пламя,
Летающий над миром, чтоб смертною страстью губить
Уж мчится над нами!

1898

* * *

Я к ней вошел в полночный час.
Она спала, — луна сияла
В ея окно, — и одеяла
Светился спущенный атлас.
Она лежала на спине,
Нагие раздвоивши груди, —
И тихо, как вода в сосуде,
Стояла жизнь ея во сне.

1898

ОДИНОЧЕСТВО

И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.

Вчера ты была у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один — без жены...

Сегодня идут без конца
Те же тучи — гряда за грядой.
Твой след под дождем у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.

Мне крикнуть хотелось вослед:
«Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

(1903)

ПЕСНЯ

Я — простая девка на баштане.
Он — рыбак, веселый человек.
Тонет белый парус на Лимане,
Много видел он морей и рек.

Говорят, гречанки на Босфоре
Хороши... А я черна, худа.
Утопает белый парус в море —
Может, не вернется никогда!

Буду ждать в погоду, в непогоду...
Не дождусь — с баштана разочтусь,
Выйду к морю, брошу перстень в воду
И косою черной удавлюсь.

(1903—1906)

СЛЕПОЙ

Вот он идет проселочной дорогой,
Без шапки, рослый, думающий, строгий,
С мешками, с палкой, в рваном армячишке,
Держась рукой за плечико мальчишки.

И звонким альтиком, жалобным и страстным,
Поет, кричит мальчишка, — о прекрасном
Об Алексее, Божьем человеке,
Под недовольный, мрачный бас калеки.

«Вы пожалейте, — плачет альт, —
бездомных!
Вы наградите, люди, сырых, темных!»

И бас грозит: «В аду, в огне сгорите!
На пропитанье наше сотворите!»

И, угрожая, властным, мерным шагом
Идет к избышке ветхой над оврагом,
Над скудной балкой вдоль иссохшей речки,
А там одна старуха на крылечке.

И крестится старуха и дрожащей
Рукою ищет грошик завалящий,
И жалко плачет, сморщивая брови,
Об окаянной грешнице Прасковье.

1907

НОВЫЙ ХРАМ

По алтарям, пустым и белым,
Весенний ветер дул на нас,
И кто-то сверху капал мелом
На золотой иконостас.

И звучный гул бродил в колоннах,
Среди лесов. И по лесам
Мы шли в широких балахонах,
С кистями, в купол, к небесам.

И часто, вместе с малярами,
Там пели песни. И Христа,
Что слушал нас в веселом храме,
Мы написали неспроста.

Нам все казалось, что под эти
Простые песни вспомнит Он
Порог на солнце в Назарете,
Верстак и кубовый хитон.

1907

В ЦИРКЕ

С застывшими в блеске зрачками,
В лазурной пустой вышине,
Упруго, качаясь, толчками
Скользила она по струне.

И скрипка таинственно пела,
И тысячи взоров впились
Туда, где мерцала, шипела
Пустая лазурная высь.

Где некая сжатая сила
Струну колебала, свистя,
Где тихо над бездной скользила
Наяда, лунатик, дитя.

28.VI. 16

ПОСЛЕДНИЙ ШМЕЛЬ

Черный бархатный шмель, золотое оплечье,
Заунывно гудящий певучей струной,
Ты зачем залетаешь в жилье человечье
И как будто тоскуешь со мной?

За окном свет и зной, подоконники яркие,
Безмятежны и жарки последние дни,
Полетай, погуди — и в засохшей татарке,
На подушечке красной, усни.

Не дано тебе знать человеческой думы,
Что давно опустели поля,
Что уж скоро в бурьян сдует ветер утрюмый
Золотого сухого шмеля!

26.VII.16

ПАМЯТИ

Ты мысль, ты сон. Сквозь дымную метель
Бегут кресты — раскинутые руки.
Я слушаю задумчивую ель —
Певучий звон... Все — только мысль и звуки!

То, что лежит в могиле, разве ты?
Разлуками, печалью был отмечен
Твой трудный путь. Теперь их нет. Кресты
Хранят лишь прах. Теперь ты мысль. Ты вечен.

<1906—1911>

* * *

Настанет день — исчезну я,
А в этой комнате пустой
Все то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой.

И так же будет залетать
Цветная бабочка в шелку —
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.

И так же будет неба дно
Смотреть в открытое окно,
И море ровной синевой
Манить в простор пустынный свой.

10.VIII.16

АЛЕКСАНДР ЕМЕЛЬЯНОВ-КОХАНСКИЙ

ИЗ ДНЕВНИКА

Обвиняют меня, что я смелый Приап,
Зверь с красивым лицом человека,
Что я тихий, но мстительный раб...
Сын больной ненормального века...
Но смиритесь, ханжи, перед вами мертвец
С обнаженной и смелой душою.
Он надел на себя добровольный венец
И смеется над желтой толпою.
Вы, я знаю, готовы томленье оков
Наложить на того, кто воркует,
Кто бесстыдно снимает покров
И публично идею целует.

<1895>

* * *

Черви черным покрывалом
Осаждают грудь мою...
Сердце бьется звуком алым,
Не стремится к бытию...
Очи черные чаруя,
Черви пиршество дают...

От любви их, поцелуя
Раны крепнут и растут...
Черви черные гниением
Наслаждаются моим,
Как бессмысленным сомнением
Опьяненный пилигрим...
Постепенно гаснет тело,
Черви черные толпой
Проникают в сердце смело
Очарованной каймой.
<1895>

* * *

Вместо глаз у нее васильки,
Вместо кос извиваются змеи...
Над глазами у ней мотыльки,
А в душе знойный сумрак аллеи...
Ея сфера — волшебные сны,
Сладострастные грезы вакханки,
Ея перси желанья полны...
Страсть сквозит в ея пышной осанке...
И когда пылко любит она,
Колдовством ея искрятся очи,
Замирает от неги луна
В влажном сумраке дремлющей ночи.
<1895>

ВЕРА РУДИЧ

* * *

О страсть нежданная последнего порыва,
Последнее «хочу» в огне любимых глаз!
Любовь, любовь моя, о как же ты красива,
Когда горишь в последний раз.
Страданье прочь смело весь прах желаний жадных,
В одно слились в тебе любовница и мать,
И к жизни стала ты из пыток беспощадных,
Чиста и девственна опять.

<1914>

* * *

О вы, чье сердце старости боится!
Она придет, как ласковая мать,
И скажет: «Солнце ласково садится,
Пора усталым за день спать!
Лампаду я затеплю у иконы,
Завешу окна, притушу огни:
Читай молитву. Положи поклоны
И всех, кто дорог, помяни.
Не плачь, не бойся, что кругом темнеет,
Закрой глаза, — я рядом посижу.

Покуда сон тебя не одолеет,
Я сказку старую скажу.
Не плачь, вернешься ты опять к забавам,
За этой ночью снова будут дни.
Теперь же росы падают по травам,
Усталым спать пора. Усни!»

ЛИЛИЯ

На болоте топком, на гнилой трясине,
Меж травой сорной, между тростником,
Лилия речная по зеленой тине
Пышно раскидалась девственным цветком.

Все вокруг в болоте гниль и разложение,
И над этой грязью чистая, одна,
Как в растленном мире светлое виденье
Лилии головка белая видна.

Жизнь идет в трясине весело и дружно:
Гады копошатся, вьются стаи мух.
Лилии в болоте никому не нужно —
К чистоте прекрасной мир болотный глух.

Летний день минует в сладостной дремоте
Для цветка мгновенья жизни коротки, —
И такой же гнилью, как и все в болоте,
Лилии увядшей станут лепестки.

МИХАИЛ КУЗМИН

* * *

Светлая горница — моя пещера,
Мысли — птицы ручные: журавли да аисты;
Песни мои — веселые акафисты;
Любовь — всегдашняя моя вера.

Приходите ко мне, кто смутен, кто весел,
Кто обрел, кто потерял кольцо обручальное,
Чтобы бремя ваше, светлое и печальное,
Я как одежду на гвоздик повесил.

Над горем улыбнемся, над счастьем поплачем.
Не трудно акафистов легких чтение.
Само приходит отрадное излечение
В комнате, озаренной солнцем не горячим.

Высоко окошко над любовью и тлением,
Страсть и печаль, как воск от огня, смягчаются.
Новые дороги, всегда весенние, чаются,
Простясь с тяжелым, темным томлением.

<1908>

* * *

Мы проехали деревню, отвели нам отвода,
В свежем вечере прохлады, не мешают овода,
Под горой внизу, далеко, тихо пенится вода.

Серый мох, песок и камни, низкий, редкий, мелкий лес,
Солнце тускло, сонно смотрит из-за розовых завес,
А меж туч яснее холод зеленеющих небес.

Ехать молча, сидя рядом, молча длинный, длинный путь,
Заезжать в чужие избы, выпить чай и отдохнуть,
В сердце темная тревога и тоски покорной муть.

Так же бор чернел в долине, как мы ездили в скиты,
То же чувство в сердце сиром полноты и пустоты,
Так же молча, так же рядом, но сидел со мною ты.

И еще я вспоминаю мелкий лес, вершину гор,
В обе стороны широкий моря южного простор
И каноника духовный, сладко-строгий разговор.

Так же сердце ныло тупо, отдаваясь и грустя,
Так же ласточки носились, землю крыльями чертя,
Так же воды были видны, в отдаленности блестя.

Память зорь в широком небе, память дальнего пути,
Память сердца, где смешались все дороги, все пути, —
Отчего даже теперь я не могу от вас уйти?

<1908>

* * *

Что сердце? огород неполотый,
Помят, что диким табуном.

И как мне жизнью жить расколотой,
Когда все мысли об одном?
Давно сказали: «Роза колется;
Идти на битву — мертвым пасть».
А сердце все дрожит и молится,
Колебля тщетно горя власть.
Ах, неба высь — лишь глубь бездонная:
Мольба, как камень, пропадет.
Чужая воля непреклонная
Мою судьбу на смерть ведет.
К каким я воззову угодникам,
Кто б мне помог, кто б услышал?
Ведь тот, кто был здесь огородником,
Сам огород свой растоптал!

<1912>

* * *

Слышу твой кошачий шаг, призрак измены!
Вновь темнит глаза твой мрак, призрак измены!
И куда я ни пойду, всюду за мною
По пятам, как тайный враг, — призрак измены.
В шуме пира, пляске нег, стуче оружій,
В буйстве бешеных ватаг — призрак измены.
Горы — голы, ветер — свеж, лань быстронога,
Но за лаем злых собак — призрак измены.
Ночь благая сон дарит бедным страдальцам,
Но не властен сонный мак, призрак измены.
Где любовь, топаза глаз, памяти панцирь?
Отчего я слаб и наг, призрак измены?

<1912>

* * *

Он пришел в одежде льна, белый в белом!
«Как молочна белизна, белый в белом!»
Томен взгляд его очей, тяжки веки,
Роза щек едва видна: «Белый в белом,
Отчего проходишь ты без улыбки?
Жизнь моя тебе дана, белый в белом!»
Он в ответ: «Молчи, смотри: дело Божье!
Белизна моя ясна: белый в белом.
Бело-тело, бел-наряд, лик мой бледен.
И судьба моя бледна: белый в белом!»

<1912>

* * *

Он пришел, угрозы тая, красный в красном,
И вскричал, смущенный, тут я: «Красный в красном!
Прежде был бледнее луны, что же ныне
Рдеют розы, кровью горя, красный в красном?»
Облечен в багряный наряд, гость чудесный
Улыбнулся, так говоря, красный в красном:
«В пламя солнца вот я одет. Пламя — яро.
Прежде плащ давала заря. Красный в красном.
Щеки — пламя, красен мой плащ, пламя — губы.
Даст вина, что жгучей огня, красный в красном!»

<1912>

* * *

Черной ризой скрыты плечи. Черный в черном.
И стоит, смотря без речи, черный в черном.

Я к нему: «Смотри: завистник-враг ликует,
Что лишен я прежней встречи, черный в черном!
Вижу, вижу: мрак одежды, черный локон —
Черной гибели предтечи, черный в черном!»

<1912>

* * *

Бледны все имена и стары все названья —
Любовь же каждый раз нова.
Могу ли передать твои очарованья,
Когда так немощны слова?
Зачем я не рожден, волнуемый,
влюбленный,
Когда любви живой язык
Младенчески сиял красой перворожденной
И слух к нему не так привык?
Нельзя живописать подсказанный певцами
Знакомый образ, пусть он мил,
Увенчивать того заемными венцами,
Кто не венчанный победил.
Стареются слова, но сердце не стареет,
Оно по-прежнему горит,
По-прежнему для нас Амур крылатый реет
И острою стрелой грозит.
Не он ли мне велел старинною строфою
Сказать про новую красу,
Иль новые мечты подсказаны тобою,
И я тебе их принесу?

Единственный мой чтец, внимательный
и нежный,
Довольство скромно затая,
Скажи, сказал ли ты с улыбкою небрежной:
«Узнать нетрудно: это я»?

ФУЗИЙ В БЛЮДЕЧКЕ

Сквозь чайный пар я вижу гору Фузий.
На желтом небе золотой вулкан.
Как блюдечко природу странно узит!
Но новый трепет мелкой рябью дан.
Как облаков продольных паутинки
Пронзает солнце с муравьиный глаз,
А птицы-рыбы, черные чаинки.
Чертят лазури зыблемый топаз!
Весенний мир вместится в малом мире:
Запахнут миндали, затрубит рог,
И весь залив, хоть будь он вдвое шире,
Фарфоровый обнимет ободок.
Но ветка неожиданной мимозы,
Рассекши небеса, легла на них, —
Так на страницах философской прозы
Порою заблестит влюбленный стих.

1917

СМЕРТЬ

В крещенски голубую прорубь
Мелькнул души молочный голубь.

Взволненный, долгий сердца вздох,
Его поймать успел ли Бог?

Испуганною трясогузкой
Прорыв перелетаю узкий.

Своей шарахнусь черноты...
Верчу глазами: где же ты?

Зовет бывалое влечение,
Труда тяжеле облегчение.

В летучем, без теней, огне
Пустынно и привольно мне!

<1921>

ТЭФФИ

* * *

Мой черный карлик целовал мне ножки,
Он был всегда так ловок и так мил!..
Мои браслетки, кольца, серьги, брошки
Он убирал и в сундучке хранил.

Но в черный день печали и тревоги
Мой карлик вдруг поднялся и подрос...
Вотще ему я целовала ноги —
И сам ушел, и сундучок унес!

1909

МАРЬОНЕТКИ

Звенела и пела шарманка во сне...
Смеялись кудрявые детки...
Пестря отраженьем в зеркальной стене,
Кружились мы, марионетки.

Наряды, улыбки и тонкость манер, —
Пружины так крепки и прямы! —
Направо картонный глядел кавалер,
Налево склонялися дамы.

И был мой танцор чернобров и румян,
Блестели стеклянные глазки;
Два винтика цепко сжимали мой стан,
Кружили в размеренной пляске.

«О если бы мог на меня ты взглянуть,
Зажечь в себе душу живую!
Я наш бесконечный, наш проклятый путь
Любовью твоей расколдую!

Мы скреплены темной, жестокой судьбой, —
Мы спутники вечного круга...
Мне страшно!.. Мне больно!.. Мы близки с тобой,
Не видя, не зная друг друга...»

Но пела, звенела шарманка во сне,
Кружились мы, марьонетки,
Мелькая попарно в зеркальной стене...
Смеялись кудрявые детки...

1910

* * *

Н. М. Минскому

Есть у сирени темное счастье —
Темное счастье в пять лепестков!
В грезах безумья, в снах сладострастья,
Нам открывает тайну богов.
Много, о много, нежных и скучных
В мире печальном вянет цветов,
Двухлепестковых, чётносозвучных...
Счастье сирени — в пять лепестков!

Кто понимает ложь единения,
Горечь слияний, тщетность оков,
Тот разгадает счастье сирени —
Темное счастье в пять лепестков!

<1910>

БЕДНЫЙ АЗРА

Каждый день чрез мост Аничков,
Поперек реки Фонтанки,
Шагом медленным проходит
Дева, служащая в банке.

Каждый день на том же месте
На углу у лавки книжной
Чей-то взор она встречает,
Взор горящий и недвижимый.

Деве томно, деве странно,
Деве сладостно сугубо:
Снится ей его фигура
И гороховая шуба.

А весной, когда пробилась
В скверах зелень первой травки,
Дева вдруг остановилась
На углу, у книжной лавки.

«Кто ты, молвила, откройся!
Хочешь, я запламенею
И мы вместе по закону
Предадимся Гименею?»

Отвечал он: «Недосуг мне.
Я агент. Служу в охранке
И поставлен от начальства,
Чтоб дежурить на Фонтанке».

<1911>

* * *

Мне сегодня как будто одиннадцать лет —
Так мне просто, так пусто, так весело!
На руке у меня из стекляшек браслет,
Я к нему два колечка привесила.
Вы звените, звените, колечки мои,
Тешьте сердце веселой забавою.
Я колечком одним обручилась любви,
А другим повенчалась со славою.
Засмеюсь, разобью свой стеклянный браслет.
Станут кольца мои расколдованы,
И раскатятся прочь, и пусть сгинет их след
Оттого, что душе моей имени нет
И что губы мои не целованы!

<1915>

* * *

Есть в небесах блаженный сад у Бога,
Блаженный сад нездешней красоты.
И каждый день из своего чертога
Выходит Бог благословить цветы.

Минует всё — и злоба и тревога
Земных страстей закланной суеты,
Но в небесах, в саду блаженном Бога
Они возрастают в вечные цветы.

И чище лилий, ярче розы томной
Цветет один, бессмертен и высок —
Земной любви, поруганной и темной,
Благословенный, радостный цветок.

<1910-е гг.>

* * *

На острове моих воспоминаний
Есть серый дом. В окне цветы герани...
Ведут три каменных ступени на крыльцо...
В тяжелой двери медное кольцо...

Над дверью барельеф: меч и головка лани,
А рядом шнур, ведущий к фонарю...
На острове моих воспоминаний
Я никогда ту дверь не отворю.

<1910-е гг.>

* * *

Он ночью приплывет на черных парусах,
Серебряный корабль с пурпурною каймою,
Но люди не поймут, что он пришел за мною,
И скажут: «Вот луна играет на волнах!»

Как черный серафим три парные крыла,
Он вскинет паруса над звездной тишиною,
Но люди не поймут, что он уплыл со мною,
И скажут: «Вот она сегодня умерла»...

ЧЕРНОЕ ЗАПЯСТЬЕ

Меня любила ночь, и на руке моей
Она сомкнула черное запястье...
Когда ж настал мой день — я изменила ей
И стала петь о солнце и о счастье.

Дорога дня пестра и широка —
Но не сорвать мне черное запястье!
Звенит и плачет звездная тоска
В моих словах о солнце и о счастье!

* * *

Вот завела я песенку,
А спеть ее — нет сил.
Полез горбун на лесенку
И солнце погасил...

По темным переулочкам
Ходил вчера Христос —
Он всех о ком-то спрашивал,
Кому-то что-то нес...

В окно взглянуть не смела я —
Увидят, забранят!

Я черноносых, лапчатых
Качаю горбунят...

Цветут тюльпаны синие

В лазоревом краю...

Там кто-нибудь на дудочке

Доплачет песнь мою!

ЮРГИС БАЛТРУШАЙТИС

* * *

Вся мысль моя — тоска по тайне звездной...
Вся жизнь моя — стояние над бездной...

Одна загадка — гром и тишина,
И сонная беспечность и тревога,
И малый знак, и в синих высях Бога
Ночных светил живые письмена...

Не дивно ли, что, чередуясь, дремлет
В цветке зерно, в зерне — опять расцвет,
Что некий круг связующий объемлет
Простор вещей, которым меры нет!

Вся наша мысль — как некий сон бесцельный...
Вся наша жизнь — лишь трепет беспредельный...

За мигom миг в таинственную нить
Власть Вечности, бесстрастная, свивает,
И горько слеп, кто сумрачно дерзает,
Кто хочет смерть от жизни отличить...

Какая боль, что грозный храм вселенной
Сокрыт от нас великой пеленой,
И скорбно мы, в своей тоске бессменной,
Стоим, века, у двери роковой!

1904

ЭЛЕГИЯ

Мысль в разлуке с вещим сном...

Сердце — в сумраке ночном...

Дождь пустынный за окном...

Свист за дверью, вой в трубе...

Век прожив в пустой борьбе,

Вспоминаю о себе...

Меркнет цвет и гаснет свет...

Ни тревог, ни мира нет...

В миге — много тысяч лет...

Точно я уж вечность жил,

Вечность сетовал, тужил,

Тайне вечности служил...

Ночь... И только мысль во мне,

С тьмой ночной наедине

Тускло тлеет в глубине...

Тьма... Лишь воет за окном

Все о том же, об одном,

Ветер в сумраке ночном...

<1911>

НА ПОРОГЕ НОЧИ

В вечерней мгле теряется земля...

В тиши небес раскрылось мировое,

Где блещет ярче пламя бытия,

Где весь простор — как празднество живое!

Восходят в высь, в великий храм ночной,
Недвижных туч жемчужные ступени,
И тяжко нам на паперти земной
Сносить тоску изведанных мгновений...

Со всех сторон ночная даль горит,
Колебля тьму пред взором ненасытным...
Весь божий мир таинственно раскрыт,
Как бездна искр, над сердцем беззащитным...

Живой узор из трепетных огней
Сплетает ночь на ризе златотканой,
И страшно сердцу малости своей,
И горек сон и плен земли туманной!

Для нас — земля последняя ступень...
В ночных морях она встает утесом,
Где человек, как трепетная тень,
Поник, один, с молитвенным вопросом...

<1911>

ДЕТСКИЕ СТРАХИ

В нашем доме нет затишья...
Жутко в сумраке ночном,
Все тужит забота мышья,
Мир не весь окован сном.

Кто-то шарит, роет, гложет,
Бродит, крадется в тиши,

Отгоняет и тревожит
Сладкий, краткий мир души!

Чем-то стукнул ненароком,
Что-то грузно уронил...
В нашем доме, одиноком,
Бродят выходцы могил.

Всюду вздохи — всюду тени,
Шепот, топот, звон копыт...
Распахнулись окна в сени,
И неплотно вход закрыт...

Вражьей силе нет преграды...
Черным зевом дышит мгла,
И колеблет свет лампы
Взмах незримого крыла...

<1911>

ВЕЧЕР

Подходит сумрак, в мире все сливая,
Великое и малое в одно...
И лишь тебе, моя душа живая,
С безмерным миром слиться не дано...
Единая в проклятии дробленья,
Ты в полдень — тень, а в полночь — как звезда,
И, вся в огне отдельного томленья,
Не ведаешь покоя никогда...

Нам божий мир — как чуждая обитель,
Угрюмый храм из древних мшистых плит,

Где человек, как некий праздный зритель,
На ток вещей тоскующе глядит...

<1911>

ПРОБУЖДЕНИЕ

Светает близь... Чуть дышит даль, светая...
Встает туман столбами, здесь и там...
И снова я — как арфа золотая,
Послушная таинственным перстам...

И тайный вихрь, своей волною знойной,
Смывает бред ночного забытья,
В мой сонный дух, в мой мир еще нестройный,
То пурпур дум, то пурпур грез струя...

И длятся — длятся отзвуки живые,
Возникшие в запретной нам дали,
Чтоб дрогнуть вдруг, волшебю и впервые,
Как весть из рая, в жребии земли...

И вот мой дух, изгнанник в мире тленья,
Бессменный раб изменчивых теней,
Тоскующе, слезами умиленья
Встречает сказку родины своей...

<1912>

КОМАРЫ

Пляшет в меркнушем пожаре
Рой вечерних комаров...

Сколько в мире бренной твари,
Богом замкнутых миров.

Как и я, служа мгновенью,
Протянувшись в высь столбом,
Вьются мошки легкой тенью
В небе бледно-голубом...
Пусть все тем же смертным бредом
Ослепил их беглый миг,
Но их жребий мне неведом,
Как и жребий дней моих...

Только вижу вечер сонный
И печаль стоячих вод,
Где толчется ослепленно
Комариный хоровод...

Только знаю, что до срока
Длиться суетной игре,
Устремленной одиноко
К догорающей заре...

<1912>

КАРУСЕЛЬ

В час пустынный, в час метели,
В легком беге карусели,
В вихре шумном и лихом,
В вечер зимний, в вечер серый,
Мчатся дамы, кавалеры,
Кто — в карете, кто — верхом...

Зыбля прах, взрывая иней,
Князь с маркизой, граф с княгиней,
То четою, то сам-друг,
Длинной цепью, пестрой ротой,
Кто в раздумье, кто с зевотой,
Пробегают малый круг...

И поет им беспрерывно
Зов шарманки заунывной,
Хриплой жалобой звеня...
И от песни однозвучной
Часто-часто, в час докучный,
Рыцарь валится с коня...

Часто-часто рвутся звенья,
Иссякает нить забвенья
И скудеет свет в очах,
Но вплетенных в вихрь случайный
Строго гонит ворот тайный,
Им невидимый рычаг...

<1912>

ЖЕРТВЕННИК

Весь смертный жар — от первых детских слез,
Всю мощь мою — от детских малых сил,
Я в Вечный храм в живой тоске принес,
На жертвенник суровый возложил...

Что добыл молот, что взлелеял плуг
И что вспоила тишь садов моих —

Тревога дум и дрожь усталых рук, —
Все было в жизни пламенем на миг...

И вся борьба, завещанная мне
В игре мгновений, в долгий век труда,
Цвела лишь с тем, чтоб был мой дух в огне,
Пока пройдет земная череда.

И на костре, где сердце сожжено,
Средь пыток жертвы понял я не раз,
Что долг огня — единое звено,
В ткань Вечности вплетающее нас.

Вот почему, прозрев в людском бреду,
Свой тайный свет, как каждый час былой,
На жертвенник суровый я кладу,
Чтоб стал мой жребий дымом и золой.

30 июля 1914

Село Петровское

РАЗДУМЬЕ

Цвети, душа, пока не сжаты
Зной дней отбывшие поля, —
Пока не плачет боль утраты,
Как зов бездомный журавля...

А там, в угрюмый час ущерба,
Сквозным скелетом встанет верба
Средь пустоши без рубежа,
Где лишь протянется межа,
Шурша редющей щетиной.

И рая слух, волнуя кровь —
Средь мертвой чащи вновь и вновь
Зловещим звоном крик совиный
При бледном зареве луны
Пронзит пустынность тишины...

ТАТЬЯНА ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК

КУРАНТЫ

Песенка старых курантов...
— Слышится мерный гавот:
В буклях, в уборах из бантов
Парочка чинно идет.
Пудра... румяна и мушки...
В нежной усмешке — каприз...
— Жду приговора пастушки!
— Этою ночью, маркиз!..
Бьет час желанный свиданья:
Туфелька красная смело стучит
По коридорам старинного зданья...
Нежно,
Светло, безмятежно
Времени голос звучит.
Песня старинных курантов:
— Грозно темнеет Нева:
Крупным узором брильянтов
Блещет небес синева.
Ночь холодна и сердита,
Черные волны дрожат;
Крепкие стены гранита
Верно тюрьму сторожат.

Здесь каждый час — час страдания;
Шаг часового так гулко стучит
По коридорам старинного зданья...
Важно,
Печально, протяжно
Времени голос звучит.
<1901>

«СЧАСТЬЕ»

Причудливо смешались свет и тени,
Вдали аллея солнцем залита.
Ищу я «счастья» в лепестках сирени,
Привычною мечтою занята.
Узором странным теневые пятна
Меняются на золотом песке...
Вся белоснежна, дивно ароматна,
Сирень дрожит в пылающей руке.
— А «счастья» нет! — шепчу я безнадежно:
Ужель найти его не суждено?
И вдруг... сирень отброшена небрежно:
Шаги — ты здесь... О счастье! вот оно.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Эта ночь не похожа на ночь:
Это — день, утомленный без сна.
В бледнорозовом небе встает
Только призрак луны — не луна.

И скользит мимо полной луны
Облаков голубая гряда...
Так скользят мимолетные сны,
Исчезая вдали без следа.
Тишина... Тишина... Тишина...
Самый воздух загадочно нем,
И как будто бы тихо дрожат
В нем слова позабытых поэм.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

* * *

В тиши задремавшего парка
«Люблю» мне шепнула она.
Луна серебрилась так ярко,
Так зыбко дрожала волна.

Но миг этот не был желанным,
Мечты мои реяли прочь,
И все мне казалось обманным,
Банальным, как лунная ночь.

Сливая уста в поцелуе,
Я помнил далекие сны,
Другие сверкавшие струи,
Иное мерцанье луны.

6 августа 1893

В ПРОШЛОМ

Ты не ведала слов отречения.
Опустивши задумчивый взор,
Точно в церковь, ты шла на мученья,
Обнаженной, забыла позор.

Вся полна неизменной печали,
Прислонилась ты молча к столбу, —
И соломой тебя увенчали,
И клеймо наложили на лбу.

А потом, когда смели бичами
Это детское тело терзать,
Вся в крови поднята палачами,
«Я люблю» ты хотела сказать.

3 ноября 1894

ТВОРЧЕСТВО

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.

И прозрачные киоски,
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блески,
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.

Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

1 марта 1895

НОЧЬЮ

Дремлет Москва, словно самка спящего страуса,
Грязные крылья по темной почве раскинуты,
Кругло-тяжелые веки безжизненно сдвинуты,
Тянется шея — беззвучная, черная Яуза.

Чуешь себя в африканской пустыне на роздыхе.
Чу! что за шум? не летят ли арабские всадники?
Нет! качая грузными крыльями в воздухе,
То приближаются хищные птицы — стервятники.

Падали запах знаком крылатым разбойникам,
Грозен голос гудящего с неба возмездия.
Встанешь, глядишь... а они всё кружат над покойником,
В небе ж тропическом ярко сверкают созвездия.

20 июня 1895

В БУДУЩЕМ

Я лежал в аромате азалий,
Я дремал в музыкальной тиши,
И скользнуло дыхание печали,
Дуновенье прекрасной души.

Где-то там, на какой-то планете,
Без надежды томилася ты,
И ко мне через много столетий
Долетели больные мечты.

Уловил я созвучные звуки,
Мне родные томленья постиг,
И меж гранями вечной разлуки
Мы душою слилися на миг.

9 августа 1895

ЮНОМУ ПОЭТУ

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее — область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

Юноша бледный со взором смущенным!
Если ты примешь моих три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставляю поэта.

15 июля 1896

* * *

Есть что-то позорное в мощи природы,
Немая вражда к лучам красоты:
Над миром скал проносятся годы,
Но вечен только мир мечты.

Пускай же грозит океан неизменный,
Пусть гордо спят ледяные хребты:
Настанет день конца для вселенной,
И вечен только мир мечты.

Июль 1896

Крым

* * *

Мы ехали долго, без цели куда-то,
Куда-то далеко, вперед, без возврата...
Поспешно мелькали кусты,
Вставали березы, поля убегали,
Сурово стучали под нами мосты.

Мы ехали долго. Нам дождь повстречался
И долго в оконные стекла стучался,
Угрюмо пророча печаль...
Но мы ускользнули за области бури
И к чистой лазури мы ринулись вдаль!

1896

ЖЕНЩИНЕ

Ты — женщина, ты — книга между книг,
Ты — свернутый, запечатленный свиток;

В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты — женщина, ты — ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.

Ты — женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты — в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся — от века — на тебя!

11 августа 1899

Я

Мой дух не изнемог во мгле противоречий.
Не обессилел ум в сцепленьях роковых.
Я все мечты люблю, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих.

Я возносил мольбы Астарте и Гекате,
Как жрец, стотельчих жертв сам проливал я кровь
И после подходил к подножиям распятий
И славил сильную, как смерть, любовь.

Я посещал сады Ликеев, Академий,
На воске отмечал реченья мудрецов,

Как верный ученик, я был ласкаем всеми,
Но сам любил лишь сочетанья слов.

На острове Мечты, где статуи, где песни,
Я исследил пути в огнях и без огней.
То поклонялся тем, что ярче, что телесней,
То трепетал в предчувствии теней.

И странно полюбил я мглу противоречий,
И жадно стал искать сплетений роковых.
Мне сладки все мечты, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих...

24 декабря 1899

ВАЛЕРИАН БОРОДАЕВСКИЙ

* * *

Вкруг колокольни обомшелой,
Где воздух так безгрешно тих,
Летают траурные стрелы
Стрижей пронзительных и злых.

Над кровью томного заката
Склоненных ив печаль светла.
И новых стрел душе не надо:
Душа все стрелы приняла.

Стрижи ватагою победной
Дочертят вещую спираль;
И, догорая, запад бледный
Отбросит пурпурную шаль.

И будут ив безумны речи,
Как черствый ропот старика,
Когда одна стучит далече
Его дорожная клюка.

<1909>

БЕЛЫЕ ВЕТКИ

Колыхались бледные гардины,
Манили блуждать и вздыхать;
Цветом яблонь томились куртины,
Когда умирала мать.

И кукушка золото ковала,
Обещала нам долгой век,
А рука на руке лежала,
И темнели провалы век...

Голосящая нота псалтири,
Огоньки, огоньки — как в бреду,
И мечта, что лучшее в мире —
Это белые ветки в саду.

<1913>

* * *

Когда Господь метнет меня на землю, —
Как кошка блудная о камень мостовой
Ударюсь когтем я и гневный вопль подъямлю;
И, выгибаясь жилистой спиной,
Гляжу к Нему: с улыбкой наблюдает
Мой жалкий вид Господь — и, сумрачен, бреду...
Потом кричу: «Ты прав! Душа моя пылает!
Ты прав!» — кричу в молитвенном бреду.

И смотрит Он. Рука Его поднята,
И я бегу, и на руки Его
Бросаюсь и ложусь так беззаботно свято;
И гладит Он меня, лаская: «Каково?»

<1913>

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

ПОЛУСВЕТ И ПОЛУТЕНИ

Полусвет и полутени,
Ни штрихов, ни очертаний...
Жизнь без знания и сомнений,
Без восторгов и страданий!

Жизнь — как ровная дорога,
Без подъемов и падения.
Без величья полубога
И без грязи преступленья!

Жизнь — ни выжатые слезы,
Ни холодное презренье,
Жизнь — ни тернии, ни розы,
Жизнь — ни явь, ни сновиденье!

Есть ли тот размах могучий,
Чтобы вынести за пределы
Этой пыли, этой тучи,
Этой жизни омертвелой!

<1901>

РАННЕЕ УТРО

Это что же? Что же это?..
Сплю и вижу сон?
В море розового цвета
Весь я погружен!

И идет он будто с моря...
Ближних гор семья
Так легка, в таком уборе,
Что не верю я!..

Все куда-то будто льется,
И лечу я сам...
Что-то радостно пройдет
По моим глазам.

И стою я ослепленный,
А открою их, —
Вновь я будто усыпленный,
Слышу свет, как стих.

С этой явью-сном не споря,
Жду, нейду вперед...
Вижу: солнце из-за моря
Красное встает.

БРИЗ

Какую свежесть к нам принес
Сюда, на берег, вниз,

Наш санитар, наш пылесос,
Наш шаловливый бриз!

Тут солнце слишком нестерпим
Целует по утрам;
Мы дети солнца, но за что ж
Так много ласки нам?

А на горах еще лежит
Кой-где в ущельях снег,
И этим снегом бриз умыт
И близкий взял разбег.

С ним вместе будто принесло
К нам опахало с гор,
И нам легко, глядим светло...
Какой кругом простор!

ВЛАДИМИР ГИППИУС

* * *

Ты слышишь, как в реке холодной
Поет незвучная вода, —
Она бежит струей свободной
И не устанет никогда.

И мы вечернею порою,
Едва померкнет небосклон,
Отходим к вечному покою —
И в тишину, и в мирный сон;

И усыпительно, и сладко
Поет незвучная вода, —
Что сон ночной, что сумрак краткий —
Не навсегда, не навсегда...

1896—1906

* * *

В беспамятстве небесный свод над нами,
В беспамятстве простертая земля,
В беспамятстве раскинулись — хлебами
И семенами пьяные поля...

Ночей и дней, лучей и тьмы томленье,
И смерть, и сон — всё сны, всё сны мои, —
И ты одна в последнем ощущенье,
И звездный свет, весь свет — в твоей крови!

<1912—1914>

* * *

Забывать о том, что мы в мире встретили?
Везде улики, все вещи свидетели.

Вот хлопнули двери под навесами темными,
Но всех, кто входил, наверно запомнили.
И окна помнят о ветре неистовом,
И книги о тех, кто их перелистывал.

И бумага писем, давно заброшенных,
Сохранила дрожанья рук встревоженных.

И даже обои — теней движения,
И даже зеркало — отражения.

И только свечи — как мы, невечные,
Умрут и сожгут виденья встречные.

И в беззаконной неумолимости
Напомнят одни о проходимости.

1916

АЛЕКСАНДР ДОБРОЛЮБОВ

* * *

А и знаю я, братцы,
Что у вас в головах.
А и у меня, братцы,
Завелась болезнь.
А и с той поры, братцы,
Гвоздь в голове.
А и нету силы, братцы,
Кречетом летать.
Но не долго мне, братцы,
С вами говорить,
Солнце ждет меня, братцы,
Хочет ослепить!
Только странно мне, братцы:
Человеки вы!
И живете вы, братцы,
Только не живя!
Солнце ждет меня, братцы,
И я знаю, кто!
Распроцаемся, братцы,
Только навсегда.
<1900>

ЖАЛОБА БЕРЕЗКИ ПОД ТРОИЦЫН ДЕНЬ

Под самый под корень ее подрезал он,
За вершинку ухмыляясь брал,
С комля сок как слеза бежал,
К матери сырой земле бежал.
Глядеть на зеленую-то радостно,
На подкошенную больно жалобно.

Принесли меня в жертву богу неведомому,
Срубили в начале светлой весны,
Продали в великий праздник весны.
Все порадовались листве моей,
Никто не помог жалобе моей,
Каждый ухмыляясь подходил,
Каждый насмехаясь говорил.

<1905>

* * *

Зачем в созвучьях я услышал
Удары рук, их стук глухой?
Зачем в напевах так ловил я
Безумно-странную струю?
Мертвы теперь навеки звуки...
Для мира я глухонемой,
Но, как Бетховен, мир грядущий
Творю глубокой глухотой.
Вдруг сердце плачет в новой боли...
Кто объяснит, в чем горе то?
И отчего так сухо чувство?
И сердце немо отчего?

АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВ

БЕЛАЯ НОЧЬ

Небо хрустальное сине.
Тихие звезды, мерцая,
Светят небесной пустыне
В ночи тоскливые мая.

Сонная грезит столица.
И отразились устало
Темные бледные лица
В зеркале темном канала.

<1904>

ЖАЛОБЫ САТИРЕССЫ

Тяжела наша жизнь и сурова.
Избегают мужа сатиress.
Я всечасно должна быть готова,
Что супруг от семейного крова
Удерет легкомысленно в лес.

Он стремится туда, убегая,
Где бесстыдно и звонко смеясь,
Ждет сатиров дриада нагая,

Взором с нею вступить предлагая
В мимолетно веселую связь.

Презирая мольбы и укоры,
Не жалея проворных копыт,
Каменистой тропинкою в горы
Он, заслышав призывные хоры,
К ореадам блудливо спешит.

Он стремится туда, бессердечный,
Где в серебряном свете луны,
Вереницей скользя бесконечной,
Нимфы водные в пляске беспечной
Вьются, томным желаньем полны.

Ни супруга тогда, ни вдова я.
Слез соленые льются струи...
Вокруг бушует игра боевая.
— То кусаясь и шерсть вырывая,
Сатирията дерутся мои...

<1905>

ЧЕРНАЯ ВЕНЕРА

Темноликая, тихой улыбкою
Ты мне душу ласкаешь мою.
О, прости меня, если ошибкою
Я не так Тебе песни пою.

Ты рассыпала щедро узорами
Светляков золотые огни.

Благосклонными вещими взорами
На открывшего душу взгляни!

Черно-синими звездными тканями
Ты вселенной окутала сон.
Одиноким, с простертыми дланями,
Я взываю к Царице Времен.

Ты смеешься очами бездонными,
Неисчетные жизни тая...
Да прольется над девами сонными
Бесконечная благодать Твоя!

Будь щедра к ним, о Матерь Великая,
Сея радостно в мир бытие,
И прими меня вновь, Темноликая,
В благодатное лоно Твое!

<1906—1908>

* * *

Серебряной звездой стремлюсь я в темноте,
Ни ветра не боясь, ни зноя, ни мороза,
Сквозь волны хаоса, куда всевластно греза
Мой дух влечет, где блещет на кресте
В сиянье пурпурном мистическая роза.

Пусть лики строгие мне преграждают путь;
Пусть волны черные ялятся, негодуя,
И леденящий вихрь пытается вдохнуть
Бессильный трепет мне в тоскующую грудь —
Звездой серебряной к той розе припаду я.

<1906—1908>

ОГНЕННЫЙ ЗМЕЙ

Сверкнувши по небу падучею звездою,
Он в искры мелкие рассыпался над хатой,
В трубу змеей вильнул. Заслонки и ухваты
Посыпались... Бух в пол! Вдруг огонек свечной

Погас... Зажегся вновь... И парень молодой,
Здоровый, как бугай, чернявый и усатый,
В куншут затянутый малиновый богатый,
Перед Солохою, от трепета немой,
Стал неожиданно. — «Что, рада аль не рада?»

Страсть в бабе вспыхнула от огненного взгляда,
И к гостю льнет она, зардевшись словно мак...
Тьма вновь. И слышится: «Ну, ждет тебя награда:
Родишь ты сына мне, и будет он ведьмак».
И спрятанный в углу дрожит от страха дыяк...

ВЕРА МЕРКУРЬЕВА

* * *

Некогда подумать о себе,
О любви, никем не разделенной.
Вся-то жизнь — забота о судьбе,
О судьбе чужой, непобежденной.

Весь-то день — уборка и плита,
Да еще аптекарские склянки.
Вся-то ночь — небесная мечта,
Бред Кассандры — или самозванки?

Долго, долго не ложится тень.
Утро настает незванно рано.
Но и днем сквозь усталь, пыль и лень
Слышны ей — лесные флейты Пана.

4 мая 1916

МОЙ ГОРОД

Трамваев грохот и скрежет,
Горячий мягкий асфальт.
Навязчиво ухо режет
Газетчика звонкий альт.

От двери к двери — любезный,
Вполне корректный отказ.
— Мы можем быть вам полезны,
Но — кто-нибудь знает вас? —

Меня не знает никто там.
О, сердце людей — базальт.
И дальше, к новым воротам,
И снова трамвай, асфальт.

Но этот жестокий город
Такой красивый и свой,
Что каждый мне камень дорог
В пыли его мостовой.

С Моста — Далекого Вида
Легла золотая мгла.
И тонет в реке обида,
Уходит боль в купола.

Кто любит, тот не осудит,
Кремнистый не бросит путь.
Мой город милостив будет
К другому кому-нибудь.

28 мая 1917

КОГДА-ТО ПРЕЖДЕ

Навстречу солнцу: земля, земля свята.
Навстречу сердцу: легко благое иго.
И смерти: участь опавшего листа.
И жизни: вечность промчавшегося мига.

Навстречу «мимо» он осветился: пусть.
Дыханью «пусто» он улыбнулся: нива.
И отдал счастьем — большого строя грусть
И скорби — стих свой высокого прилива.

Он темных, пленных безмерно пожалел
И ужаснулся грядущей нашей муке,
И цепь неволи он на свои надел,
Чтоб наши тронуть закованные руки.

Здесь, на земле он, на черной — с нами он,
Печалью некой, безумьем нашим болен,
И с нами бредит, и с нами усыплен,
И снами скован, и снами приневолен.

И пленным — нежный твердить не устает,
Что нет чертога украшенной темницы,
И темным — светлый поет, и льет, и льет
Дождем стеклянным созвучия денницы.

И холод ночи нам — утренняя дрожь,
Тюрьмы решетки нам — неба перламутры,
И все равно нам, где истина, где ложь,
Когда глядит Прекрасный, поет Премудрый.

И все равно нам, узнать или забыть,
Что — крест распятья и что — печать соблазна.
Нас больше нет. И нам не жаль не быть:
Нам пел Премудрый, на нас глядел Прекрасный.

ИВАН КОНЕВСКОЙ

В ПОДНЕБЕСЬИ

Софии И. Станек

Вот, с поморьями, морями, островами,
Небо, словно мир весь надо мной.
По раздолиям его, над деревьями,
Носится коней табун шальной.

Белоснежные развеялися гривы,
Мчатся вплавь по синим озерам.
Гонит ветер их, погонщик их ретивый,
К отдаленным облачным горам.

А с земли ковыль широкий шум доносит,
Сосен устремляются стволы —
И все в тот же край табун лихой уносит,
В край, где реют белые валы.

12 июля 1897

Гора Inselberg

ДО И ПОСЛЕ

За что люблю я с детства жизнь и землю?
За то, что все в ней тайной веселит,

За то, что всюду вещему я внемлю —
Ничто не дарует, но все сулит.

Когда крутым крушением удрученный
В погоне за надменною мечтой,
Спускаю в сумрак жизни обыденной
Вниз по ступеням лестницы витой, —

В безвестной тишине я буду весел,
Скользнув в укромно-милую мне клеть:
Косящата окна я не завесил,
И думно буду духом я светлеть.

Видны мне из окна небес просторы,
Волнистая вся область облаков —
Увалы млечные, седые горы
И тающие глыбы ледников.

И, рассевая ласковые пены,
Как целой тверди безмятежный взор,
Сияют во красе своей нетленной
Струи небесных голубых озер...

24 апреля 1898

С КОНЕВЦА

Я — варяг из-за синего моря,
Но усвоил протяжный язык,
Что, степному раздолию вторя,
Разметавшейся негой велик.

И велик тот язык, и обилен:
Что ни слово — увалов размах,
А за слогом, что в слове усилен,
Вьются всплески и в смежных слогах.

Легкокрыло той речи паренье
И ясна ее смелая ширь,
А беспутное с богом боренье
В ней смиряет простой монастырь.

Но над этою ширию ровной
Примощусь на уступе скалы,
Уцепившись с яростью кровной
За корявые сосен стволы.

Чудо-озеро, хмуро седое,
Пусть у ног ее бьется, шумит,
А за ним бытие молодое
Русь в беспечные дали стремится.

И не дамся я тихой истоме,
Только очи вперю я в простор.
Все, что есть в необъятном объеме —
Все впитает мой впившийся взор.

И в луче я все солнце постигну,
А в просветах берез — неба зрак.
На уступе устой свой воздвигну,
Я, из-за моря хмурый варяг.

*Весна 1898.
С.-Петербург*

МОРЕ ЖИТЕЙСКОЕ

Откуда, откуда — из темной пучины
И смутных, и светлых годов
Мелькнули подводного мира картины
С забытых и детских листов?

Все — синие хляби, открыты, пустынные...
Строй раковин, строго-немой.
Кораллы плетутся семьею старинной
Полипов, семьей вековой.

И звезды морские, и звезды морские...
Зеркально и влажно вокруг.
И снятся чертоги, чертоги такие,
Что весь занимается дух.

Читал одинокую мудрость я в книге,
Где ум по пределам плывет, —
И вот мне припомнились мертвые брызги
Глубоко, под пологом вод.

Я ваш, океаны земных полушарий!
Ах, снова я отрок в пути.
Я — в плаваньи дальнем в страну араукари
Я космос мечтаю найти.

И смотрят киты из волнистого лона
Тем взором немым на меня,
С которым встречался преступник Иона,
Что в чреве томился три дня.

Я ваш, я ваш родич, священные гады!
Влеком на неведомый юг,
Вперяю я взор в водяные громады
И вижу морской полукруг.

О, правьте же путь в земли гипербореев,
В мир смерти блаженный, морской...
За мною, о томные чада Нереев, —
Вкушать вожденный покой!..

ВЕДУНЫ

Мы пройдем над коснеющим городом плавной стопой,
Как пары, мы пройдем над немymi, глухими домами.
Он навек ли кирпичный, булыжный застой?
Нет ли тайной и точной беседы меж ними и нами?

Да, их строили мертвые люди, с пустою душой.
Но забились сердца за тупыми, слепыми стенами.
Исполинская заводь, запруда, о город большой,
Испаряется песнь над зловонными мути волнами.

Если там, за лампадой, убогое сердце горит,
И его не принять ли нам в веденье наше с приветом?
Где ютятся торги, ремесло в полумраке творит,
Это быт устрояется, глушь украшается цветом.

Ты свети, не копоти, о подгорных елеев огонь!
И топи, и дыми, о лесов красно-бурое пламя!
От осенних снегов до весенних ручьев ты их тронь
Плоти, крови, что стынут, замкнуты прямыми углами.

Пусть грохочут подводы, повозки по злым мостовым,
Пусть светильные газы бегут неживой вереницей —
Вещуны улетят в небеса по трубам дымовым,
Чтоб витать и гадать над мечтами, судьбами Столицы!

1900

СЕРГЕЙ МАКОВСКИЙ

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Еще темно, еще далек рассвет.
И жутко мне, и голос мой немеет,
и мысль моя бесславно цепенеет
в чаду земных, неправедных сует.

Но знаю я — стихия мной владеет;
в моей груди нездешний ветер веет;
меня томит невоплощенный бред,
и для него еще названья нет.

Настанет день. Душа порвет оковы;
с нее спадут тяжелые покровы —
греха и лжи презренные дары.

Проснется бог, и творческое слово,
как молния мгновенья грозowego,
сверкнет в веках и озарит миры.

<1905>

ОЖИДАНИЕ

Я звал тебя. Душа моя молила
твоей любви. Казалось, никогда

с такой тоской блаженного стыда
ни с кем еще она не говорила.

И ты пришла... Но сердце изменило.
Мой поцелуй был холоднее льда.
Свиданье нас навеки разлучило,
И как враги расстались мы тогда.

И с той поры — сильнее, безнадежней
опять люблю, зову тебя и жду.
Вернись! Забудь невольную вражду.

Вернись ко мне моей, желанной, прежней:
мою тоску, я знаю, ты поймешь...

Напрасно. Нет. Ты больше не придешь.

<1905>

ТАЙНА

Мы говорим о чудесах незримых,
мы призраков боимся в час ночной...
Но чудо — здесь, но страшен свет дневной
знакомых чар и образов любимых.

Мы шепчемся о тайне гробовой,
О небесах, навек недостижимых.
Но тайна — в нас, в мелодии земной,
в доступности явлений осязуемых.

Что знаем мы? что можем мы понять?
Везде, на всем — единая печать,
живая тень загадки вековой.

И жизнь, и смерть таинственны равно,
и красота — лишь символ бесконечный
того, что нам постигнуть не дано.

<1905>

ГОРОД

Громадный город жил тревогою ночью.
Над ним в протяжный гул смешались голоса.
Вокруг был шум и блеск. Серебряною мглою
от тысячи огней дымились небеса.

И только далеко, за темною Невую,
багровым заревом светилась полоса:
там уходил закат, там жизнью нам чужою
дышала вечера предсмертная краса.

О вечер! — думал я, — над каменной громадой
зачем мерцаешь ты зловещею лампадой?
В забытых небесах так холодно горя,
какое таинство свершаешь ты над нами?

Погасни, не гляди кровавыми очами,
заря далекая, зловещая заря...

<1905>

ШАРМАНКА

Е. А. Жарновской

На темный перрон полустанка,
под утро — ни свет ни заря,

плетется хромая шарманка,
поет, надывается вся.

Хоть голос у немощной звонок
и в ней человечья душа,
никто из вагона спросонок
в окошко не бросит гроша.

От века закон одинаков
на всех перепутьях земли.
И старенький вальс не доплакав,
умолкнет шарманка вдали.

ИВАН РУКАВИШНИКОВ

* * *

Из подвалов мертвой осторожности,
Где змеятся чахлые ростки,
В башню, в башню радостной тревожности,
Где под куполом безбожности
Слышит гений
Ход мгновений,
Где — ступени коротки.

С высоты узнать, как над болотами
Сонно пляшут белые пары.
Как седая жизнь томит дремотами,
Как тоска скрипит воротами,
Посмеяться
И умчаться
В чуждый мир иной игры.

ГОРБАТЫЙ АНГЕЛ

Умру. Уйду. И горько мне и сладко.
Встает из тьмы отгадка бытия.
Умру. Уйду. Закон исполнить сладко.

Но я ведь жил. И новая загадка
Родилась в мире. Был мир. Стал мир и я.

Молюсь тебе, Творец мой, Бог великий.
Люблю твои просторы без конца.
И ты простишь, услышав плачь мой дикий.
Прости, Господь. Прости, поэт великий.
Прости меня, поэта-мертвеца.

Я умер здесь. Земной — Земле. Так надо.
Иду к тебе покорнейшим рабом.
Но здесь я жил. И все мне здесь отрада.
Пусть жизнь — мой горб. Мне ничего не надо.
Прими меня, мой Бог, с моим горбом.

Горбатый ангел...

ВЕТЕР ВЕЧЕРУ ВЕЧЕРНЮ ОТСЛУЖИЛ

Ветер вечеру вечерню отслужил.
И уснул-ушел. И сад заворожил.
Лунным смехом зарыдала нить-река,
Как последняя сонетная строка.

Подошла ко мне... любовь моя... ко мне...
И сказала мне... И был я, как во сне.
И сказала мне: — Ах, скоро я умру...
Этой осенью... однажды поутру...

Так сказала мне. Пропала-отошла.
Розу радости от сердца отняла.

Как остаться мне у жизни без тебя,
Этой жизни неуютной не любя.

Ну, прощай. Вся наша жизнь не хороша.
Не живет в нас Божья мудрая душа,
Чтобы все понять и все за все простить,
Все любить, всегда любить, за все любить.

Подожду я и приду я в тот Эдем,
Где плывут миры иные ни за чем.
Где плывут миры иные в пустоту,
Прославляя безжеланную мечту.

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

ИЗ ЦИКЛА «ПАРИЖ»

* * *

Осень... осень... Весь Париж,
Очертанья сизых крыш
Скрылись в дымчатой вуали,
Расплылись в жемчужной дали.

В поредевшей мгле садов
Стелет огненная осень
Перламутровую просинь
Между бронзовых листов.

Вечер... Тучи... Алый свет
Разлился в лиловой дали:
Красный в сером — это цвет
Надрывающей печали.

Ночью грустно. От огней
Иглы тянутся лучами.
От садов и от аллей
Пахнет мокрыми листьями.

1902

ПОРТРЕТ

Я вся — тона жемчужной акварели,
Я бледный стебель ландыша лесного,
Я легкость стройная обвисшей мягкой ели,
Я изморозь зари, мерцанье дна морского.

Там, где фиалки и бледное золото
Скованы в зори ударами молота,
В старых церквах, где полет тишины
Полон сухим ароматом сосны,

Я жидкий блеск икон в дрожащих струйках дыма,
Я шелест старины, скользящей мимо,
Я струйки белые угаснувшей метели,
Я бледные тона жемчужной акварели.

1903

* * *

Пройдемте по миру, как дети,
Полюбим шуршанье осок,
И терпкость прошедших столетий,
И едкого знания сок.

Таинственный рой сновидений
Овеял расцвет наших дней.
Ребенок — непризнанный гений
Средь буднично серых людей.

1903

* * *

Быть заключенным в темнице мгновенья,
Мчаться в потоке струящихся дней.
В прошлом разомкнуты древние звенья,
В будущем смутные лики теней.

Гаснуть словами в обманных догадках,
Дымом кадильным стелиться вдали.
Разум запутался в траурных складках,
Мантия мрака на безднах земли.

Тени Невидимых жутко громадны.
Неосвязаемо близки впотьмах.
Память — неверная нить Ариадны —
Рвется в дрожащих руках.

Время свергается в вечном паденьи,
С временем падаю в пропасти я.
Сорваны цепи, оборваны звенья —
Смерть и Рождение — вся нить бытия.

1905

ЗЕРКАЛО

Я — глаз, лишенный век. Я брошено на землю,
Чтоб этот мир дробить и отражать...
И образы скользят. Я чувствую, я внемлю,
Но не могу в себе их задержать.

И часто в сумерках, когда дымятся трубы
Над синим городом, а в воздухе гроза —

В меня глядят бессонные глаза
И черною тоской запекшиеся губы.

И комната во мне. И капает вода.
И тени движутся, отходя, вырастая.
И тикают часы, и капает вода,
Один вопрос другим всегда перебивая.

И чувство смутное шевелится на дне.
В нем радостная грусть, в нем сладкий страх разлуки...
И я молю его: «Останься, будь во мне, —
Не прерывай рождающейся муки...»

И вновь приходит день с обычной суетой,
И бледное лицо лежит на дне — глубоко...
Но время, наконец, застынет надо мной,
И тусклою плевой мое затянет око!

1905

* * *

К этим гулким морским берегам,
Осиянным холодною синью,
Я пришла по сожженным лугам,
И ступни мои пахнут полынью.

Запах мяты в моих волосах,
И движеньем измяты одежды:
Дикой масличной ветвью в цветах
Я прикрыла усталые вежды.

На ладонь опирая висок
И с тягучею дремой не споря,

Я внимаю, склоняясь на песок,
Кликаю ветра и голосу моря...

Май 1909. Коктебель

* * *

Я полуднем объятый,
Точно крепким вином,
Пахну солнцем и мятой,
И звериным руном;

Плоть моя осмуглела,
Стан мой крепок и туг,
Потом горького тела
Влажны мускулы рук.

В медно-красной пустыне
Не тревожь мои сны —
Мне враждебны рабыни
Смертно-влажной Луны —

Запах лилий и гнили
И стоячей воды,
Дух вербены, ванили
И глухой лебеды.

10 апреля 1910

* * *

В эти дни великих шумов ратных
И побед, пылающих вдали,

Я пленен в пространствах безвозвратных
Оголтелой, стынущей земли.

В эти дни не спазмой трудных родов
Схвачен дух: внутри разодран он
Яростью сгрудившихся народов,
Ужасом разъявившихся времен.

В эти дни нет ни врага, ни брата:
Все во мне, и я во всех. Одной
И одна — тоскою плоть объята
И горит сама к себе враждой.

В эти дни безвольно мысль томится,
А молитва стелется, как дым.
В эти дни душа больна одним
Искушением — развоплотиться.

5 февраля 1915

Париж

НА ВОКЗАЛЕ

В мутном свете увялых
Электрических фонарей
На узлах, тюках, одеялах
Средь корзин, сундуков, ларей,
На подсолнухах, на окурках,
В сермягах, в шинелях, в бурках,
То врозь, то кучей, то в ряд,
На полу, на лестницах — спят:

Одни раскидавшись — будто
Подкошенные на корню,
Другие вывернув круто
Шею, бедро, ступню.
Меж ними бродит зараза
И отравляет их кровь:
Тиф, холера, проказа,
Ненависть и любовь.
Едят их поедом жадным
Мухи, москиты, вши,
Они задыхаются в смрадном
Испареньи тел и души.
Точно в загробном мире,
Где каждый в себе несет
Противовесы и гири
Дневных страстей и забот.
Так спят они по вокзалам,
Вагонам, платформам, залам,
По рынкам, по площадям,
У стен, у отхожих ям:
Беженцы из разоренных
Оголодавших столиц,
Из городов опаленных,
Деревень, аулов, станиц,
Местечек: тысячи лиц...
И социальный мессия.
И баба с кучей ребят.
Офицер, налетчик, солдат,
Спекулянт, мужики —
вся Россия!

Вот лежит она, распята сном,
По вековечным излогам,
Расплесканная по дорогам,
Искусанная огнем,
С запекшимися губами,
В грязи, в крови и во зле
И ловит воздух руками,
И мечется по земле.
И не может в бреду забыться,
И не может очнуться от сна...
Не все ли и всем простится,
Кто выстрадал, как она?

29 июля 1919. Коктебель

* * *

Сквозь облак тяжелые свитки,
Сквозь ливней косые столбы
Лучей золотистые слитки
На горные падают лбы.
Пройди по лесистым предгорьям,
По бледным полынным лугам,
К широким моим плоскогорьям,
К гудящим волной берегам,
Где в дикой и пенной порфире,
Ложась на песок голубой,
Все шире, все шире, все шире
Развертывается прибой.

18 ноября 1919

ЕЛЕНА ГУРО

ЛУННАЯ

Над крышами месяц пустой бродил.
Одиноки казались трубы...
Грациозно месяцу дуралей
Протягивал губы.
Видели как-то месяц в колпаке,
И ах, как мы смеялись!
«Бубенцы, бубенцы на дураке!...»

.....

Время шло, — а минуты остались.
Бубенцы, бубенцы на дураке...
Так они заливались!
Месяц светил на чердаке.
И кошки заволновались.

.....

Кто-то бродил без конца, без конца,
Танцевал и гляделся в окна,
А оттуда мигала ему пустота...
Ха, ха, ха, — хохотали стекла...
Можно на крыше заночевать,
Но место есть и на площади!

.....
Улыбается вывеске фонарь
И извожничьей лошади.

ДЕТСКАЯ ШАРМАНОЧКА

С ледяных сосулек искорки,
И снежинок пыль...
А шарманочка играет
Веселенькую кадриль.
Ах, ее ободочки
Обтерлись немножко!

Соберемся все под елочкой:
Краток ночи срок;
Коломбина, Арлекин и обезьянка
Прыгают через шнурок.
Высоко блестят звезды
Золотой бумаги,
И дерутся два паяца,
Скрестив шпаги.

Арлекин поет песенку:
— Далеко, далеко за морем
Круглым и голубым
Рдеют апельсины
Под месяцем золотым.

Грецкие орехи
Серебряные висят;
Совушки-фонарики
На ветвях сидят.
И танцует кадриль котенок

В дырявом чулке,
А пушистая обезьянка
Качается в гамаке.

И глядят синие звезды
На счастливые мандарины
И смеются блесткам золотым
Под бряцанье мандолины.

* * *

Пролежала дорога в стороне,
Не было в ней пути.
Нет!

А была она за то очень красива!
Да, именно за то...
Приласкалась к земле эта дорога,
Так прильнула, что душу взяла.
Полюбили мы эту дорогу,
На ней поросла трава.

Доля, доля, доляночка!
Доля ты тихая, тихая моя.
Что мне в тебе, что тебе во мне?
А ты меня замучила!

ГЕОРГИЙ ЧУЛКОВ

ЦАРИЦА

Она идет по рыжим полям;
У нее на челе багряный шрам...
Мерно ступают босые ноги, —
Тихо и мерно,
По меже, по узкой дороге,
По верной.

Она идет по рыжим полям,
Смеется.
Увидит ее василек — улыбнется,
Нагнется.
Придет она и к нам —
Веселая.
Навестит наши храмы и села.
На червленной дороге
Шуршат-шепчут ей травы.
И виноватый, и правый
Нищей царице — в ноги.
Наточили острых кос мы,
Скосим золотые стебли —
Овес ли, хлеб ли:
Любо нам, яро!

А царицыны красные космы
Горят огнем-пожаром.
Отдадим мы царице покос,
Пусть пьянеет душистым сеном,
И до утренних рос
Утоим ее радостным пленом.

<Начало 1900-х гг.>

СОНЕТЫ

I

Венчанные осенними цветами,
Мы к озеру осеннему пришли;
От неба тайн и до седой земли
Завеса пала. Острыми лучами

Пронзилось солнце. Чудо стерегли
Вдвоем — на камнях — чуткими глазами.
И осень, рея, веяла крылами,
И сны нам снились в солнечной пыли.

И вдруг, как дети, радостно устами
Коснулись уст. И серебристый смех
Вспорхнул, пронесся дальними лугами.
Где лет былых безумие и грех?

И тишиной лишь реет влажно-нежной
Наш сон любви в раздольности прибрежной.

II

Пустынный летний сон тайги вечерней
Дымился, тлел. И золотистый жар
На сердце пал. Звенел во сне пожар
Таежных сосен. Можно ль суеверней

Любить тайгу, желать в любви безмерней
Чудес, неложных — невозможных чар?
Так мы с тобой несли священный дар
На сей алтарь таинственной вечерни.

Вожатого забыв на берегу,
Ушли с тобой в часовню темных елей,
В смолистую и мшистую тайгу.

Под шорох трав и лепеты свирели,
В душистой мгле, в магическом кругу,
На миг, навек любовь запечатлели.

ИЗ ЦИКЛА «ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТИХИ»

1. ЖИВАЯ ФОТОГРАФИЯ

Красный паяц намалеван на витро кинематографа;
Лысый старик, с мудрыми глазами и с тонкой улыбкой,
играет вальс на фортепиано;
Двигаются и дрожат жизни на полотне, плененные механикой;
Кто эти милые актеры, так самоотверженно отдавшие машине?
Кто эти актрисы, с расстегнутыми лифами, захваченные
(будто бы нечаянно) фотографическим аппаратом?

Быть может, вас уже нет на свете?
Не раздавил ли вас бесстыдно гроыхающий трамвай?
Не погибаете ли вы в больнице, отравленные ртутью?
Где вы? Где ваши губы, утомленные поцелуями?
Зачем вы продолжаете махать вашими руками на полотне?
Вон дерутся на рапирах два тореадора из-за прекрасной испанки.
О, как вы смешны, черномазые соотечественники Сервантеса!
Но посмотрите на зрителей: они очарованы представленьем:
Мальчик из лавки стоит, засунув палец в рот;
Толстая барыня задыхается в своем корсете;
Томная проститутка влажными глазами следит за зрелищем;
А тореадоры, пламенея от страсти, скрещивают шпаги.
И женский голос в публике произносит внятно:
«Мужчины всегда дерутся».

<1908>

* * *

Теснее связь земли живой и неба,
Чем думаешь, от слез слепая мать;
Умей смотреть — и сможешь угадать
И в хмеле жарких лоз, и в тайне хлеба

Причастье дивное. Святая треба
Вершится чудом. Дивно благодать
Поможет сердцу знаки прочитатъ:
Вот — человек; вот — голубь; вот — амеба.

Так в каждой жизни есть иной залог,
Иное бытие в ней дышит, волит.
И те ушедшие, когда позволит

Расторгнуть время всемогущий Бог,
Вдруг осветят таинственный порог,
И этот свет нам сердце обезболит.

28.12.1920

В. РОПШИН
(БОРИС САВИНКОВ)

* * *

В горах оливковая роща,
У моря камень и песок.
И пламень ярче, вера проще,
Как прост обманчивый челнок.

В тени полуденной платана
Фонтана звонкая струя...
Незаживающая рана
Душа погибшая моя.

1911

НА ЮГЕ

Отуманенные горы,
Опечаленный залив,
Сквозь опущенные шторы
Ветви влажные олив.

Шум прибоя однозвучный,
Шорох летнего дождя,
Отблеск ласковый и скучный
Вечереющего дня.

Ночью — бледные зарницы.
Приближающийся гром,
И крыло озябшей птицы
За незапертым окном.

Безглагольный, безымянный
Чуждой жизни темен лик.
Я к окну, дрожа, приник...
Что могу я, гость незваный?

1912

* * *

Ее жемчужное кольцо
Играет тенью перламутра,
Я в это пасмурное утро
Увижу милое лицо,
Полуласкающие руки,
Полувлюбленные уста,
В глазах предчувствие разлуки,
Пресыщенность любовной скуки,
Восторг любовного креста.
Прочту последние страницы
Недорифмованных стихов
И ей, оправданной блуднице,
Ей, неоправданной царице,
Дам отпущение грехов.
Ее жемчужное кольцо
Я в это утро не надену,
Благословлю ее измену
И разлюблю ее лицо.

ВИКТОР СТРАЖЕВ

* * *

Александру Койранско

В сверканье уличного гула
Она, чье имя — Никогда,
В окне трамвая вдруг мелькнула.
— Эй, берегись! — Вам здесь? — Ну, да!

На буйной улице, неожиданно,
Она, чье имя — Тишина,
Мне улыбнулась необманно.
— А ваша мама все больна?

Ты воплощалась не однажды,
Моя извечная Печаль.
Твой поцелуй священен каждый!
— За vous chagrine? — За m'est égal!

Я верю — новый день настанет.
Она придет — моя любовь!
И в эту встречу — не обманет.
— Ведь экий черт! Все рыло в кровь!

Кричит надрывно мостовая.
Она, чье имя — Тихий Свет,

Мелькнула вдруг в окне трамвая.
— Купите ландышей букет!

<1907>

НАПОЛЕОН

Их двое — дед с рябою рожей, —
Угрюм и зол, когда не пьян, —
И с ним печальный и пригожий
Голубоглазый мальчуган.

Гудящий бас и алыт высокий,
Звон балалаечки-души —
Им Волга стелет путь широко
За то, что песни хороши.

Певучий хмель! Он одолеет!
Пьяней вина томит тоска...
И крючник деду не жалеет
Непропитого пятака.

Но в песнях Руси здесь, над Волгой,
Как странно-дивен образ Твой!
О, как таинственно и долго
Вершится жребий роковой!

Век отошел... но ей угодно,
Твоей играющей судьбе, —
Живешь Ты в памяти народной,
И Враг Твой плачет о Тебе...

И двое их, бродя с сумою,
Поют в поволжском кабаке,
Как над пылающей Москвою
«Стоял Ты в сером сюртуке».

1912

* * *

Нежна, стройна, как тихая былинка.
 Хищна, как юркий хорь.
Хрустальна ты, как Божия росинка
 В лучах стыдливых зорь.
Звенишь капризным плеском перезвучий.
 Слепой тоски полна.
Как легкий, светлый звон над горной кручей,
 Твоя душа слышна.
Стезя моя тебе покорна всюду.
 Иди. Топчи. Губи.
Но верь, о, верь ниспосланному чуду:
 Я обречен: — люби!

* * *

Н. А. Заозерско

У дороги, за околицей — мертвая береза.
В ветре сучьями шуршит
В ветре стонет и скрипит,

И стволом, кривым, корявым,
Плачет голосом гнусавым
У дороги, за околицей, мертвая береза.
Это стонет дух убийцы,
Душегуба, кровопийцы?
Грех великий тяготит?
Тяжко молит: кто простит?
У дороги, за околицей — мертвая береза.
Это — Друг, седой и древний?
Сторожит он сон деревни?
Это Голод, Белый Гость,
Гложет, лижет чью-то кость?
У дороги, за околицей — мертвая береза.
Сучья тянутся, как руки...
В скрипке — плач великой муки,
Плач великой Нищеты.
Это — Русь родная? Ты?
У дороги, за околицей — мертвая береза.

* * *

Огня не надо. Будем тихо
Сидеть, вдвоем, у камелька.
И пусть приходит наше Лихо,
И пусть цветет, поет тоска.

Нас тихий вечер, лиловя,
Рукою темной обоймет,
И, может быть, как угли тлея,
Наш черный день замрет, умрет.

ВАЛЕНТИН КРИВИЧ

* * *

О, исторгни ржавую душу...

Ал. Блок

Мне даны слова и правила,
И, послушный, я живу...
Но душа моя заржавела
В тусклой грезе наяву.

Чинно шахматы раздвинуты,
Строгий царствует покой —
И пылится жребий, вынутый
Равнодушною рукой.

Дремлет сила неизжитая...
А из мрака на нее
Тупо смотрит сонно-сытое
И немое забытье.

<1909>

* * *

В каких полях меня встречала
Душа смятенная твоя?

Наш путь начертан изначала
На ветхой карте бытия.

Ты ждешь ли ярких откровений,
Иль будем вместе с этих пор
Топтать истертые ступени
И жизни выцветший ковер?..

Но если тайну разгадали —
В ней нет предчувствий волшебства.
Сквозят осенние эмали,
Шуршит осенняя листва, —

И трезвый день грозит расплатой,
А ночь придет — простит опять...
В пустом саду, меж серых статуй
Больней и ярче вспоминать,
Что где-то там, за гранью были,
Лучи неведомой звезды
Для новой жизни оживили
Захолодевшие следы...

1909

* * *

Тают ночи, гаснут зори,
И от сумерек земли
Каждый вечер в зыби моря
Уплывают корабли.

Каждый вечер вниз на плиты,
К суетливым пристаням,

Побежденный и забытый,
Я схожу по ступеням...

Всем ненужный, всем далекий,
Дни у жизни я краду...
Каждый вечер, одинокий,
Все чего-то грустно жду...

К далям темным и печальным
Ветер гонит облака...
И не мне платком прощальным
Машет тонкая рука...

Но влечет на темной грани
Сердце брошенное жечь
В горе чуждых расставаний,
В ярком счастье чуждых встреч.

1912

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА

Люди метались, как звери,
Прятались тени в углы...
Хлопали окна и двери,
Жутко трещали полы.

Билось... ломалось... кололось...
В гордой застылости зал
Пьяный надорванный голос
Пьяную песню кричал...

А под березой разлатой
На перекрестке дорог
Плакали жалко пенаты,
В серенький сжавшись комок...

Март 1917

* * *

Заболело — не излечится —
Смертной болью бытие...
Мышью загнанною мечется
Сердце утлое мое.

Ждет, и верит, и пугается,
И не верит... А пока
Все труднее напрягается
Ослабевшая рука...

Это днем. А ночью олово
Тонко-серой тишины,
И туманно мучат голову
Полумысли, полусны...

1921

САША ЧЁРНЫЙ

ИНТЕЛЛИГЕНТ

Повернувшись спиной к обманувшей надежде
И беспомощно свесив усталый язык,
Не раздевшись, он спит в европейской одежде
И храпит, как больной паровик.

Истомила Идея бесплодием интрижек,
По углам паутина ленивой тоски,
На полу вороха неразрезанных книжек
И разбитых скрижалей куски.

За окном непогода лютует и злится...
Стены прочны, и мягок пружинный диван.
Под осеннюю бурю так сладостно спится
Всем, кто бледной усталостью пьян.

Дорогой мой, шепни мне сквозь сон по секрету,
Отчего ты так страшно и тупо устал?
За несбыточным счастьем гонялся по свету
Или, может быть, землю пахал?

Дрогнул рот. Разомкнулись тяжелые вежды,
Монотонные звуки уныло текут:
«Брат! Одну за другой хоронил я надежды,
Брат! От этого больше всего устают.

Были яркие речи и смелые жесты
И неполных желаний шальной хоровод.
Я жених непришедшей прекрасной невесты.
Я больной, утомленный урод».

Смолк. А буря все громче стучалась в окошко.
Билась мысль, разгораясь и снова таясь.
И сказал я, краснея, тоскуя и злясь:
«Брат! Подвинься немножко».

1908

ПЕСНЯ О ПОЛЕ

«Проклятые» вопросы,
Как дым от папиросы,
Рассеялись во мгле.
Пришла Проблема Пола,
Румяная фефела,
И ржет навеселе.

Заерзали старушки,
Юнцы и дамы-душки
И прочий весь народ.
Виват, Проблема Пола!
Сплетайте вокруг подола
Веселый «Хоровод».

Ни слез, ни жертв, ни муки...
Подыдем знамя-брюки
Высоко над толпой.
Ах, нет доступней темы!

На ней сойдемся все мы —
И зрячий и слепой.

Научно и приятно,
Идейно и занято —
Умей момент учесть:
Для слабенькой головки
В проблеме-мышеловке
Всегда приманка есть.

1908

ПОТОМКИ

Наши предки лезли в клетки
И шептались там не раз:
«Туго, братцы... Видно, дети
Будут жить вольготней нас».

Дети выросли. И эти
Лезли в клетки в грозный час
И вздыхали: «Наши дети
Встретят солнце после нас».

Нынче так же, как вовеки,
Утешение одно:
Наши дети будут в Мекке,
Если нам не суждено.

Даже сроки предсказали:
Кто — лет двести, кто — пятьсот,
А пока лежи в печали
И мычи, как идиот.

Разукрашенные дули,
Мир умыт, причесан, мил...
Лет чрез двести? Черта в ступе!
Разве я Мафусаил?

Я, как филин, на обломках
Переломанных богов.
В неродившихся потомках
Нет мне братьев и врагов.

Я хочу немножко света
Для себя, пока я жив;
От портного до поэта —
Всем понятен мой призыв...

*А потомки... Пусть потомки,
Исполняя жребий свой
И кляня свои потемки,
Лупят в стенку головой!

<1908>

Б Ы Т

М Я С О

(Шарж)

Брандахлысты в белых брючках
В лаун-теннисном азарте
Носят жирные зады.

Вкруг площадки, в модных штучках,
Крутобедрые Астарты,
Как в торговые ряды,

Зазывают кавалеров
И глазами, и боками,
Обещая всё для всех.

И гирлянды офицеров,
Томно дрыгая ногами,
«Сладкий празднуют успех».

В лакированных копытах
Ржут пажы и роют гравий,
Изгибаясь, как лоза, —

На раскормленных досыта
Содержанок, в модной славе,
Щуря сальные глаза.

Щеки, шеи, подбородки,
Водопадом в бюст свергаясь,
Пропадают в животе,

Колыхаются, как лодки,
И, шелками выпираясь,
Вопиют о красоте.

Как ходячие шнель-клопсы,
На коротких, пухлых ножках
(Вот хозяек дубликат!)

Грандиознейшие мопсы
Отдыхают на дорожках
И с достоинством хрипят.

Шипр и пот, французский говор...
Старый хрен в английском платье
Гладит ляжку и мычит.

Дипломат, шпион иль повар?
Но без формы люди — братья:
Кто их, к черту, различит?..

Как наполненные ведра,
Растопыренные бюсты
Проплывают без конца —

И опять зады и бедра...
Но над ними — будь им пусто! —
Ни единого лица!

Лето 1909

КРИТИКУ

Когда поэт, описывая даму,
Начнет: «Я шла по улице. В бока впился корсет
Здесь «я» не понимай, конечно, прямо —
Что, мол, под дамою скрывается поэт.
Я истину тебе по-дружески открою:
Поэт — мужчина. Даже с бородой.

<1909>

КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА

Квартирант сидит на чемодане
И задумчиво рассматривает пол:
Те же стулья, и кровать, и стол,
И такая же обивка на диване,
И такой же «бигус» на обед, —
Но на всем какой-то новый свет...

Блещут икры полной прачки Феклы.
Перегнулся сильный стан во двор.
Как нестройный, шаловливый хор,
Верещат намыленные стекла,
И заплаты голубых небес
Обещают тысячи чудес.

Квартирант сидит на чемодане.
Груды книжек покрывают пол.
Злые стекла свищут: эй, осел!
Квартирант копается в кармане,
Вынимает стертый четвертак,
Ключ, сургуч, копейку и пятак...

За окном стена в сырых узорах,
Сотни ржавых труб вонзились в высоту,
А в Крыму миндаль уже в цвету...
Вешний ветер закрутился в шторах
И не может выбраться никак.
Квартирант пропьет свой четвертак!

Так пропьет, что небу станет жарко.
Стекла вымыты. Опять тоска и тишь.

Фекла, Фекла, что же ты молчишь?
Будь хоть ты решительной и яркой:
Подойди, возьми его за чуб
И ожги огнем весенних губ...

Квартирант и Фекла на диване.
О, какой торжественный момент!
«Ты — народ, а я — интеллигент, —
Говорит он ей среди лобзаний. —
Наконец-то, здесь, сейчас, вдвоем,
Я тебя, а ты меня — пойдем...»

<1909>

ГОРОДСКАЯ СКАЗКА

Профиль тоньше камен,
Глаза как спелые сливы,
Шея белее лилеи,
И стан как у леди Годивы.

Деву с душою бездонной,
Как первая скрипка оркестра, —
Недаром прозвали мадонной
Медички шестого семестра.

Пришел к мадонне филолог,
Фаддей Симеонович Смяткин.
Рассказ мой будет недолог:
Филолог влюбился по пятки.

Влюбился жестоко и сразу
В глаза ее, губы и уши,
Цедил за фразою фразу,
Томился, как рыба на суше.

Хотелось быть ее чашкой,
Братом ее или теткой,
Ее эмалевой пряжкой
И даже зубной ее щеткой!..

«Устали, Варвара Петровна?
О, как дрожат ваши ручки!» —
Шепнул филолог любовно,
А в сердце вонзились колючки.

«Устала. Вскрывала студента:
Труп был жирный и дряблый.
Холод... Сталь инструмента.
Руки, конечно, изящли.

Потом у Калинкина мостá
Смотрела своих венеричек.
Устала: их было до ста.
Что с вами? Вы ищете спичек?

Спички лежат на окошке.
Ну вот. Вернулась обратно,
Вынула почки у кошки
И зашила ее аккуратнó.

Затем мне с подругой достались
Препараты гнилой пуповины.
Потом... был скучный анализ:
Выделение в моче мочевины...

Ах, я! Прошу извиненья:
Я роль хозяйки забыла —
Коллега! Возьмите варенья, —
Сама сегодня варила».

Фаддей Симеонович Смяткин
Сказал беззвучно: «Спасибо!»
А в горле ком кисло-сладкий
Бился, как в неводе рыба.

Не хотелось быть ее чашкой,
Ни братом ее и ни теткой,
Ни ее эмалевой пряжкой,
Ни зубной ее щеткой!

<1909>

ДВА ТОЛКА

Одни кричат: «Что форма? Пустяки!
Когда в хрусталь налить навозной жижи —
Не станет ли хрусталь безмерно ниже?»

Другие возражают: «Дураки!
И лучшего вина в ночном сосуде
Не станут пить порядочные люди».

Им спора не решить... А жаль!
Ведь можно наливать... вино в хрусталь.

<1909>

ЛАМЕНТАЦИИ

Хорошо при свете лампы
Книжки милые читать,
Пересматривать эстампы
И по клавишам бренчать, —

Щекоча мозги и чувство
Обаяньем красоты,
Лить душистый мед искусства
В бездну русской пустоты...

В книгах жизнь широким пиром
Тешит всех своих гостей,
Окружая их гарниром
Из страданья и страстей:

Смех, борьба и перемены,
С мясом вырван каждый клочок!
А у нас... углы да стены
И над ними потолок.

Но подчас, не веря мифам,
Так событий личных ждешь!
Заболеть бы, что ли, тифом,
Учинить бы, что ль, дебош?

В книгах гений Соловьевых,
Гейне, Гете и Золя,
А вокруг от Ивановых
Содрогается земля.

На полотнах Магдалины,
Сонм Мадонн, Венер и Фрин,
А вокруг — кривые спины
Мутноглазых Акулин.

Где события нашей жизни,
Кроме насморка и блох?
Мы давно живем, как слизни,
В нищете случайных крох.

Спим и хнычем. В виде спорта,
Не волнуясь, не любя,
Ищем Бога, ищем черта,
Потеряв самих себя.

И с утра до поздней ночи
Все, от крошек до старух,
Углубив в страницы очи,
Небывалым дразнят дух.

В звуках музыки — страданье,
Боль любви и шепот грез,
А вокруг одно мычанье,
Стоны, храп и посвист лоз.

Отчего? Молчи и дохни.
Рок — хозяин, ты — лишь раб.
Плюнь, ослепни и оглохни,
И ворочайся, как краб!

...Хорошо при свете лампы
Книжки милые читать,

Перелистывать эстампы
И по клавишам бренчать.

<1909>

ОГОРОД

За сизо-матовой капустой
Сквозные листики укропа.
А там, вдали — где небо пусто —
Маячит яблоня-растрепя.
Гигантский лук напруг все силы
И поднял семена в коронке.
Кругом забор, седой и хилый.
Малина вяло спит в сторонке.
Кусты крыжовника завяли,
На листьях — ржа и паутина.
Как предосенний дух печали,
Дрожит над банею осина.
Но огород еще бодрее,
И гуще, и щедрей, чем летом.
Смотри! Петрушки и порей
Как будто созданы поэтом...
Хмель вполз по кольям пышной сеткой
И свесил гроздьях светлых шишек.
И там, и там — под каждой веткой
Широкий радостный излишек.
Земля влажна и отдыхает.
Поникли мокрые травинки,

И воздух кротко подымает
К немоу небу паутинки.
А здесь, у ног, лопух дырявый
Раскинул плащ в зеленой дреме...
Срываю огурец шершавый
И подношу к ноздрям в истоме.

<1914>

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

ОБРАЗ ВЕЧНОСТИ

Бетховену

Образ возлюбленной — Вечности —
встретил меня на горах.
Сердце в беспечности.
Гул, прозвучавший в веках.
В жизни загубленной
образ возлюбленной,
образ возлюбленной — Вечности,
с ясной улыбкой на милых устах.

Там стоит,
там манит рукой...
И летит
мир предо мной —
вихрь крутит
серых облак рой.

Полосы солнечных струй златотканые
в облачной стае горят...
Чьи-то призывы желанные,
чей-то задумчивый взгляд.

Я стар — сребрится
мой ус и темя,
но радость снится.
Река, что время:
летит — кружится...

Мой челн сквозь время,
сквозь мир помчится.

И умчусь сквозь века в лучесветную даль...
И в очах старика
не увидишь печаль.

Жизни не жаль
мне загубленной.
Сердце полно несказанной беспечности —
образ возлюбленной,
образ возлюбленной —
— Вечности!..

Апрель 1903

ИЗ ОКНА

Гляжу из окна я вдоль окон:
здесь — голос мне слышится пылкий,
и вижу распушенный локон...
Там вижу в окне я бутылки...

В бутылках натыкана верба.
Торчат ее голые прутья.

На дворике сохнут лоскутья...

И голос болгар иль серба

гортанный протяжно рыдает...

И слышится: «Шум на Марица...»

Сбежались. А сверху девица

с деньгою бумажку бросает.

Утешены очень ребята

прыжками цепной обезьянки.

Из вечно плаксивой Травьяты

мучительный скрежет шарманки.

Посмотришь на даль — огороды

мелькнут перед взором рядами,

заводы, заводы, заводы!..

Заводы блестят уж огнями.

Собравшись пред старым забором,

портные расселись в воротах.

Забыв о тяжелых работах,

орут под гармонику хором.

1903

ШОССЕ

Д. В. Философову

За мною грохочущий город

На склоне палящего дня.

Уж ветер в расстегнутый ворот

Прохладой целует меня.

В пространство бежит-убегает

Далекая лента шоссе.

Лишь перепел серый мелькает,
Взлетая, ныряя в овсе.

Рассыпались по полю галки.
В деревне блеснул огонек.
Иду. За плечами на палке
Дорожный висит узелок.

Слагаются темные тени
В узоры промчавшихся дней.
Сижу. Обнимаю колени
На груди дорожных камней.

Сплетается сумрак крылатый
В одно роковое кольцо.
Уставился столб полосатый
Мне цифрой упорной в лицо.

Август 1904
Ефремов

В ПОЛЯХ

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
над червонной рекой.

От воздушного пьянства
онемела земля.
Золотые пространства,
золотые поля.

Озаренный лучом, я
опускаюсь в овраг.
Чернопыльные комья
замедляют мой шаг.

От всего золотого
к ручейку убегу —
холод ветра ночного
на зеленом лугу.

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
убежал на покой.

Убежал в неизвестность.
Над полями легла,
заливая окрестность,
бледно-синяя мгла.

Жизнь в безвременье мчится
пересохшим ключом:
все земное нам снится
утомительным сном.

1904

НА УЛИЦЕ

Сквозь пыльные, желтые клубы
Бегу, распустивши свой зонт.

И дымом фабричные трубы
Плюют в огневой горизонт.

Вам отдал свои я напевы —
Грохочущий рокот машин,
Печей раскаленные зевы!
Все отдал; и вот — я один.

Пронзительный хохот пролетки
На мерзлой гремит мостовой.
Прижался к железной решетке —
Прижался: поник головой...

А вихри в нахмуренной тверди
Волокна ненастные вьют;
И клены в чугунные жерди
Багряными листьями быют.

Сгибаются, пляшут, закрыли
Окрестности с воплем мольбы,
Холодной отравленной пыли —
Взлетают сухие столбы.

1904

Москва

ДРУЗЬЯМ

Н. И. Петровской

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.

Не смейтесь над мертвым поэтом:
Снесите ему цветок.
На кресте и зимой и летом
Мой фарфоровый бьется венок.

Цветы на нем побиты.
Образок полинял.
Тяжелые плиты.
Жду, чтоб их кто-нибудь снял.

Любил только звон колокольный
И закат.
Отчего мне так больно, больно!
Я не виноват.

Пожалейте, придите;
Навстречу венком метнусь.
О, любите меня, полюбите —
Я, быть может, не умер, быть может,
проснусь —
Вернусь!

Январь 1907
Париж

НОЧЬ

Сергею Кречетову

Хотя бы вздох людских речей,
Хотя бы окрик петушиный:
Глухою тяжестью ночей
Раздавлены лежат равнины.

Разъята надо мною пасть
Небытием слепым, безгрёзным.
Она свою немую власть
Низводит в душу током грозным.

Ее пророческое дно
Мой путь созвездьями означает
Сквозь вихрей бледное пятно.
И зверь испуганный проскачет

Щетинистым своим горбом;
И рвется тень между холмами
Пред ним на снеге голубом
Тревожно легкими скачками:

То опрокинется в откос,
То умяется под елкой.
Заплачет в зимних даях пес,
К саням прижмется, чуя волка.

Как властны суеверный страх,
И ночь, и грустное пространство,
И зычно вставший льдяный прах —
Небес суровое убранство.

Январь 1907

Париж

ОТЧАЯНЬЕ

Э. Н. Гуппиус

Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволя.
Позволь же, о родина-мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать —
Туда, на равнине горбатой,
Где стая зеленых дубов
Волнуется купой подъятой,
В косматый свинец облаков,

Где по полю Оторопь рыщет,
Восстав сухоруким кустом,
И ветер пронзительно свищет
Ветвистым своим лоскутом,

Где в душу мне смотрят из ночи,
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, желтые очи
Безумных твоих кабаков, —

Туда, — где смертей и болезней
Лихая прошла колея, —
Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!

Июль 1908
Серебряный Колодезь

ДЕРЕВНЯ

Г. А. Рачинскому

Снова в поле, обвеваем
Легким ветерком.

Злое поле жутким лаем
Всхлипнет за селом.

Плещут облаком косматым
По полям седым
Избы, роем суковатым
Изрыгая дым.

Ощетинились их спины,
Как сухая шерсть.
День и ночь струят равнины
В них седую персть.

Огоньками злых поверий
Там глядят в простор,
Как растрепанные звери
Пав на лыс-бугор.

Придавила их неволя,
Вы — глухие дни.
За бугром с пустого поля
Мечут головни,
И над дальним перелеском
Просверкает пыл:
Будто змей взлетает блеском
Искрометных крыл.

Журавель кривой подьемлет,
Словно палец, шест.
Сердце Оторопь объемлет,
Очи темень ест.

При дороге в темень сухо
Чиркает сверчок.

За деревней тукнет глухо
Дальний колоток.

С огородов над полями
Взмоеся лоскут.
Здесь встречают дни за днями:
Ничего не ждут.

Дни за днями, год за годом:
Вновь за годом год.
Недород за недородом.
Здесь — немой народ.

Пожирают их болезни,
Иссушает глаз...
Промерцают в синей бездне —
Продрожит — алмаз,

Да заря багровым краем
Над бугром стоит.
Злое поле жутким лаем
Всхлипнет; и молчит.

1908
Серебряный Колодезь

РОДИНА

В. П. Свентицкому

Те же росы, откосы, туманы,
Над бурьянами рдяный восход,
Холодеющий шелест поляны,
Голодающий, бедный народ;

И в раздолье, на воле — неволя;
И суровый свинцовый наш край
Нам бросает с холодного поля —
Посылает нам крик: «Умирай —

Как и все умирают...» Не дышишь,
Смертоносных не слышишь угроз —
Безысходные возгласы слышишь
И рыданий, и жалоб, и слез.

Те же возгласы ветер доносит;
Те же стаи насытых смертей
Над откосами косами косят,
Над откосами косят людей.

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой —
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

1908

Москва

АЛЕКСАНДР БЛОК

ДРУЗЬЯМ

Молчите, проклятые струны!

А. Майков

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!

Что делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главу преклонить!

Что делать! Изверившись в счастье,
От смеху мы сходим с ума,
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!

Предатели в жизни и дружбе,
Пустых расточители слов,
Что делать! Мы путь расчищаем
Для наших далеких сынов!

Когда под забором в крапиве
Несчастные кости сгниют,

Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...

Вот только замучит, проклятый,
Ни в чем не повинных ребят
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных цитат...

Печальная доля — так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достояньем доцента,
И критиков новых плодить...

Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забиться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

1908

* * *

Не спят, не помнят, не торгуют.
Над черным городом, как стон,
Стоит, терзая ночь глухую,
Торжественный пасхальный звон.

Над человеческим созданием,
Которое он в землю вбил,
Над срадом, смертью и страданием
Трезвонят до потери сил...

Над мировую чепуху;
Над всем, чему нельзя помочь;

Звонят над шубкой меховою,
В которой ты была в ту ночь.

Ревель
<1909; 1911>

ПОЭТЫ

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и прямо,
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленились со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно,
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть — хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой.
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно все это!..

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцей,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

1908

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа.
Как в сельской церкви темной.

Осенний день высок и тих,
Лишь слышно — ворон глухо
Зовет товарищей своих
Да кашляет старуха.

Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За летом журавлиным...

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Что плач осенний значит?

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

1 января 1909

* * *

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу на что твоя тьма?

Знала ли что? Или в Бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да мера намерила
Гатей, дорог, да столбов верстовых...

Лодки да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских святынь не дошла...
Соколов, лебедей в степь распустила ты —
Кинулась из степи черная мгла...

За море Черное, за море Белое
В черные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?

1910

ШАГИ КОМАНДОРА

В. А. Зоргенфрею

Тяжкий плотный занавес у входа,
За ночным окном туман.
Что теперь твоя постылая свобода,
Страх познавший Дон-Жуан?

Холодно и пусто в пышной спальне,
Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пенье петуха.

Что изменнику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены.

Донна Анна спит, скрестив на сердце руки,
Донна Анна видит сны...

Чьи черты жестокие застыли,
В зеркалах отражены?
Анна, Анна, сладко ль спать в могиле?
Сладко ль видеть неземные сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ — победно и влюбленно —
В снежной мгле поет рожок...

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор.
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...

Настежь дверь. Из непомерной стужи,
Словно хриплый бой ночных часов —
Бой часов: «Ты звал меня на ужин.
Я пришел. А ты готов?..»

На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа — тишина.
В пышной спальне страшно в час рассвета,
Слуги спят, и ночь бледна.

В час рассвета холодно и странно,
В час рассвета — ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?
Анна! Анна! — Тишина.

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет.
Анна встанет в смертный час.

1910—1912

УНИЖЕНИЕ

В черных сучьях деревьев обнаженных
Желтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком.)

Красный штоф полинялых диванов,
Пропыленные кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стаканов,
Купчик, шулер, студент, офицер...

Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука *подлеца* нажимала
Эту грязную кнопку звонка...

Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверьми...
Разве дом этот — дом в самом деле?
Разве *так* суждено меж людьми?

Разве рад я сегодняшней встрече?
Что ты ликом бела, словно плат?
Что в твои обнаженные плечи
Бьет огромный холодный закат?

Только губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве это мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

В желтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно!) кровать...
Еще тесно дышать от объятий,
Но ты свищешь опять и опять...

Он не весел — твой свист замогильный...
Чу! опять — бормотание шпор...
Словно змей, тяжкий, сытый и пыльный,
Шлейф твой с кресел ползет на ковер...

Ты смела! Так еще будь бесстрашной!
Я — не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце — острый французский каблук!

1911

* * *

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре — серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг — суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдала сигнал...

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, — и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

Aber' Wrach, Finistère.
1911

* * *

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится, — снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы и листья, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от края до края,
И окошко твое.

Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

1912

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это — звоны ледохода
На торжественной реке,
Переключка парохода
С пароходом вдалеке.

Это — древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Пушкин! *Тайную свободу*
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

5 февраля 1921

АЛЕКСАНДР ЧЕРЕМНОВ

АЛУПКА

М. В. Дидерикс

Многозвучный, многоцветный,
Отсиял весенний день,
И тропюю неприметной
По горам спустилась тень.

Гаснут пламенные зори
Над горами в вышине,
Затуманенное море
Тихо плещет в полусне.

Точно белая голубка
Притаившись за холмом,
Дремлет тихая Алупка
В светлом сумраке немом...

Лишь порой под рев сирены,
Подымая клубом пыль,
По дороге на Лимены
Пролетит автомобиль;

Да в прозрачном полусвете
Четко виден, одинокий,

Муэдзин на минарете
Тихо плачет на Восток...

1910

БАБЬЕ ЛЕТО

Тихо в чаще. Ласковая осень
Золотит берез поблекший лист.
Даль прозрачна. Воздух свеж и чист,
Но бледна задумчивая просинь.

Каждый звук, родившийся в тиши,
Точно призрак, тает без ответа...
В эти дни в таинственной глуши
Умирает царственное лето.

От болота сонного кругом
Веет хвоей, сыростью и гнилью...
Дождевик, задетый сапогом,
Обдает сухой зеленой пылью...

Грустно блекнут травы и цветы...
И вокруг ни трепета, ни зноя —
Лишь одно сиянье красоты,
Красоты последнего покоя.

<1912>

ХИМЕРА

Закат угас. На синеве густой
Едва мерцал зловеющий свет Венеры.

Я шел во тьме. И вот над высотой
Небесный свод раздвинулся без меры.

И там в короне звездно-золотой
Увидел я лучистый лик Химеры:
Он тихо плыл, сияя в безднах сферы
Мучительно-влекущей красотой.

По всем мирам раскинулась мгновенно
Его лучей таинственная власть
До граней, где зияющую пасть
Раскрыл Хаос.

Упорно, дерзновенно
Следил я взором то, что неизменно;
Творящую, ликующую страсть.

ОБМАН

Печать гармонии и образ красоты.
Где жертвенный огонь? Где царская порфира?
Легенды ожили. Воскресли вновь для мира
Лаис и Галатей античные черты.

О, Боже! Ты сказал: не сотвори кумира!
Но что на всей земле достойнее мечты?
Явите дивную в величьи наготы,
Трепещущий резец и пламенная лира!

Безумец! Приглядишься: за маскою лица
Ни мысли, ни души. Расчетливая злоба,
Расчетливая страсть живого мертвеца.

Ликует и царит бездушная утроба...
О, беспощадная ирония Творца!
О, яркие цветы на черной крышке гроба!

ЮНОСТЬ

На взморье шум. Светло и жарко.
Крутой тропинкой на горе
Сбегает юная татарка
В цветной узорчатой чадре.

Глядит пугливо в чащу парка:
Безлюден берег на заре,
Лишь море в пенном серебре
Звенит, поет и светит ярко.

Ах, хорошо в тени скалы
Раздеться, стать над пенной мутью,
Смеяться морю и безлюдью,

Смотреть в завесу дальней мглы,
И смело прыгнуть смуглой грудью
На бирюзовые валы!

МАРИЯ ШКАПСКАЯ

* * *

Неживое мое дитя,
В колыбель мы тебя не клали,
Не ласкали ночью, крестя,
Губы груди моей не знали.

На кладбище люди идут —
Дорогая сердцу задача —
Отошедшим цветы снесут
И живыми слезами плачут.

Обошла бы кругом весь свет —
Не найду дорогой могилки,
Только в сердце твой тихий след,
Плоть от плоти, от жилок жилка.

Неживое мое дитя,
В колыбель мы тебя не клали,
Не ласкали ночью, крестя,
Губы груди моей не знали.

<ВОЙНА>

Ляжем и втянем голову в плечи — авось не заметит, авось не услышит, в книгу свою не запишет.

Темный и жуткий, к каждой улыбке чуткий, к каждой слезинке жадный, — по ниве людской, ниве страдной проходит он днем и ночью. — Видели сами, воочью.

От очей его пламя, и темное знамя кровавой звездой расшито. И, как полновесное жито, в подол своей темной ризы собрал дорогих и близких.

Ляжем и втянем голову в плечи — авось не заметит, авось избавит от клятвы, сохранит нас — для новой жатвы.

1915

Париж

* * *

Гроб хочу с паровым отоплением,
На парче золотые отливы,
Жидкость ждановскую против тления
И шопеновские к ней мотивы.

Гроб хочу с паровым вентилятором,
И для мертвых удобств и комфорта,
Кликнем клич по мазилкам-новаторам,
Пусть в гробу разрисуют офорты.

Скажут: мертвые им не ценители,
Что живые бы больше ценили.
Ах, живую оценку мы видели,
А про мертвую скажем в могиле.

Калорифер от топки нагреется —
И в гробу отворяется дверца!
Пусть хоть кости в могиле согреются,
Если в холоде умерло сердце.

1916

Париж

ЮДИФЬ

Я от стражи бежала, как серна,
Уронила свой плащ впопыхах,
Но была голова Олоферна
У меня на дрожащих руках.

И ее, дорогую, качала
Я всю ночь на опушке лесной,
И седая сосна расстилала
Свой зеленый шатер надо мной.

А когда бледно-желтые стрелы
Кинул в спящих зардевший восток,
Я зарыла ее неумело
И над ней посадила цветок.

1916

Париж

* * *

Как много женщин ты ласкал
и скольким ты был близок, милый.

Но нес тебя девятый вал
ко мне с неудержимой силой.
В угаре пламенных страстей,
как много ты им отдал тела.
Но матерью своих детей
Ты ни одной из них не сделал.
Какой святой тебя хранил?
Какое совершилось чудо?
Единой капли не пролил
ты из священного сосуда.
В последней ласке не устал
и до конца себя не отдал.
Ты знал? О, ты наверно знал,
что жду тебя все эти годы.
Что вся твоя и вся в огне,
полна тобой, как медом чаша.
Пришел, вкусил, и весь во мне,
и вот дитя — мое и наше.
Полна рука моя теперь,
мой вечер тих и ночь покойна.
Господь, до дна меня измерь, —
я зваться матерью достойна.

<1921>

БОРИС САДОВСКОЙ

* * *

В эту весеннюю темную ночь мне не спится.
Тихо на улицу я выхожу. Ветер ласково дует.
Небо, задумчиво-черное, кротко слезится,
Капли холодные нежно лицо мне целуют.

Молодость, ночь и весна. Древний город в покое,
Только порою послышится грохот пролетки усталой,
Сторож пройдет под воротами с верной доскою,
Да на бульваре далеко мелькнет силуэт запоздалый.

1904

ШТОРА

Каминный отблесков узор
На ткани пестрой шторы,
Часов бесстрастный разговор,
Знакомых стен узоры.
Поет и дышит самовар.
На полках дремлют книги.
За шторой — стынет зимний пар.
Часы считают миги.

Часы бегут, часы зовут,
Твердят о бесконечном.
Шум самовара, бег минут,
В мечтах — тоска по вечном.
За шторой — льдистых стекол мрак.
В туманной мгле мороза
Полозьев скрипы, лай собак,
Кряхтенье водовоза.

Откинуть штору или нет?
Взглянуть или не надо?
Там шорох мчащихся планет,
Там звезд лазурных стадо.
Нет, не хочу. Пусть у меня
Знакомые узоры
Рисуют отблески огня
На ткани пестрой шторы.

1904

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ

Заборы, груды кирпича,
Кривые улицы, домишки
И за собором каланча
С уснувшим сторожем на вышке.

Здесь сорок лет что год один.
Не знают люди перемены,
Как рамки выцветших картин,
Смирненно кроющие стены.

А в поле, там, где млеет ширь
И рожь колышется волнами,
Хранит кладбище монастырь,
Приосененный тополями.

И здесь такой же мирный сон,
Как сладко спится позабытым!
Лишь луч порой, упав на клен,
Играет зайчиком по плитам.

1905

СТЕПЬ

Тучное поле Микулою орано.
К сизым лощинам приникли туманы.
В небе вещанья угрюмого ворона,
В синей дали голубые курганы.

В темном кургане чьи кости заржавые?
Кто там, истлевший, с мечом и доспехом?
Смолкнули ворона крики кровавые,
Гулкая степь им ответила эхом.

То ли станицы шумят журавлиные,
Ветер ли грезит старинною былью,
Всадник ли стрелы пускает орлиные,
Пляшет верхом над седою ковылью?

<1905>

* * *

Пробило три. Не спится мне.
Вставать с постели нет охоты.

Луна на трепетной стене
Рисует окон переплеты.

Обоев дымчатый узор
Чертит условленные знаки.
В ночную тишь кидаю взор,
Ищу ответа в лунном мраке.

Жизнь обесценена, как миг.
Опять, как нынче, завтра будет.
О, если б разум мой постиг
Тот страшный смысл, что сердце будит!

Но тщетно ждать. В раздумья час,
Я знаю, сердце не ответит.
Одной луны холодный глаз
Мою мечту поймет и встретит.

Бледнеет мрак. Луна зовет.
Пусть до утра тоска продлится!
Я все провижу наперед
И сердце бездны не боится.

1906

* * *

Смотрю и слушаю вокруг.
Сбежал в овраг. Вздыхаюсь бодро.
С березы свесился паук,
Полет стрижей пророчит ведро.

Где над провалами кусты
Взнеслись в огне зари последнем,

С лицом Весны мелькнула ты,
Зовя к вечерним синим бредням.

Орешник чертит небосвод,
Кривится в плясе недвижимом,
Сгорая, облако плывет
И тихо стынет синим дымом.

Жуков гуденье, мошек звон,
Весенних птиц ночные взмахи,
Все на меня со всех сторон.
Стою, дрожа в священном страхе.

И ты! Опять, повсюду ты!
Но явь слилась с дремотной бредней.
Лишь искривленные кусты
Чертят во мгле зигзаг последний.

1907

МОРЮ

Безмолвны, ширятся и настигают волны.
Хоть чайки жалобно предчувствуют грозу,
Но волны все струят, задумчивости полны,
Меж изумрудами лазурь и бирюзу.

Даль серомглистая туманным дышит паром,
И волнам смены нет, и дали нет конца.
О море вещее! Твоим стихийным чарам
Не воскресить живого мертвеца!

Впервые твой простор открылся жадным взглядам,
Когда предвестьем дня, торжественно-счастливым,

К поющим, пляшущим, ликующим Наядам
Пурпурного огня бежал живой разлив.

Заря! Но взывала темь и помертвели воды.
Валы в кипящей мгле разверзли черный склеп.
И пусть в грядущих днях сиянием свободы
Вновь озарилась даль, я сердцем глух и слеп.

Ты в смене волн и дней, как я, безвластно, море,
Уж в даях дышащих темнеет твой чертог,
И скоро грозный бог в грохочущем просторе,
Нахмурясь, затрубит в тяжелый рог.

1910

* * *

Не любовь ли нас с тобою
В санках уличных несла
В час, когда под синей мглою
Старая Москва спала?

Не крылатый ли возница
Гнал крылатого коня
В час, когда спала столица,
Позабыв тревогу дня?

Помню иней над бульваром,
В небе звездные рои.
Из-под черной шляпы жаром
Губы веяли твои.

У часовни, подле кружки,
Слабый огонек мигнул.

Занесенный снегом Пушкин
Нам задумчиво кивнул.

На углу у переулка
Опустелый ждал подъезд.
Пронеслись трамваи гулко.
Были нежны взоры звезд.

Под веселый свист метели
Месяц серебрил Москву.
Это было в самом деле.
Это было наяву.

<1911>

СТУДЕНЧЕСКИЙ САМОВАР

Чужой и милый! Ты кипел недолго,
Из бака налитый слугою номерным,
Но я любил тебя как бы из чувства долга,
И ты мне сделался родным.
Вздыхали фонари на розовом Арбате,
Дымился древний звон, и гулкая метель
Напоминала мне о роковой утрате;
Ждала холодная постель.
С тобой дружил узор на ледяном окошке,
И как-то шли к тебе старинные часы,
Варенье из дому и в радужной обложке
Новорожденные «Весы».
Ты вызывал стихи, и странные рыдания,
Неразрешенные, вскипали невзначай,

Но остывала грудь в напрасном ожиданье,
Как остывал в стакане чай.
Те дни изношены, как синяя фуражка,
Но все еще поет в окне моем метель,
По-прежнему я жду; как прежде, сердцу тяжко
И холодна моя постель.

1913

* * *

Страшно жить без самовара:
Жизнь пустая беспредельна,
Мир колышется бесцельно,
На душе тоска и мара.

Оставляю без сознанья
Бред любви и книжный ворох.
Слыша скатерти шуршанье,
Самовара воркованье,
Чаю всыпанного шорох.

Если б кончить с жизнью тяжкой
У родного самовара,
За фарфоровую чашкой,
Тихой смертью от угара!

<1913>

ВАСИЛИЙ КОМАРОВСКИЙ

РЫНОК

*Д. Н. Кардовскому.
на заданную им тему*

Здесь груды валенок и кипы кошельков,
И золото зеленое копчушек.
Грибы сушеные, соленье, связки сушек
И постный запах теплых пирожков.

Я утром солнечным выслушивать готов
Торговый разговор внимательных старушек:
В расчеты тонкие копеек и осьмушек
Так много хитрости затрачено — и слов.

Случайно вызванный на странный поединок,
Я рифму праздную на царскосельский рынок,
Проказницу, не даром приволок.

Тут гомон целый день стоит, широк и гулок.
В однообразии тупом моих прогулок,
В пустынном городе — веселый уголок.

1911

* * *

Изгнанники, из тьмы пещер
Мы провожали жадным взглядом
По морю яркому надменный бег галер,
Перебегавших к Симплегадам.

Исчезли. Взор блуждает, туп,
Печаль поет свои литии.
Но в криптах памяти воскресла радость труб,
Аргира в бармах Византии.

Под истязаньями вериг
Зажглись языческие ласки.
Победы вспомнились разубранных квадриг,
Пиров полуночные пляски.

Как будто в позабытый скит,
В пустыню каменного зноя,
Стопою легкою императрица Зоя
Вошла — и сердце бередит.

1911

В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Я начал, как и все — и с юношеским жаром
Любил и буйствовал. Любовь прошла пожаром,
Дом на песке стоял — и он не уцелел.
Тогда, мечте своей поставивши предел,
Я Питер променял, туманный и угарный,
На ежедневную прогулку по Бульварной.
Здесь в дачах каменных — гостеприимный кров
За революцию осиротевших вдов.

В беседе дружеской проходит вечер каждый.
Свободой насладись — ее не будет дважды!
Покоем лечится примерный царскосел,
Гуляет медленно, избавленный от зол,
В аллеях липовых скептической Минервы.
Здесь пристань белая, где Александр Первый,
Мечтая странником исчезнуть от людей,
Перчатки надевал и кликал лебедей,
Им хлеба белого разбрасывая крошки.
Иллюминация не зажигает плошки,
И в бронзе неказист великий лицеист.
Но здесь над Тютчевым кружился «ржавый» лист,
И, может, Лермонтов скакал по той аллее?
Зачем же, как и встарь, а может быть и злее,
Тебя и здесь гнетет какой-то тайный зуд? —
Минуты, и часы, и месяцы — ползут.
Я знаю: утомясь опять гнездом безбурным,
Скучая дóсугом своим литературным,
Со страстью жадною я душу всю отдам
И новым странностям, и новым городам.
И в пестрой суете, раскаяньем томимый,
Ведь будет жаль годов, когда я, нелюдимый,
Упорного труда постигнув благодать,
Записывал стихи в забытую тетрадь...

1912

* * *

Самонадеянно возникли города,
И стену вывел жадный воин,

И ядовитая перетекла вода,
Отравленная кровью боен.

Где было все и бодро и светло,
Высокий лес шумел над лугом,
Там дети бледные в туманное стекло
Глядят наследственным недугом.

И девушка раскрашенным лицом
Зовет в печальные вертепы;
И око мертвое, напоено свинцом,
Глядит насмешливо и слепо.

Заросшим следом Авелевых стад
Идти в горячем ожиданьи?
Где игры табунов раздолье возвестят
Своим неукротимым ржаньем?

Где овцы тучные, теснясь, перебегут
По зеленеющим обрывам,
К серебряным ручьям блаженно припадут
Глотками жажды торопливой?

Так прежде хищника блестел зеленый глаз
Стервятник уносил когтями.
И бодрствовал пастух, и, опекая, пас,
И вел обильными путями.

Но вымя выдоил и нагрузил коня,
Повсюду осквернивший руку:
По рельсам и мостам железом зазвения,
Несет отчаянье и скуку.

И воды чистые, они не напоят,
Когда по нивам затопленным
Весенний табунок понурых жеребят
Тоскует стадом оскопленным.

1912

* * *

В. М. Дешевову

Со всех сторон, морозный и зыбучий,
Ночной простор со всех сторон хрустит.
И в пыль снегов мешая дым колючий,
Широкие напевы шелестит.

И по стезям извилистого следа,
Впрягая пса в узорчатый ремень,
Пустынен бег кочевий самоеда,
Голодных стад безрадостная тень.

И к берегам лиловым океана,
Где черных волн блуждающий пустырь,
Молвою вод, пургою урагана
Несет свой вздох угрюмая Сибирь.

И холодней незыблемого снега,
Синее льда, и Лены холодней,
Полярных стран скучающая нега,
Сверкает ночь блистанием кремней.

НИКОЛАЙ НЕДОБРОВО

ДИДАКТИЧЕСКАЯ ЭЛЕГИЯ О ПРИСТОЙНОМ ОПИСАНИЮ ЛЕТНЕГО САДА СТИХЕ

Александрийский стих? Уж от него отвык
Мой в гибких новшествах изнеженный язык;
Но непременно мне его тягучесть надо,
Чтоб верно передать очарованье сада.
Он — регулярный сад; к нему — такой же стих.
Один и тот же дух спокойно веет в них:
Деревья из земли высокими рядами
Растут и тянутся печальными грядами,
И к югу каждое из них наклонено,
И на соседнее похоже, как одно.
Как саду этому идет ущерб осенний
И чуть начавшийся большой расцвет весенний,
И как разъединенных побитых статуй ряд
Уместен странно здесь... Как он ласкает взгляд!
Александрийский стих — он так же ущемленный
И так же правильно и ровно разделенный
Соседством парных рифм, цезурой посреди,
Прошедшей красотой ложится на груди.
И сад и стих близки, родны — они созданы
Времен, когда одно простое сочетанье

И строгость правильной и смиренной черты
Являлись истинным законом красоты.

14.IV.04–22.VIII.10

ЗАЯЦ

На лыжах пробираясь между елей,
Сегодня зайца я увидел близко.
Где снег волною хрупкой от метелей
Завился, заяц притаился низко.
Весь белый; только черными концами
Пряли его внимательные ушки.
Скользнув по мне гранатыми глазами,
Хоть я и вовсе замер у опушки,
Он подобрался весь, единым махом
Через сугроб — и словно кто платочек
Кидал, скакал, подбрасываем страхом.

Горячей жизни беленький комочек
На холоду! Живая тварь на воле!
Ты жаркою слезой мне в душу пала,
Такую нынче мерзлую, как поле,
Где вьюга от земли весь снег взвевала.

1916

* * *

С тобой в разлуке от твоих стихов
Я не могу душою оторваться.

Как мочь? В них пеньем не твоих ли слов
С тобой в разлуке можно упиваться.

Но лучше б мне и не слышать о них!
Твоей душою, словно птицей, бьется
В моей груди у сердца каждый стих,
И голос твой у горла, ластясь, вьется.

Беспечной откровенности со мной
И близости — какое наваждение!
Но бреда этого вбирая зной,
Перекипает в ревность наслаждение.
Как ты звучишь в ответ на все сердца.
Ты душами, раскрывши губы, дышишь,
Ты, в приближение каждого лица,
В своей крови свирелей пенье слышишь!

И скольких жизней голосом твоим
Искуплены ничтожество и мука...
Теперь ты знаешь, чем я так томим? —
Ты, для меня не певшая ни звука.

1916

Петербург

* * *

Ты помнишь камыш над гладью моря?
Там вечер розовый лег над нами...
Мы любовались, тихонько споря,
Как эти краски сказать словами.

У камней море подвижно, сине;
Вдаль розовой, и нет с небом границы,

И золотятся в одной равнине
И паруса, и туч вереницы.

Мы и любуясь, слов не ссыкали.
Теперь подавно. Но не равно ли? —
Когда вся нежность розовой дали
Теперь воскресла в блаженной боли.

<1916>

ДЕМЕРДЖИ

Не бойся, подойди, дай руку, стань у края.
Как сдавливает грудь от чувства высоты,
Как этих острых скал причудливы черты!
Их розоватые уступы облетая,

Вон глубоко внизу орлов кружится стая.
Какая мощь и дичь под дымкой красоты!
И тишина кругом, но в ветре слышишь ты
Обрывки смятые то скрипа арб, то лая?

А дальше, складками, долины и леса
Дрожат, подернуты струеньем зыбким зноя,
И море кажется исполненным покоя:

Синеет, ровное, блестит — что небеса...
Но глянь: по берегу белеет полоса;
То пена грозного, неслышного прибоя.

<1916>

ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

СОН

Стояло солнце над Курой,
Как будто недвижимо.
И облаков тяжелый слой,
Как будто дым камина,
Давал какой-то странный свет
В той местности безлесной,
Где встал над городом хребет
Со стороны небесной.
А мы все шли вперед, вперед,
Вперед не удержи́мо!
Как будто там нас счастье ждет,
Зовет неумолимо.
Я был с тобой, мы шли вдвоем.
О друг, мой друг давнишний!
Мы все идем, давно идем,
Здесь третий был бы лишним.
Молочный свет... И нет теней
Следов неуловимых.
Одни лишь отсветы лучей
На сумрачных вершинах.

Бросая вдаль за взглядом взгляд,
Забыв о возвращеньи,
Идем и грезим наугад,
Не оставляя тени...

1901, Тифлис

АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Ты священным огнем меня разом увлек! —
песнопения волны носились...
Хризолитовых струй всюду виделся ток,
золотистые змейки искрились.

Жидким золотом вдруг засверкал океан —
огневеющим кружевом линий.
Потянулся столбом голубой фимиам
И в эфир отвердел темно-синий...

*Апрель 1904
Москва*

НА МОТИВ ИЗ ПЛАТОНА

Душа себя найти желает,
Томится по себе самой,
Тоскливо по себе вздыхает
И плачет в горести немой.

Дрожащий в тусклых очертаньях
Пред ней витает мир идей,

И Эрос, — мощный чародей, —
Душой во сне или в мечтаньях

В какой-то миг овладевает.
Душа томится и рыдает.

И вот почудилось, что снова
Душа-близнец ей найдена.
Полет в Эфир свершать готова
на белых крыльях не одна.

Но сон проходит, и тоскливо
она взирает вокруг, стень,
И шепчет страстно-сиротливо:
«Найди меня, найди меня...»

<1905>

ДАВИД БУРЛЮК

ОП. 75

Каждый молод молод молод
В животе чертовский голод
Так идите же за мной...
За моей спиной
Я бросаю гордый клич
Этот краткий спич!
Будем кушать камни травы
Сладость горечь и отравы
Будем лопать пустоту
Глубину и высоту
Птиц, зверей, чудовищ, рыб,
Ветер, глины, соль и зыбь!
Каждый молод молод молод
В животе чертовский голод
Все что встретим на пути
Может в пищу нам идти.

1913

КАНАЛИЗАЦИЯ

Клоака парадная зданий
Фундаменты только мосты

О город подземных изданий
Обратности Космос ты.

Труба — богатырь ароматов
Единственных пауз гниений
Где пляшет заржавленный атом
Воняя геены геенней.

От смрада протухших созвездий
Пузыристо булькает ладан
Ступай, или прыгай, иль езд
Ты будешь ноздрею обрадован.

Не ландыш — чахотка пахучести,
Не вешне наивность фиалки,
Здесь кротко громовому учатся
Отчетливо запаху свалки.

Симфонии месс ораторий
Клоаки Гиганта в тебе
Дневном на цементном затворе
Архангела судной трубе.

И город, полдневно ликуя,
Блистая на спицах карет,
Отклонит наивно рукою
Душка надоедливый бред.

Когда ж опускаются шторы,
Мясная на каждый бульвар,
Клоаки откроются поры
Ее ароматов базар.

Каждом подвале, гостиной
Внимательным носом взгляни
Клоаки Гиганты — интимной
Присутствие бесспорно родни.

Тончайшую щель тротуара,
Колодезь, трубу, или дверь
Протянутся вздохи муара
Клоакины шлейфы мегер...

* * *

Звуки на а широки и просторны,
Звуки на и высоки и проворны,
Звуки на у как пустая труба,
Звуки на о как округлость горба,
Звуки на е как приплюснутость мель,
Гласных семейство смеясь просмотрел.

1915

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗОРГЕНФРЕЙ

* * *

Прошлой ночью знобка пела выюга,
Снег сковал густую зелень елей.
Попутру пришла моя подруга,
Принесла венок из иммортелей.

Вся в снегу железная решетка,
Вся в снегу встречает солнце утра,
На морозе ласково и четко
Расцветают краски перламутра.

Ты с креста стряхнула легкий иней
И венок к распятью прикрепила.
Зацвела над снежною пустыней
И вздохнула тихая могила.

Уходя, ты крест поцеловала...
Миг свиданья беден был и краток,
Но на влажном зеркале металла
Детских губ остался отпечаток.

<1904—1907>

* * *

Страшно. Ушли, позабыли,
Громко смеялись окрест.
Знак завершившейся были —
Черный, из дерева крест.

Умер. Мой гроб заколочен,
Крепко гвоздями забит.
Прах осквернен, опорочен,
Всеми забыт.

Мертвый я Богу покорен,
Медленно тлею в гробу.
Знаю, конец мой позорен —
Мне ль переспорить судьбу?

Мирно лежу под землею.
Жду. Завершился подсчет.
Поверху мутной рекою
Время течет.

<1904—1907>

* * *

Приходит, как прежде, неожиданно —
Будить от тяжелого сна,
И новая радость желанна,
И новая боль не больна.

Но платья темнее надеты,
И тени длинней от ресниц,

И в пристальном взоре — просветы
Лиловых закатных зарниц.

Коснется рукою жемчужной,
Фиалками глаз ворожит —
И маятник никнет, ненужный,
И время, жестокое, спит.

Молчания я не нарушу,
Тебе отдаю я во власть
Мою воспаленную душу,
Мою неизбытую страсть.

Дышать твоим ровным дыханьем,
И верить твоей тишине,
И знать, что последним прощаньем
Придешь ты проститься ко мне.

В тот час, когда ужас безликий
Расширит пустые зрачки,
Взовьешься из черной, из дикой,
Из дикой и черной тоски.

Возникнешь в дыму песнопений,
Зажжешься надгробной свечой
И станешь у смертных ступеней —
Стеречь мой последний покой.

ДЕКАБРЬ

Выйди в полночь. Площадь белая
Стелет саван у реки.

Гулко ночь обледенелая
Застучит в твои виски.

Месяц, облаком завешанный,
Глянет в дымное кольцо,
И, волнуясь, ветер взбешенный
Бросит снег тебе в лицо.

Встань, окованная холодом,
Там, где вскинут черный мост.
Стихнет ветер. Пыльным золотом
Загорятся пятна звезд.

Над перилами чугунными
Перегнись и посмотри:
Вдоль реки цепями лунными
Зыбко пляшут фонари.

Свищет снег по дальним линиям,
Стынет, шепчется вода,
И опутанные инеем
Глухо плачут провода.

Что ты ждешь? Свистками грубыми
Утро рвет волшебный бред.
Там, над каменными трубами,
Встал мигающий рассвет.

Переулками разрытыми
Ночь из города ползет,
И кровавыми гранитами
Расцветает небосвод.

Хмуро камни просыпаются.
Стынет сердце... Отдохни.
За рекою зажигаются
Безнадежные огни.

В зеркала свинцово-синие
Слепо смотрится заря —
Это встал в короне инея
Белый призрак Декабря.

* * *

Еще скрежещет старый мир,
И мать еще о сыне плачет,
И обносившийся жуир
Еще последний смокинг прячет.

А уж над сетью невских вод,
Где тишь — ни шелеста, ни стука —
Всесветным заревом встает
Всепомрачающая скука.

Кривит зевотою уста
Трибуна, мечущего громы,
В извивах зыбкого хвоста
Струится сплетнею знакомой,

Пестрит мазками за окном,
Где мир, и Врангель, и Антанта,
И стынет масляным пятном
На бледном лице спекулянта.

Сегодня то же, что вчера,
И Невский тот же, что Ямская,
И на коне, взамен Петра,
Сидит чудовище, зевая,

А если поступью ночной
Проходит путник торопливо,
В ограде Спаса на Сенной
Увидит он осьмое диво:
Там, к самой паперти оттерт
Волной космического духа,
Простонародный русский черт
Скулит, почесывая ухо.

Октябрь 1920

ВЛАДИМИР ЮНГЕР

ИЗ ЦИКЛА «НЕЖНАЯ ВЕСНА»

* * *

По набережной гулко-пестрой
Гуляет ветер весенне-острый,
Обтаял и обсох гранит
И на ветру слегка пылит.

И вижу — женщина в заплатах,
В дырявом ватном армяке,
Склонилась с плит шероховатых
К лениво тающей реке...

Дивится солнечному чуду:
В разбухшем льду шуршит весна,
Раскрылись полыньи повсюду,
И глубь реки озарена.

1911—1913

ВЕЧЕРОМ

Моей жене

Ты не знаешь, как приятно слушать
Твой милый голос,

Когда ты читаешь
Под пестрой лампой, за чаем,
Японские рассказы.

Я тихонько мешаю сахар
И слежу, как чайники,
Кружась и танцуя,
Собираются постепенно
Все в одну горку...
— И не понимаю ни слова.

Только слышу
Твой милый голос
Под пестрой лампой
Где-то далеко-далеко...
И улыбаюсь.

Петербург. Декабрь

* * *

И снова дни торжественны и глухи...
И к трем часам совсем уже темно.
Зима в наряде чопорной старухи
Вся в белых кружевах глядит в окно.

В столовой сумрачные, пышные гардины;
И трепетно-ласкающим пятном
На темном бархате сияют мандарины
И куст тюльпанов алых под окном.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

ВЕДЬМА-ПТИЦА

По Волхову струги бегут,
Расписаны, червлёные...
Валы плеснут, щиты блеснут,
Звенят мечи калёные.
Варяжий князь идет на рать
На Новгород из-за моря...
И алая, на горе, знать,
Над Волховом горит заря.
Темны леса, в водах струясь.
Пустынны побережия...
И держит речь дружине князь:
«Сожгу леса медвежие.
Мой лук на Новгород согну,
И кровью город вспенится...»
...А темная по мху, по дну
Бежит за стругом ведьмица.
Над лесом туча — черный змей —
Зарею вдоль распорота.
Река кружит, и вот над ней
Семь башен Нова-Города.
И турий рог хватает князь
Железной рукавицею...

Но дрогнул струг, вода взвилась
Под ведьмой, девой-птицею.
Взлетела ведьмица на щегл,
И пестрая и ясная:
«Жених мой, здравствуй, князь и сокол...
Тебя ль ждала напрасно я?
Люби меня!...» — в глаза вглядясь,
Поет она, как пьяная...
И мертвый пал варяжий князь
В струи реки багряные.
Январь-февраль 1909

ЛЕШАК

Все-то мавы танцевали
Кругом, около, у пня;
Заклинали, отогнали
Неуемного меня.
Всю-то ночку, одинокий,
Просидел я на бугре;
Затянулся поволокой
Бурый месяц на заре.
Встало солнце, и козлиный
Загудел в крови поток.
Я тропой пополз змеиной
На еще горячий ток.
Под сосной трава прибита,
Вянут желтые венки;
Опущу мои копыта
В золотые лепестки...

Берегись меня, прохожий!
Смеху тихому не верь.
Неуемный, непригожий,
Сын я Солнца — бог и зверь.

1911, 1913

ТРАВА

Перепелка припала в траве,
Зазвенела стрела в тетиве,
И впилась между крылышек медь,
А трава начинает шуметь.
Ты зачем зашумела, трава?
Напугала ль тебя тетива?
Перепелочья ль кровь горяча,
Что твоя закачалась парча?
Или ветром по полю умчалось без края
Неизносное горе мое?
Но не ты ли, трава, шелестя и кивая,
Роковое сокрыла копье?
И, как птица в тебе, золотая подруга
От татарина злого бегла.
Натянулась татарская, метко и туго,
И подругу догнала стрела,
И приникла змеєю, и в девичью спину,
Закровавив, до перьев ушла.
Так не с этой ли крови колышешь равнину
И по ветру волной полегла?

ЛЕЛЬ

Опенками полно лукошко,
А масленник некуда деть;
На камне червивом морошка
Раскинула тонкую сеть.
И мох, голубой и пахучий,
Окутал поваленный пенъ;
Летают по хвое горючей
Кружками и светлы, и тень,
Шумят, вековечные, важно
И пихты, и сосны, и ель...
А в небе лазоревом бражно,
Хмельной, поднимается Лель.
Вином одурманены, пчелы
В сырое дупло полегли.
И стрел его сладки уколы
В горячие груди земли.

МАВКА

Пусть покойник мирно спит;
Есть монаху тихий скит;
Птице нужен сок плода.
Древу — ветер да вода.
Я ж гляжу на дно ручья,
Я пою — и я ничья.
Что мне ветер! Я быстрее!
Рот мой ягоды алей!

День уйдет, а ночь глуха,
Жду я песни пастуха!
Ты, пастух, играй в трубу,
Ты найди свою судьбу,
В сизых травах у ручья,
Я лежу — и я ничья.

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

ЖИТЬ ЧУДЕСНО

Ор. 1

Жить чудесно! Подумай:
Утром рано с песнями
Тебя разбудят птицы —
О, не жалея недовиденного сна! —
И вытащат взглянуть
На розовое солнечное утро.
Радуйся! Оно для тебя!
Свежими глазами
Взгляни на луг, взгляни!
Огни! Блестят огни!
Как радужно! легко!
Туманом розовым
Вдохни. Еще вдохни,
Взгляни на кроткие слезинки
Детей — цветов.
Ты — эти слезы назови:
Росинки-радостинки!
И улыбнись им ясным
Утренним приветом.
Радуйся! они для тебя.
Жить чудесно! Подумай:

В жаркий полдень
Тебя позовут гостить
Лесные тени.
На добрые, протянутые
Чернолапы садись и обними
Шершавый ствол, как мать.
Пить захочешь —
Тут журчеек чурлит —
Ты только наклонись.
Радуйся! Он для тебя.
Жить чудесно! Подумай:
Вечерняя тихая ласка,
Как любимая сказка,
Усадит тебя на крутой бережок.
Посмотри, как дружок
За дружочком отразились
Грусточки в воде.
И кивают. Кому?
Может быть, бороде,
Что трясется в зеленой воде.
Тихо-грустно. Только шепчут
Нежные тайны свои
Шелесточки-листочки.
Жить чудесно! Подумай:
Теплая ночь развернет
Пред тобой синетемную глубь
И зажжет в этой глуби
Семицветные звезды.
Ты долго смотри на них.
Долго смотри.

Они поднимут к себе,
Как подружку звезду, —
Твою вольную душу.
Они принесут тебе
Желанный сон — о возлюбленной.
И спюют звездным хором:
Радуйся! Жизнь для тебя.

1909

* * *

Перед беременными львицами
Я грязь за когтем
Я пахну дегтем
Зевая локтем волосатым
С невинными девицами
Из кирпичей любви
Построил башню вавилонскую
Голубем египетским
На север прилетел
Палевый по ночам гурливый
Теперь с чумными псами
Скитаю одиночество
И сплю в дырах
С обрюзгшими усами
Смердящих скотобоев
Мычу спокоен
Перед убоем.

<1914>

ТАНГО С КОРОВАМИ

Х. Н. Славорос

Жизнь короче визга воробья.
Собака, что ли, плавает там
На льдине по весенней реке?
С оловянным веселием
Смотрим мы на судьбу.
Мы — Открыватели Стран —
Завоеватели Воздуха —
Короли апельсиновых рощ
И скотопромышленники.
Может быть, выпьем
Чарку вина
За здоровье Комет,
Истекающих бриллиантовой кровью.
Или лучше — заведем граммофон.
Ну вас — к черту —
Комолые и утюги!
Я хочу один — один плясать
Танго с коровами
И перекидывать мосты —
От слез
Бычачьей ревности
До слез
Пунцовой девушки.

1914

ИЗ СИМЕИЗА В АЛУПКУ

(М. В. Ильинской)

Из Симеиза с поляны Кипарисовой
Я люблю пешком гулять в Алупку
Чтоб на даче утренне ирисовой
На балконе встретить
Снежную голубку.

Я — Поэт. Но с нею незнаком я.
И она боится — странная — людей.
Ах она не знает
Что во мне таится
Стая трепетная лебедей.

И она не знает
Что рожден я
В горах уральских среди озер
И что я — нечаянно прославленный
Самый отчаянный фантазер.

Я только — Возле.
Я только — Мимо.
Я около Истины
И любви.
Мне все — чудесно
Что все — творимо
Что все — любимо
В любой крови.

<1916>

ЗВЕНИ

Эй расцветай — пока не скошена
С цветами алыми трава
Звени пока не огорошена
Отчаянная голова.
Ведь все равно какая просится
Девушка любить босой —
Расти травой пока не скосится
Роса стальной косой.

<1918>

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

ЗНОЙ

Не воздух, а золото,
Жидкое золото
Пролило в мир.
Скован без молота,
Жидкого золота,
Не движется мир.
Высокое озеро,
Синее озеро,
Молча лежит.

Зелено-косматое,
Спячкой измятое,
В воду глядит.
Белые волосы,
Длинные волосы
Небо прядет —
Небо без голоса,
Звонкого голоса.
Молча прядет.

1905

БЕРЕЗА

Я полюбил тебя в янтарный день,
Когда, лазурью светозарной
Рожденная, сочилась лень
Из каждой ветки благодарной.

Белело тело, белое, как хмель
Кипучих волн озерных.
Тянул, смеясь, веселый Лель
Лучи волосьев черных.

И сам Ярила пышно увенчал
Их сеть листвою заостренной,
И, улыбаясь, разметал
В лазури неба цвет зеленый.

14 июня 1906

ВЕСНА

Монастырская

Звоны-стоны, перезвоны,
Звоны-вздохи, звоны-сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стены выбелены бело:
Мать игуменья велела.
У ворот монастыря
Плачет дочка звонаря:

Ах, ты поле, моя воля,
Ах, доро́га доро́га!

Ах, мосток у чиста поля,
Свечка чиста четверга!
Ах, моя горела ярко,
Погасала у него.
Наклонился, дышит жарко,
Жарче сердца моего.

Я отстала, я осталась
У высокого моста.
Пламя свечек колебалось,
Целовались в уста.

Где ты, милый, лобызанный,
Где ты, ласковый такой!
Ах, пары весны, туманы,
Ах, мой девичий покой!

Звоны-стоны, перезвоны,
Звоны-вздохи, звоны-сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стены выбелены бело.
Мать игуменья велела
У ворот монастыря
Не болтаться зря.

<1907>

НИЩАЯ

Нищая Тульской губернии
Встретилась мне на пути.

Инея белые тернии
Тщились венки ей сплести.

День был морозный и ветреный,
Плакал ребенок навзрыд,
В этой метелице мертвенной
Старою свиткой укрыт.

Молвил я: «Бедная, бедная!
Что ж, прими мой пятак!»
Даль расступилась бесследная,
Канула нищая в мрак.

Гнется дорога горбатая.
В мире подветренном дрожь.
Что же ты, Тула убогая,
Зря самовары куешь?

Что же ты, Русь нерадивая,
Вьюгам бросаешь детей?
Ласка твоя прозорливая
Сгинула где без вестей?

Или сама ты заброшена
В тьму, маету, нищету?
Горе, незвано, непрошено,
Треплет твою красоту?

Ну-ка, вздохни по-старинному,
Злую помеху свали,
Чтобы опять по-былинному
Силы твои расцвели!

1910

* * *

Я днем люблю какую-то дикарку
С дрожащим и насытым ртом,
С зубами дикими и кровью жаркой,
С покатым и широким лбом.
И днем мне кажется, что с нею, пьяной,
Я об руку всю жизнь пройду
Дорогою, всегда от солнца рдяной,
В живом, как зарево, бреду.
Но вечером, когда на миг смолкает
В людском звериное, а тьма
Еще неслышимо вокруг летает,
Уходит ярость от меня сама.
Я нахожу в себе такие струны,
Какие в ангелах и детворе
Почти божественно и юно
Поют на утренней заре.
Тебя я вечером люблю. В сияньи
Твоих забывчивых и черных глаз,
Где вспыхивает вдруг страданье,
Где гневный загорается алмаз.
И выгнутых искусством поколений
Люблю тоску твоих бровей
И у ресниц замученные тени
Неведомых твоих страстей.

<1914>

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА

ПТИЦЕЛЕТ

В лазури — спешный птицелет,
В лесах — соборованье золотом.
Мой дух земной страшится — ждет
Под вскинутым осенним молотом.

Печалась, вянут тополя,
Но птицам облачность раздвинута!
Больная, нищая земля
Для гнезд лазоревых покинута...

Над головой шуршанье крыл —
Летят и ловкие, и валкие...
— А ты, мой разум, много ль сил —
В тебе, чтоб сторгнуть страхи жалкие?

Ужель тебя своей судьбой
Скитальцы воздуха не радуют?... —
Птенец жемчужно-голубой
К моим ногам внезапно падает.

Застыл агатовый глазок
В тоске мертвющей усталости,
А птичий рой далек, высок
Над ним пронесся, чуждый жалости.

Застыть и мне средь нив-пустынь?
Иль гласом осени приказано,
Дерзнуть — взлететь в Святую Синь,
С которой древле сердце связано?!

Увы! Мой дух страшится, ждет...
Как жажду, жажду детской веры я!
Над головой эфиромет
Вздымает крылья желто-серые.

<1908>

* * *

Здравствуй, ты погибель моя девья, неминучая!
Льнет ко мне громовник, огневой любовью мучая.
Элая, безответная в руках его лежу,
Маленькая, белая от жарких рук дрожу.

Понапрасну руки те слезами я окапала,
Понапрасну тонкими ногтями исцарапала,
Я ль не хоронилась, не тайлась, не блюлась?
Я ли, Лада красная, добром ему далась?

Выдали, нет, выдали глаза меня зеленые...
Засияли в логове, как месяцы влюбленные.
Засияли радостно — а ныне не глядят...
Видно, ослепил он их, златой склонивши взгляд.

Предали, ах, предали меня уста румяные...
Улыбнулись в зелени, как розаны духмяные.
Улыбнулись сладостно — теперь же веют вздох...
Видно, поцелуями настиг он их врасплох.

Изменили руки мне, объятия раскинувши,
Изменили волосы, покров свой разодвинувши,
Изменила сила вся, веселость, стыд и страх,
И кругом измена мне: в лесах, лугах, зверях.

Так и погибаю я средь грохота и золота,
Бородою ласковой плечо мое исколото,
В теле нежном девичьем разымчивая боль...
От палючей молоньи, от ярых ласк его ль?

Здравствуй, полюбовник мой, безжалостный и пламенный!
Все на белом свете сотворил ты новым для меня.
Преданная, мудрая в глаза твои гляжу,
Розовая, слабая от счастья дрожу.

<1912>

ВЕЧЕР

Закраек небес стал малиновым,
Закраек болотин — седым,
И гонится мостом калиновым
Скотина к дворам отпертым.

Проснулись в лесах за туманами
Глазастые совы, сычи.
Запахло цветами медвяными,
Засели кричать дергачи.

И жены торопятся с ведрами
Певучий нагнуть журавель,
Качая могучими бедрами
И грезя про сон и постель.

Мужья уж поют у околицы —
От кос их сверканье и лязг,
И бороды рыжие колются
При встрече в час дремы и ласк.

А бык по задворкам слоняется,
Коров вызывая на рык,
И солнце, бодая, склоняется —
Рудой и неистовый бык!

ВИКТОР ГОФМАН

ВДВОЕМ

Лежу. Забылся. Засыпаю.
Ты надо мною сидишь, любя.
Я не гляжу, но вижу, знаю —
Ты здесь, я чувствую тебя.

Я повернусь — и разговоры
Мы, улыбаясь, поведем,
И наши слившиеся взоры
Блеснут ласкающим огнем.

И ты, ко мне прижавшись нежно,
Моих волос густую прядь
И шаловливо, и небрежно,
И тихо будешь разбирать.

И сев ко мне, на ложе друга,
С лучистой нежностью очей,
Ты будешь петь мне песни юга,
Напевы родины своей.

И утомленно-полусонный,
Следить я буду без конца
Волнение груди округленной,
Томление смуглого лица.

1902

У МЕНЯ ДЛЯ ТЕБЯ

У меня для тебя столько ласковых слов и созвучий,
Их один только я для тебя мог придумать, любя.
Их певучей волной, то неожиданно-крутой, то ползучей,
Хочешь, я заласкаю тебя?

У меня для тебя столько есть прихотливых сравнений —
Но возможно ль твою уловить, хоть мгновенно, красу?
У меня есть причудливый мир серебристых видений —
Хочешь к ним я тебя унесу?
Видишь, сколько любви в этом нежном, взволнованном взоре?
Я там долго таил, как тебя я любил и люблю.
У меня для тебя поцелуев дрожащее море, —
Хочешь, в нем я тебя утоплю?

1902

ВДОЛЬ ДЛИННЫХ ЗДАНИЙ

Сегодня небо беспредельно,
И вся лучиста синева!
На сердце радостно и хмельно,
Шумит весенняя молва...

Вдоль длинных зданий, мимо храма
Протянут мой случайный путь, —
Пойти ли влево или прямо,
Или направо повернуть?..

Люблю бесцельные прогулки
С тревогой перелетных дум.

Люблю глухие переулки
И улиц неустанный шум.

Смеется солнце. Ясно. Ясно.
На камнях матовой стены
Мелькают бегло и согласно
Оттенки радостной весны.

Играют в золотистом беге
Лучи, дробимые стеной, —
И лица женщин полны неги,
Рожденной светлою весной.

Вон там — идет, у загородки,
Какие мелкие шаги!
Есть что-то страстное в походке
И в подымании ноги.

Слежу за ней мечтой тревожной.
Меж нами — тайное звено.
Восторгом близости возможной
Внезапно сердце смущено...

— Мой встречный, ты зачем так мрачен
Ты полн задумчивых тревог.
Каким восторгом я охвачен,
Когда б почувствовать ты мог!

О как я счастлив! как я молод!
А ты — унылый, как в плену. —
К моей груди цветок приколот.
Мы оба празднуем весну!..

Ты говоришь — цветы не вечны,
Они увянут, как и мы.
Иди. Иди, мой бедный встречный,
Сын ненавистой мне зимы!..

1903. Весна

ВДВОЕМ

Морозная ночь. На окне бриллианты.
Мерцает и блещет их снежная грань.
Душистые волосы, шпильки и банты
И тело сквозь тонкую ткань.

Какое безумье, какая истома
К губам исступленным припасть,
И с них, как с волшебных краев водоема,
Принять безысходную страсть!

Все глуше, протяжней и все погребальней
Метельный напев за окном.
А здесь, в этой душной, натопленной спальне,
Какое безумье вдвоем!

Там шумная вьюга, там песни метели,
Подобные пению труб.
А здесь на горячем, на трепетном теле —
Следы обезумевших губ!

Закрыты глаза, обессилено тело,
Сползли волосы на виски.
Но груди как прежде упруги и белы,
Как гранёный опал их соски.

Не надо теперь никаких достижений,
Ни истин, ни целей, ни битв.
Вся жизнь в этом ритме безумных движений —
Ему исступленье молитв!

Пусть мир сострясает снега и метели
И громы архангельских труб.
Все в этом горячем, порывистом теле
Открыто безумию губ.

1908

В ЦЕРКВИ

Во храме златом мерцающая мгла.
Откуда-то доносятся, гудят колокола.
То частые и звонкие, то точно властный зов,
Удары полновесные больших колоколов.

Торжественны мерцания. Безмолвен старый храм.
Зловеще тени длинные собрались по углам.
Над головами темными молящихся фигур
Покров неверных отсветов и сумрачен и хмур.

И что-то безнадежное нависло тяжело,
Тревожно затуманивши высокое стекло.
И потому так мертвенен убор парчовых риз,
И потому все люди тут угрюмо смотрят вниз.

Есть что-то безнадежное в безжизненных святых,
В их нимбах желто-дымчатых, когда-то золотых.
И в лицах умоляющих пригнувшихся людей,
И в шляпках этих впившихся безжалостных гвоздей.

И ты, моя желанная, стоишь здесь в уголке.
И тоненькая свечечка дрожит в твоей руке.
Вся выпрямившись девственно, беспомощно тонка,
Сама ты — точно свечечка с мерцаньем огонька.

О, милая, о, чистая, скажи, зачем ты тут,
Где слышен бледным грешникам зловежий ход минут.
Где все кладут испуганно на грудь свою кресты,
Почуя близость вечности и ужас пустоты.

Где свет едва мерцающий чуть дышит наверху.
Где плачут обреченные давящему греху.
Где прямо и доверчиво стоишь лишь ты одна,
Но тоже побледневшая и вдумчиво-грустна.

Скажи, о чем ты молишься? О чем тебе грустить?
Иль, может, ты почуяла таинственную нить,
Что душу обхватила мне обхватом цепких трав,
С твоею непорочностью мучительно связав.

О, милая, прости меня за мой невольный грех,
За то, что стал задумчивым твой непорочный смех,
Что, вся смущаясь, внемлешь ты неведомой тоске,
Что тоненькая свечечка дрожит в твоей руке,

Что ближе стали грешники, собравшиеся тут,
Ловящие испуганно зловежий ход минут,
Кладущие безропотно на грудь свою кресты,
Почуя близость вечности и ужас пустоты.

<1917>

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

* * *

Любви начало было летом,
Конец — осенним сентябрем.
Ты подошла ко мне с приветом
В наряде девичьи простом.

Вручила красное яичко
Как символ крови и любви:
Не торопись на север, птичка,
Весну на юге обожди!

Синеют дымно перелески,
Настороженны и немые,
За узорочьем занавески
Не видно тающей зимы.

Но сердце чувствует: есть туманы,
Движенья смутные лесов,
Неотвратимые обманы
Лилово-сизых вечеров.

О, не лети в туманы пташкой!
Года уйдут в седую мглу —
Ты будешь нищею монашкой
Стоять на паперти в углу.

И, может быть, пройду я мимо,
Такой же нищий и худой...
О, дай мне крылья херувима
Лететь незримо за тобой!

Не обойти тебя приветом
И не раскаяться потом.
Любви начало было летом,
Конец — осенним сентябрем.

1908

* * *

Я обещаю вам сады...

К. Бальмонт

Вы обещали нам сады
В краю улычиво-далеком,
Где снедь — волшебные плоды,
Живым питающие соком.

Вещали вы: «Далеких зла,
Мы вас от горестей укроем,
И прокаженные тела
В ручьях целительных омоем».

На зов пошли Чума, Увечье,
Убийство, Голод и Разврат,
С лица — вампиры, по наречью —
В глухом ущелье водопад.

За ними следом Страх тлетворный
С дырявой Бедностью пошли, —

И облетел ваш сад узорный,
Ручьи отравой потекли.

За пришлецами напоследок
Идем неведомые Мы, —
Наш аромат смолист и едок,
Мы освежительней зимы,

Вскормили нас ущелий недра,
Вспоил дождями небосклон,
Мы — валуны, седые кедровые,
Лесных ключей и сосен звон.

1910

* * *

В златотканые дни сентября
Мнится папертью бора опушка.
Сосны молятся, ладан куря,
Над твоей опустелой избушкой.

Ветер-сторож следы старины
Замечает листвою шелестящей.
Распахни узорочье сосны,
Промелькни за березовой чашей!

Я узнаю косынки кайму,
Голосок с легковейной походкой...
Сосны шепчут про мрак и тюрьму,
Про мерцание звезд за решеткой.

Про бубенчик в жестоком пути,
Про седые бурятские дали...

Мир вам, сосны, вы думы мои,
Как родимая мать, разгадали!

В поминальные дни сентября
Вы сыновнюю тайну узнайте
И о той, что погибла любя,
Небесам и земле передайте.

1911

* * *

В морозной мгле, как око сычье,
Луна-дозорщица глядит;
Какое светлое величье
В природе мертвенной сквозит.

Как будто в поле, мглой объятom,
Для правых подвигов и сил,
Под сребротканым, снежным платом
Прекрасный витязь опочил.

О, кто ты, родина? Старуха?
Иль властоокая жена?
Для песнотворческого духа
Ты полнозвучна и ясна.

Твои черты январь-волшебник
Туманит вьюгой снеговой,
И схимник-бор читает требник,
Как над умершею тобой.

Но ты вовек неуязвима
Для смерти яростных зубов,

Как мать, как женщина, любима
Семьей отверженных сынов.

На их любовь в плену угрюмом,
На воли пламенный недуг
Ты отвечаешь бора шумом,
Мерцаньем звезд да свистом вьюг.

О, изреки: какие боли,
Ярмо какое изнести,
Чтоб в тайники твоих раздолий
Открылись торные пути?

Чтоб, неизбывная доселе,
Родная сгинула тоска
И легкозвоннее метели
Слетала песня с языка?

1911

* * *

Радость видеть первый стог,
Первый сноп с родной полосы,
Есть отжиночный пирог
На меже, в тени березки,

Знать, что небо ввечеру
Над избой затеплит свечки,
Лики ангелов в бору
Отразят лесные речки.

Счастье первое дитя
Усыплять в скрипучей зыбке,

Темной памятью летя
В край, где песни и улыбки.

Уповать, что мир потерь
Канет в сумерки безвестья,
Что, как путник, стукнет в дверь
Ангел с ветвью благовестья.

1913

* * *

Теплятся звезды-лучники,
В воздухе марь и теплынь, —
Веселы будут отжинки,
В скирдах духмяна польнь.

Спят за омежками риги,
Роща — пристанище мглы,
Будут пахучи ковриги,
Зимние избы теплы.

Минет пора обмолота,
Пуща развихрит листы, —
Будет добычна охота,
Лоски на слищах холсты.

Месяц засветит лучинкой,
Скрипнет под лаптем снежок...
Колобы будут с начинкой,
Парень матёр и высок.

1913

* * *

Я люблю цыганские кочевья,
Свист костра и ржанье жеребят,
Под луной как призраки деревья
И ночной железный листопад.

Я люблю кладбищенской сторожки
Нежилой, пугающий уют,
Дальний звон и с крестиками ложки,
В чьей резьбе заклатья живут.

Зорькой тишь, гармонику в потемки,
Дым овина, в росах коноплю...
Подивятся дальние потомки
Моему безбрежному «люблю».

Что до них? Улыбчивые очи
Ловят сказки теми и лучей...
Я люблю остожья, грай сорочий,
Близь и дали, рощу и ручей.

1914

* * *

Обозвал тишину глухоманью,
Надругался над белым «молчи»,
У креста простодушною данью
Не поставил сладимой свечи.

В хвойный ладан дохнул папиросой
И плевком незабудку обжег.

Зарябило слезинками плесо,
Сединою заиндевел мох.

Светлый отрок — лесное молчанье,
Помолясь на заплаканный крест,
Закатилось в глухое скитанье
До святых, незапятнанных мест.

Заломила черемуха руки,
К норке путает след горностай...
Сын железа и каменной скуки
Попирает берестяный рай.

1915

* * *

Не в смерть, а в жизнь введи меня,
Тропа дремучая лесная!
Привет вам, братья-зеленя,
Потемки дупел, синь живая!

Я не с железом к вам иду,
Дружась лишь с посохом да рясой,
Но чтоб припасть в слезах, в бреду
К ногам березы седовласой,

Чтоб помолиться лику ив,
Послушать пташек-клирошанок
И, брашен солнечных вкусив,
Набрать младенческих волвянок.

На мху, как в зыбке, задремать
Под «баю-бай» осиплой ели...

О, пуща-матерь, тучки прядь,
Туман, пушистее кудели,

Как сладко брагою лучей
На вашей вечери упиться,
Прозрев, что веткою в ручей
Душа родимая глядится!

1915

РОЖЕСТВО ИЗБЫ

От кудрявых стружек тянет смолью,
Духовит, как улей, белый сруб.
Крепкогрудый плотник тешет колья,
На слова медлителен и скуп.

Тёпел паз, захватисты кокоры,
Крутолоб тесовый шоломок.
Будут рябью писаны подзоры
И лудянкой выпестрен конек.

По стене, как зернь, пройдут зарубки:
Сукрест, лапки, крапица, рядки,
Чтоб избе-молодке в красной шубке
Явь и сонь мерещились — легки.

Крепкогруд строитель-тайновидец,
Перед ним щепя как письмена:
Запоеет резная пава с крылец.
Брызнет ярь с наличника окна.

И когда оческами кудели
Над избой взлохматится дымок —
Сказ пойдет о красном древоде
По лесам, на запад и восток.

1915

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

ЭЛЕГИЯ

Тебе, о нежная, не до моей цевницы.
Лишь одному теперь из-под густой ресницы
Сияет ласково твой темный, тихий взор,
Когда над нивами сверкает хлебозор,
И ночь исполнена тоской и вожделеньем.
Вчера, едва заря померкла над селеньем,
И месяц забелел из голубых глубин,
У ветхого плетня, в тени густых рябин,
Я вас подслушивал, ревнивый и печальный.
Мерцали молнии, и отзвук песни дальней
Томился, замирал. А я, боясьдохнуть,
Смотрел, как томно ты взволнованную грудь
Его лобзаниям и ласкам предавала,
Безмолвно таяла, томилась и пылала...
Как нежно пальцами его лицо брала,
Смотря ему в глаза. Какою ты была
Зараз и царственной, и страстной, и стыдливой.
Шептали юноши завистливо: «счастливый!»
И долго голос твой во мраке слышал я:
«Вот губы, плечи, грудь... целуй, твоя, твоя!»

1906/1909

* * *

Весенний ливень, ливень ранний
Над парком шумно пролился,
И воздух стал благоуханней,
И освеженной древесю.

Какая нега в ветке каждой!
Как всё до малого стебля,
О, как одной любовной жаждой
Трепещут люди и земля.

Как дев, горящих, но несмелых,
Сжимают юноши сильней
На влажном мху, между дебелих
Дождем намоченных корней.

Готов я верить в самом деле,
Вдыхая влагу и апрель,
Что первый раз меж трав и елей
Я вывелся, как этот шмель.

В лугах со скудною травюю
Брожу, болтаю сам с собой,
Топчу желтеющую хвою,
Целую воздух голубой.

Но тень длинней, в саду свежее,
Сквозь ели розовеет луч,
И, потупляясь и краснея,
Ты мне дверной вручаешь ключ.

1909

ГОРОД СОВРЕМЕННЫЙ

Над руинами храмов, над пеплом дворцов, академий,
Как летучая мышь, отенившая крыльями мир,
Ты растешь, торжествуя, глумясь над преданьями всеми,
Город-вампир!

Полный сладких плодов, цветодевственный рог изобилья
Скрыла Гей-Земля. Небо пусто давно, а под ним —
Только визги машин, грохотание автомобиля.
Только сумрак и дым.

Опаляя деревья и вызов бросая лазури,
Просит крови и жертв огнедышащий зверь — паровоз.
Целый мир обезумел, и рухнуть великой культуре
В довременный хаос.

Пролагая дорогу грядущему князю Хаоса,
Неустанны властители знаний, искусств и труда.
Содрогаются стержни, стремительно кружат колеса,
Все летит. Но куда?

Что за странных сияний, доселе неслыханных звуков,
Диких образов полон себе предоставленный мир?
Где же песни, молитвы? Ты создан из визгов и стуков,
Город-вампир!

Горе, горе живым! Горе юности, силе, здоровью!
Раскаленная челюсть, дыхание огненных губ
Прикоснулось к народу: трепещущей плотью и кровью
Упивается труп.
Небеса безответны, и людям состраждет природа.
И детей, как бывало, земные сосцы не поят.

Кто-то хитрый и тайный пускает по жилам народа
Разлагающий яд.

Город, город проклятый! во скольких, во скольких вагонах
Ежедневно везут безответно покорных судьбе
И быков, и свиней, и младенцев, и дев, обреченных
На закланье тебе.

Сколько жизней прекрасных стихия твоя растоптала.
Сколько лиц отцвело, сколько сильных угасло умов,
Затерявшись средь банков, контор — алтарей капитала —
И публичных домов.

Расцветет ли любовь, где под грохот железных орудий
Изнуренные девушки в темный влачатся вертеп
Отдавать упыриным лобзаньям бесплодные груди
За каморку и хлеб!

Где и ночи, и дни, побледневший и весь исхудалый,
Надрывается мальчик средь вечно гудящих машин
И, родных вспоминая, на зорьке, холодной и алой,
Тихо плачет один.

Город, город проклятый! где место для каждого дома
Чистой кровью народа и потом его залито!
Вавилон наших дней, преступленья Гоморры, Содома
Пред твоими — ничто.

Торжествуй, торжествуй надо всем, что великого было
И справляй свой кощунственный братоубийственный пир!
Час грядет: ты услышишь дыхание Иммануила,
Город-вампир!

<1910>

ПОСЕЩЕНИЕ ДИОНИСА

Тайный гость в венке из винограда
В полночь постучался у окна:
Отвори мне, юная менада,
В дом впусти ночного пришлеца.

Я устал, оборваны сандалии,
Вся в пыли на посохе лоза,
И полны желанья и печали
Отрока бессонные глаза.
С сердцем, полным ужаса и дрожи,
Грудь и губы устремив ко мне,
Ты не спишь на знойном, смятом ложе,
Свесив ногу в кованом ремне.

Как и я, ты зажжена любовью,
Очи вожделением горят,
И пылает жертвенною кровью
Алых уст и персей виноград.

Встань, возьми потир из кипариса,
Тайный пир для гостя приготовь,
И насыть лобзаньем Диониса
Темную, взволнованную кровь.

Нежная, в венке из роз и хмеля,
Свой хитон на части разорви,
Пей мой взор, исполненный веселья,
Светлого безумья и любви.

В дверь стучу. Тебя, тебя мне надо.
Я устал от долгого пути.

Отвори мне, юная менада,
И порог лобзаньем освяти.

<1913>

* * *

Мороз, как хищник разъяренный,
Спалил луга и листья сжег,
И гулок хруст новорожденный
Морозом скованных дорог.

И яркие дни, и ночи звездны...
Лишь розовый закат потух,
Зажглись пылающие бездны,
А лес опалый пуст и глух.

Когда придет палач природы,
Биенье жизни заглуша,
Всю широту своей свободы
Не в силах осознать душа!

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

* * *

И я свирел в свою свирель,
И мир хотел в свою хотел.
Мне послушные свивались звезды в плавный кружеток.
Я свирел в свою свирель, выполняя мира рок.

Начало 1908

* * *

Там, где жили свиристели,
Где качались тихо ели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.
Где шумели тихо ели,
Где поюны крик пропели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.
В беспорядке диком теней,
Где как морок старых дней,
Закружились, зазвенели
Стая легких времирей.
Стая легких времирей!
Ты поюнна и вабна,

Душу ты пьянишь как струны,
В сердцеходишь как волна!
Ну же, звонкие поюны,
Славу легких времирей!

Начало 1908

* * *

Вечер. Тени.
Сени. Лени.
Мы сидели, вечер пъя.
В каждом глазе — бег оленя,
В каждом взоре — лёт копыя.
И когда на закате кипела вселенская ярь,
Из лавчонки вылетел мальчонка,
Провожаемый возгласом: «Жарь!»
И скорее справа, чем правый,
Я был более слово, чем слева.

<1908>

ЗАКЛЯТИЕ СМЕХОМ

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи,
Что смеются смехами, что смеянствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешиц надсмеяльных — смех усмейных смехачей!
О, иссмеяся рассмеяльно, смех надсмеяных смеячей!
Смийево, смийево,

Усмей, осмей, смешики, смешики,
Смеюнчики, смеюнчики,
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

<1908—1909>

* * *

О, достоевскиймо бегущей тучи!
О, пушкиноты млеющего полдня!
Ночь смотрится, как Тютчев,
Безмерное замирным полня.

<1908—1909>

* * *

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй — пелся облик,
Гзи-гзи — гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

<1908—1909>

КУЗНЕЧИК

Крыльшкуча золотиписьмом
Тончайших жил,

Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
«Пинь, пинь, пинь!» — тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!
<1908—1909>

ЧИСЛА

Я всматриваюсь в вас, о, числа,
И вы мне видите одетыми в звери, в их шкурах,
Рукой опирающимися на вырванные дубы.
Вы даруете единство между змееобразным движением
Хребта вселенной и пляской коромысла,
Вы позволяете понимать века, как быстрого хохота зубы.
Мои сейчас вещеобразно разверзлись зеницы
Узнать, что будет Я, когда делимое его — единица.
<1912>

* * *

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы.
<1915>

* * *

Русь, ты вся поцелуй на морозе!
Синеют ночные дорожи
Синею молнией слиты уста,
Синеют вместе тот и та.
Ночами молния взлетает
Порой из ласки пары уст.
И шубы вдруг проворно
Обегает, синея, молния без чувств.
А ночь блестит умно и чёрно.

<Осень 1921>

ЮЛИАН АНИСИМОВ

* * *

Я люблю тебя и плачу,
И скажи мне, отчего
Как дождем, слезой означу
Дали сердца твоего?

Я люблю тебя. Покоен
Вечер бледно-золотой,
Словно юный, статный воин,
Прорастающий травой.

Но пророс ли по дороге
Пышным хлебом и овсом,
Или стерся я в остроге
Неоконченным путем,

Я люблю тебя и плачу,
И не знаю, отчего,
Я не знаю, я не значу
Сам для сердца своего.

<1913>

АРХАНГЕЛЬСКИЙ СОБОР

Опалых листьев путь смиренен,
Восходит в сад кремлевский даль.
За башней нежен, неизменен
Изгиб реки. Заря. Печаль.

И там, далеко, величавый,
Кремлю представший братски бор,
И здесь, унесший в небо главы,
Старинный, ласковый собор,

Где архитектор Алевизи,
С Флоренцией сроднив Москву,
Сберег на старой, блеклой ризе
Всё ту же блеклую листву.

И вот листы в покорном злате
Века цветут, века летят
В неугасаемом закате
Зари, сладчайшая лампад.

И вот земля с полей озимых,
Простая, влажная земля,
В гробницах царских, чуть златимых,
Иные ведаёт поля:

Свою сестру, иную землю,
Где одуванчик в облаках,
Где, грешный, радостно приемлю
Всё ту же быть, всё тот же прах.

И та же боль мне шепчет: «Вылей
Свои обиды до конца; —
От палых листьев, блеклых былей,
Благоволение Отца».
<1913>

ИЗ ЦИКЛА «ВЕТЕР»

* * *

Прикасаюсь к руке — и вижу:
За тобой два высоких круга,
Две легких, синеватых белизны.

Так порою цветок нанижет
Окраску медлительного юга
На прохладу северной весны.

Ты же вся в прозрачном содрогании,
Вдоль колен уронив руку,
Быстро рассекаешь

И земли глухое молчание,
И незримую мне поруку
Нерасцветшего мая.

И два круга, два легких семени,
Прорастают твою руку,
Прорастают любовь,

И в стройном походе времени,
В прикосновеньи, подобно звуку,
Протекает над миром кровь.

<1915>

ТИХОН ЧУРИЛИН

КОНЕЦ КЛЕРКА

Перо мое, пиши, пиши.
Скрипи, скрипи в глухой тиши.
Ты, ветер осени, суши
Соль слез моих — дыши, дыши.

Перо мое, скрипи, скрипи.
Ты, сердце, силы все скрепи.
Скрепись, скрепись. Скрипи, скрипи.
Перо мое — мне вещь купи.

Веселый час и мой придет —
Уйдет наверх, кромешный крот,
И золотой, о злой я мот,
Отдам — и продавец возьмет.

Возьму и я ту вещь, возьму,
Прижму я к сердцу своему.
Тихонько, тихо спуск сожму
И обрету покой и тьму.

1913

СМЕРТЬ ЧАСОВОГО

У гауптвахты,
Гау, гау, гау — уввв... — ах ты... —
Собака воет глухо, как из шахты.
— Враг ты!
Часовой молодой слушает вой.
Молодой —
Скоро ему домой.
К жене.
А по стене... а по стене... а по стене...
Ползет, ползет, как тень ползет во сне,
— Враг.
Б — бабах
— Выстрел — веселый вылетел пламень.
Ба —
Ответ,
Глухой.
Ой —
Светы...
Гаснет, гаснет светлый мой пламень.
Сердце твердо, как камень.
Пламень мой... пламень...
Потух, темно.
Снег скрипит... коня провели — к мертвым
Ноо! но...

1914

КОНЕЦ КИКАПУ

Побрили Кикапу — в последний раз.
Помыли Кикапу — в последний раз.
С кровавою водою таз
И волосы, его.
Куда-с?
Ведь Вы сестра?
Побудьте с ним хоть до утра.
А где же Ра?
Побудьте с ним хоть до утра
Вы, обе,
Но он не в гробе.
Но их уж нет и стерли след прохожие у двери.
Да, да, да, да, — их нет, поэт, — Елены, Ра и Мери.
Скривился Кикапу — в последний раз.
Смеется Кикапу — в последний раз.
Возьмите же кровавый таз
— Ведь настужь обе двери.

1914

СЛЁЗНАЯ ЖАЛОБА

Он пришел до нас червонный наш последний час.
Беспокоят очень нас
Немцы!
Пятеро убитых
Сытых!
Ночью встанут станут в ряд.

Рыскать станут суший ад!
Рыщут, песенки свистят!
Бранью бранною костят
Всех!
Вас, нас!
Всю-то ночь в саду гостят,
Испоганили наш сад,
Садик.
Не поможет ваш солдатик,
Ваш веселый часовой.
Ой!
Ваша милость повели
Немцев вырыть из земли.
А покамест пусть солдатик
Нас дозором веселит.

1914

НЕТОРЖЕСТВЕННЫЙ ГИМН

Младенец март возрос — ручей ломает лед,
Апрельский алый день темнеет нежно в небе.
Благослови, Господь, венец весны — Твой год,
Идет и наступил, конец моей амебе.

И вот мечта моя: красивый яркий Крым,
Лазурное пальто, веселье, смех и девы.
Младенец март возрос — иду, люблюсь им,
Забыл на миг свой град, безумие, издевы.

И только ты не там. Мой март, мой март взлетел,
Взлетел весною ввысь — и облачно на небе.
Благослови, Господь, веселье юных тел,
И жизнь, и март, и мысль о золотистом хлебе.

1915

СОФИЯ ПАРНОК

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Не небо — купол безвоздушный
Над голой белизной домов,
Как будто кто-то равнодушный
С вещей и лиц совлек покров.

И тьма — как будто тень от света,
И свет — как будто отблеск тьмы.
Да был ли день? И ночь ли это?
Не сон ли чей-то смутный мы?

Гляжу на все прозревшим взором
И как покой мой странно тих,
Гляжу на рот твой, на котором
Печать лобзаний не моих.

Пусть лживо нежен, лживо ровен
Твой взгляд из-под усталых век —
Ах, разве может быть виновен
Под этим небом человек!

<1915>

В КОНЦЕРТЕ

Он пальцы свел, как бы сгребая
все звуки, — и оркестр затих.
Взмахнул, и полночь голубая
спустилась вновь на нас двоих.

И снова близость чудной бури
в взволнованном кипении струн,
и снова молнии в лазури,
и рыщет по сердцу бурун.

Он в сонные ворвался бездны
и тьму родимую исторг.
О, этот дивный, бесполезный,
опустошительный восторг!..
К твоим рукам чужим и милым
в смятении льнет моя рука,
плывет певучая по жилам
тысячелетняя тоска.

Я вновь создам и вновь разрушу,
и ты — один, и я — одна...
Смычки высасывают душу
до самого глухого дна.

1916

* * *

Смотрят снова глазами незрячими
Матерь Божья и Спаситель-Младенец.

Пахнет ладаном, маслом и воском.
Церковь тихими полнится плачами.
Тают свечи у юных смиренных
В кулачке окоченелом и жестком.

Ах, от смерти моей уведи меня,
Ты, чьи руки загорелы и свежи,
Ты, что мимо прошла, раззадоря!
Не в твоём ли отчаянном имени
Ветер всех буревых побережий,
О, Марина, соименница моря!

<1916>

* * *

Паук заткал мой темный складень,
И всех молитв мертвы слова,
И обезумевшая за день
В подушку никнет голова.

Вот так она придет за мной, —
Не музыкой, не ароматом,
Не демоном темнокрылатым,
Не вдохновенной тишиной, —

А просто пес завоюет, или
Взвывается взвизг автомобиля
И крыса прошмыгнет в нору.
Вот так! Не добрая, не злая,
Под эту музыку жила я,
Под эту музыку умру.

* * *

Туго сложен рот твой маленький,
Взгляд прозрачен твой и тих, —
Знаю, у девичьей спаленки
Не бродил еще жених.

Век за веком тропкой стоптанной
Шли любовников стада,
Век за веком перешептано
Было сладостное «да».

Будет час и твой, — над участью
Станет вдруг чудить любовь,
И предчувствие тягучестью
Сладкою вольется в кровь.

Вот он — милый! Ты указана
— Он твердит — ему судьбой.
Ах, слова любви засказаны,
Как заигран вальс пустой!
Но тебе пустоговоркою
Милого не мнится речь:
Сердцем ты — дитя незоркое,
Лжи тебе не подстеречь.

Ты не спросишь в ночи буйная,
Первой страстью прожжена,
Чьи касанья поцелуйныя
Зацеловывать должна?..

Туго сложен рот твой маленький,
Взгляд прозрачен твой и тих, —

Знаю, у девичьей спальни
Не бродил еще жених.

<1916>

* * *

Как в истерике, рука по гитаре
Заметалась, забилась, — и вот
О прославленном, дедовском Яре
Снова голос роковой поет.

Выкрик пламенный, — и хору кивнула,
И поющий взревел полукруг,
И опять эта муза разгула
Сонно смотрит на своих подруг.

В черном черная, и белы лишь зубы,
Да в руке чуть дрожащий платок,
Да за поясом воткнутый, грубый,
Слишком пышный, неживой цветок.

Те отвыкнуть от кочевий успели
В ресторанном тепле и светле.
Тех крестили в крестильной купели,
Эту — в адском смоляном котле!

За нее лишь в этом бешеном сбросе,
Задивившись на хищный оскал,
Забывая о близком походе,
Поднимает офицер бокал.

<1916>

* * *

Люблю тебя в твоём просторе я
И в каждой вязкой колее.
Пусть у Европы есть история, —
Но у России: житие.

В то время, как в духовном зодчестве
Пытает Запад блеск ума,
Она в великом одиночестве
Идет к Христу в себе сама.

Порфиру сменит ли на рубище,
Державы крест на крест простой, —
Над странницею многолюбящей
Провижу венчик золотой.

<1916>

ГАДАНИЕ

Я — червонная дама. Другие, все три,
Против меня заключают тайный союз.
Над девяткой, любовною картой, — смотри:
Книзу лежит острием пиковый туз,
Занесенный над сердцем колющий кинжал.
Видишь: в руках королей чуждых жезлы,
Лишь червонный один меч в руке свой сжал,
Злобно глядит, — у других взгляды не злы...
Будет любовь поединком двух воль.
Кто же он, кто же он, грозный король?

Ни друзей, ни веселий, ни встреч, ни дорог!
Словно оборвана нить прежней судьбы,
И не свадебный хор стережет мой порог, —
Брачной постелью в ту ночь будут гробы.
От всего, что любимо, меня отделя,
Черные, видишь, легли карты кругом.
Мысли, черные мысли, гонцы короля:
Близок приход роковой в светлый мой дом...
Будет любовь поединком двух воль.
Кто же он, кто же он, грозный король?

<1916>

* * *

На синем — темно-розовый закат
И женщина, каких поют поэты.
Вечерний ветер раздувает плат:
По синему багряные букеты.

И плавность плеч и острия локтей
Явила ткань узорная, отхлынув.
Прозрачные миндалины ногтей
Торжественней жемчужин и рубинов.

У юных мучениц такие лбы
И волосы — короны неподвижней.
Под взлетом верхней, девичьей губы
Уже намеченная нега нижней.

Какой художник вывел эту бровь
И на виске лазурью тронул вену,

Где Рюриковичей варяжья кровь
Смешалась с кровью славною Комнена.

<1916>

* * *

Не придут, и не все ли равно мне, —
вспомнят в радости или во зле;
под землей я не буду бездомней,
чем была я на этой земле.

Ветер, плакальщик мой ненаемный,
надо мной вскрутит снежную муть...
О, печальный, далекий мой, темный,
мне одной предназначенный путь!

1917

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

* * *

Когда из темной бездны жизни
Мой гордый дух летел, прозрев,
Звучал на похоронной тризне
Печально-сладостный напев.

И в звуках этого напева,
На мраморный склоняясь гроб,
Лобзали горестные девы
Мои уста и бледный лоб.

И я из светлого эфира,
Припомнив радости свои,
Опять вернулся в грани мира
На зов тоскующей любви.

И я раскинулся цветами,
Прозрачным блеском звонких струй,
Чтоб ароматными устами
Земным вернуть их поцелуй.

<Осень 1905>

УЖАС

Я долго шел по коридорам,
Кругом, как враг, таилась тишь.
На пришлеца враждебным взором
Смотрели статуи из ниш.

В угрюмом сне застыли вещи,
Был странен серый полумрак,
И, точно маятник зловещий,
Звучал мой одинокий шаг.

И там, где глубже сумрак хмурый,
Мой взор горящий был смущен
Едва заметною фигурой
В тени столпившихся колонн.

Я подошел, и вот мгновенный,
Как зверь, в меня вцепился страх:
Я встретил голову гиены
На стройных девичьих плечах.

На острой морде кровь налипла,
Глаза сияли пустотой,
И мерзко крался шепот хриплый:
«Ты сам пришел сюда, ты мой!»

Мгновенья страшные бежали,
И наплывала полумгла,
И бледный ужас повторяли
Бесчисленные зеркала.

<Ноябрь 1907>

ЖИРАФ

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озёр.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман.
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

<Сентябрь 1907>

Париж

ЗАКЛИНАНИЕ

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил нездешние слова,

Перед ней, царицей беззаконий,
Расточал рубины волшебства.

Аромат сжигаемых растений
Открывал пространства без границ,
Где носились сумрачные тени,
То на рыб похожи, то на птиц.

Плакали невидимые струны,
Огненные плавали столбы,
Гордые военные трибуны
Опускали взоры, как рабы.

А царица, тайное тревожа,
Мировой играла крутизной,
И ее атласистая кожа
Опьяняла снежной белизной.

Отданный во власть ее причуде,
Юный маг забыл про все вокруг,
Он смотрел на маленькие груди,
На браслеты вытянутых рук.

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил, как мертвый, не дыша,
Отдал все царице беззаконий,
Чем была жива его душа.

А когда на изумрудах Нила
Месяц закачался и поблек,
Бледная царица уронила
Для него алеющий цветок.

1907

СТАРЫЙ КОНКВИСТАДОР

Углубясь в неведомые горы,
Заблудился старый конквистадор,
В дымном небе плавали кондоры,
Нависали снежные громады.

Восемь дней скитался он без пищи,
Конь издох, но под большим уступом
Он нашел уютное жилище,
Чтоб не разлучаться с милым трупом.

Там он жил в тени сухих смоковниц,
Песни пел о солнечной Кастилье,
Вспоминал сраженья и любовниц,
Видел то пищажи, то мантильи.

Как всегда, был дерзок и спокоен
И не знал ни ужаса, ни злости,
Смерть пришла, и предложил ей воин
Поиграть в изломанные кости.

<1908>

ДОН ЖУАН

Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу в стремя
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новые уста.

А в старости принять завет Христа,
Потупить взор, посыпать пеплом темя

И взять на грудь спасающее бремя
Тяжелого железного креста!

И лишь когда средь оргии победной
Я вдруг опомнюсь, как лунатик бледный,
Испуганный в тиши своих путей,

Я вспоминаю, что, ненужный атом,
Я не имел от женщины детей
И никогда не звал мужчину братом.

<1909>

ХРИСТОС

Он идет путем жемчужным
По садам береговым,
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.

«Здравствуй, пастырь! Рыбарь, здравствуй!
Вас зову я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода.

Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши!

Ведь не домик в Галилее
Вам награда за труды, —

Светлый рай, что розовее
Самой розовой звезды.

Солнце близится к притину,
Слышно веянье конца,
Но отрадно будет Сыну
В Доме Нежного Отца».

Не томит, не мучит выбор,
Что пленительней чудес?!
И идут пастух и рыбарь
За искателем небес.

<1910>

* * *

Ты не могла иль не хотела
Мою почувствовать истому,
Свое дурмящее тело
И сердце отдала другому.

Зато, когда перед бедою
Я обессилю, стиснув зубы,
Ты не придешь смочить водою
Мои запекшиеся губы.

В часы последнего усилья,
Когда и ангелы заплещут,
Твои серебряные крылья
Передо мною не заблещут.

И в встречу радостной победе
Мое ликующее знамя
Ты не поднимешь в реве меди
Своими нежными руками.

И ты меня забудешь скоро,
И я не стану думать, вольный,
О милой девочке, с которой
Мне было нестерпимо больно.

<1917>

СЛОВО

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,

Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелие от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

<1919>

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.

Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?

Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти всё мимо, мимо.

Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Все ж мучится таинственным желаньем;

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья —

Так, век за веком — скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства,
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

<1919 (?)>

ПЕТР ПОТЕМКИН

ПЬЯНИЦА

Тротуар, тротуар,
Каменные плиты!
Пропади спиртной угар,
Пропади ты!
Пьян-то кто? Пьян-то я!
Почему я пьян-то?
Разлюбила меня,
Полюбила франта.

Захочу — разлюблю...
Всё вино исправит.
Любит кто? Я люблю!
А она лукавит.

Идет пьяненький,
Штатается,
Весь в крови,
Весь румяненький,
Своей любви
Отомстить собирается.

Впереди
Шляпа с цветочками,
Боа на груди.
Он сам не свой:
«Пойдем со мной!
Угощу мадерой с почками!»

Подойти подошел,
Пошатнулся,
Да к ней
В подол
Тушей всей
Растянулся.

Смеется она,
Покатывается.
Поднялся пьяней
Вина,
Пошатывается,
Идет, кряхтит, отдувается,
Любви своей
Отомстить собирается.

<1908>

ВЕСНА

Весной украдет облака
С небес любая лужица.
Нахохлив мокрые бока,
Рой воробьев закружится.

Уж на реке сыпучий лед.
Ручьями исковеркало.
Вновь по асфальту потечет
Расплавленное зеркало.
И ты себя увидишь там
Ступающей по облаку,
По дальним, синим небесам,
По солнечному облику.
Не раздави! Не наступай!
Иди по ним с опаскою —
Не то назад умчится май,
Не обласкав нас ласкою.

1909

ДВОЙНИК

Я шел по этой стороне,
А ты по той;
И ты слегка кивнула мне
Задорной головой.
Цвели весенние лучи —
Небесные цветки,
И были лужи горячи
И широки.
Их позабыла здесь зима,
И в них, как в зеркала,
Гляделись кровли, и дома,
И купола.

Надвинув крышу набекрень,
И наш гляделся дом,
А наша улица весь день
Горела серебром.
Дороги не было; была
Везде одна вода.
Ты шла на музыку, мила,
Как и всегда.
Твое кичливое эспри
Слегка торчало вбок,
Румянил первый луч зари
Округлость щек.
Ты шла, а в луже вдруг возник,
Украл твои черты,
И шел с тобою твой двойник —
Другая ты.
И так вы шли к ступне ступня —
Два странных близнеца...
Прошли, взглянули на меня,
На тень крыльца...
И мимо окон и домов —
Все тех же тут и там —
Пошли, вверяя стук шагов
Гнилым мосткам.
Но страшно было видеть мне
Тебя вниз головой...
Я шел по этой стороне,
А ты по той.

1911

ИЗ ЦИКЛА «ПАРИЖСКИЕ ЗЕРКАЛА»

* * *

Зеркала, зеркала, зеркала,
Зеркала без конца и числа!
Зеркала вместо рам и картин,
Зеркала вместо клумб и куртин,
Зеркала облепили собой
Стены вместо привычных обоев...
В зеркалах утопает Париж!
Зеркала вместо окон и ниш.
Зеркала — потолки и полы,
Двери, стулья, прилавки, столы!
Я сижу и курю в зеркалах,
Я — в углу, я повсюду в углах.
Я, бесчисленный, пью и курю
И с собою самим говорю.
И когда предзакатная тишь
Луч румяный уронит в Париж,
Луч, подхваченный сонмом зеркал,
Разольется, как огненный вал.
Зеркала, как цветы, расцветут
И румянами солнца зажгут
Дам седых, легкомысленных дев.
И, зеркальные маски надев,
Понесут они в темный бульвар
Отошедшего солнца пожар.

1913

КОМЕТА

Вчера над Парижем сияла комета.
Была она мутно-зеленого цвета.
Был хвост ее дерзкий колюч и упрям,
И нес он сиянье далеким морям.
Она озаряла и доли и пашни,
Комета — прожектор на царственной башне,
Дразнила и город она и луну,
То вниз устремляясь, то вновь в вышину.
И город померкнувший ждал терпеливо
Лучей ее острых бесшумного взрыва
И, нежно-покорный в мятежные дни,
Свои погасил перед нею огни.
В тени его зданий неслышно тонули
Всю ночь ожидавшие света патрули.
И только сверкали, и то не всегда,
У легких машин серебром обода.
И было так тихо, так ласково-тихо, —
Привычная стала забытой шумиха,
Кафе обезлюдил горькая тьма,
И тупо дремали слепые дома.
На узкой скамейке у церкви Сюльпис,
Где ветви деревьев послушно сплелись,
Сидела, одна возле древних колонн,
Печальная дева веселых времен.
Эрачки ее глаз напряженно глядели,
Холодные пальцы забыто висели.
Казалось бессмысленным жить и ходить,
И так нестерпимо хотелось курить.

И вдруг точно острое быстрое жало,
Вонзаясь куда-то, в ночи прожужжало,
И вспыхнул цветком набегающий гром,
И рухнул на деву разрушенный дом.
Застыла комета, увидев кого-то.
И хлопнули гулко бичи пулемета,
По крышам запрыгали градины пуль,
И быстро промчался куда-то патруль...
И капля по капле толпа притекала
По темным проулкам седого квартала.
И стала смотреть, как ее увезли.
Ее, заплатившую счета земли.
И снова все стихло, и только комета
Искала у черного неба ответа.
И слала на звезды свой светлый поток,
Да ухнул на Сене моторный гудок.

1914

ВЛАДИМИР ПЯСТ

В ЛЕСУ

Тихо шел тенистой тропкой
Я, задумчивый и робкий;
Вкруг меня, седой и топкий,
Таял, таял снег.

В тонкой сети палых игол
Таял, таял снег.

Ветер ветви елок двигал,
Ветер лесом бегал, прыгал,
В спину хвоей сек.

Там, вверху, где в гибкой ели
Переливчатые щели
Пробивал он, вниз глядели
Сонные лучи.

А вокруг, от ветра зыбкий,
Таял снег седой и липкий,
И отрывисто и хрипко
Каркали грачи.

<1906>

ДОМА

Домов обтесанный гранит
Людских преданий не хранит.

На нем иные существа
Свои оставили слова.

В часы, когда снует толпа,
Их речь невнятная слепа,

И в повесть ветхих кирпичей
Не проникает взор ничей.

Но в сутках есть ужасный час,
Когда иное видит глаз.

Тогда на улице мертво.
Вот дом. Ты смотришь на него —

И вдруг он вспыхнет, озарен,
И ты проникнешь: это — он!

Застынет шаг, займется дух.
Но миг еще — и он потух.

Перед тобою прежний дом,
И было ль — верится с трудом.

Но если там же, в тот же час,
Твой ляжет путь еще хоть раз, —

Ты в лихорадке. Снова ждешь
Тобой испытанную дрожь.

<1903—1907>

ЭЛЕГИЯ

Слышишь ты стон замирающий, —
Чей это стон?
Мир, безысходно страдающий,
Мой — и ко мне припадающий —
Серый, туманный,
Странный
Небосклон.

Тянется мерзлая ручка:
«Барин, подайте копеечку!»
Девочка глянет в глаза.
На кацавеечку,
Рванным платком перетянутую,
Капнет слеза.

Талая тучка,
Робкая, будто обманутая,
Врезалась в странно-туманные,
— Нет, не обманные! —
Небеса.
Где же вы, прежние,
Несказанные,
Голоса?

Отчего день за днем безнадежнее?

<1903—1907>

ЗА РЕЧЬЮ

Подступает предслезная дрожь,
Срыв звящего голоса...

Чуть колышется светлая рожь,
Отделяется колос от колоса.

Манит в тень удлиненную стог
Сена слабо душистого.
Изнемог. Подошел и прилег.
Барабанит кузнечик неистово.

Подошла. И присела. И взор
Затенила ресницами,
Оглядев желтоватый узор,
Испещренный согбенными жнищами.

Вновь затворы опущенных вежд
Светозарно раздвинула.
Взором, полным бесплотных надежд,
Отуманенным взором окинула.

Не колыхнется спелая рожь.
Колос ластится к колосу.
Подступает предслезная дрожь.
Близок срыв напряженного голоса...

* * *

Мне тридцать лет, мне тысяча столетий,
Мой вечен дух, я это знал всегда,
Тому не быть, чтоб не жил я на свете, —

Так отчего так больно мне за эти
Быстро прошедшие, последние года?

Часть Божества, замедлившая в Лете,
Лучась путем неведомым сюда, —
Таков мой мозг. Пред кем же я в ответе
На тридцать лет на схимнице-планете,
За тридцать долгих лет, ушедших без следа?

Часть Божества, воскресшая в поэте
В часы его бессмертного труда, —
Таков я сам. И мне что значат эти
Годов ничтожных призрачные сети.
Ничтожных возрастов земная черед?

За то добро, что видел я на свете,
За то, что мне горит Твоя звезда.
Что я люблю — люблю Тебя, как дети, —
За тридцать лет, за триллион столетий
Благодарю тебя, о Целое, всегда.

2 июля 1916

АЛЕКСАНДР ТИНЯКОВ

* * *

Только утро любви хорошо.

Надсон

Без конца лобзания, вихрь объятий бурных,
Аромат кос влажных, блеск очей лазурных.
Шепот, полный тайны, робкий и неясный.
Скрип кровати легкий, тихий, сладострастный.
Косы распустились и глаза блестят.
Грудь волною ходит, сброшен прочь наряд
И бесстыдно топчет Страсть его ногой,
А Любовь уходит робкою стопой.

15 ноября, 1903

Село Богородицкое

ПАУЧЬИ СНЫ

В темных, укромных углах по чуланам
Жизнью свирепой живут Пауки;
Мозг их пропитан кровавым туманом,
Жадно и злобно горят их зрачки.

Самка, любовью натешась досыта,
Хилое, щуплое тело самца
Ядом отравит и после сердито
Высосет кровь из него до конца.

В черные, длинноморозные зимы,
Мертвую муку дотла растерзав,
Жирные гады висят недвижимы,
Цепкие лапы под брюхо поджав.

Снятся им долгою зимнею ночью
Сладкие сны о минувшей Весне,
Снятся им тел окровавленных клочья,
Снится, что возле снуют по стене

Теплою кровью налитые твари,
В сеть роковую попавшись, жужжат.
И Пауки в сладострастном угаре
Лапами тихо во сне шевелят.

Вьюжная полночь над миром гуляет,
Месяц — сквозь облако — смотрит в чулан,
Где в пауциных мозгах расцветает
Жуткая греза о сладости ран...

13 октября, 1911

с. Пирожково

В ЧУЖОМ ПОДЪЕЗДЕ

Со старой нищенкой, осипшей, полупьяной,
Мы не нашли угла. Вошли в чужой подъезд.

Остались за дверьми вечерние туманы
Да слабые огни далеких, грустных звезд.

И вдруг почуял я, как зверь добычу в чаще,
Что тело женщины вот здесь, передо мной,
И показалась мне любовь старухи слаще,
Чем песня ангела, чем блеск луны святой.

И ноги пухлые покорно обнажая,
Мегера старая прижалась к стене,
И я ласкал ее, дрожа и замирая,
В тяжелой, как кошмар, полноточной тишине.

Засасывал меня разврат больной и грязный,
Как брошенную кость засасывает ил, —
И отдавались мы безумному соблазну,
А на свирели нам играл пастух Сифил!

Май 1912

МАЛЬЧИК ИЗ УБОРНОЙ

Тщедушный, худенький, невзрачный, —
Он при уборной в кабаке
Вдыхает воздух аммиачный
И вянет с щеткою в руке.

Порой подвыпившие гости
Ему швыряют пятаки.
А он покорно и без злости
Стирает с пола их плевки.

Свет электрический холодный
Струится ровно из рожков,
И шум в трубе водопроводной
Похож на ропот мертвецов.

Окошек нет; четыре стенки;
Меж них ребенок заточен:
Костлявы пальцы и коленки
И взор его огня лишен.

Прими же, Город, без упрёка
Стихи безрадостные в дар
За то, что ты рукой жестокой
Загнал ребенка в писсуар!

Март 1915

Петербург

РАДОСТЬ ЖИЗНИ

Едут навстречу мне гробики полные,
В каждом — мертвец молодой.
Сердцу от этого весело, радостно,
Словно березке весной!

Вы околели, собаки несчастные, —
Я же дышу и хожу.
Крышки над вами забиты тяжелые, —
Я же на небо гляжу.

Может, — в тех гробиках гении разные,
Может — поэт Гумилев...

Я же, презренный и всеми оплеванный,
Жив и здоров!

Скоро, конечно, и я тоже сделаюсь
Падалью, полной червей,
Но пока жив, — я ликую над трупами
Раньше умерших людей.

23 июля 1921

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

ДОЖДЬ

Я рад всему: что город вымок,
Что крыши, пыльные вчера,
Сегодня, ясным шелком лоснясь,
Свергают струи серебра.

Я рад, что страсть моя иссякла.
Смотрю с улыбкой из окна,
Как быстро ты проходишь мимо
По скользкой улице, одна.

Я рад, что дождь пошел сильнее
И что, в чужой подъезд зайдя,
Ты опрокинешь зонтик мокрый
И отряхнешься от дождя.

Я рад, что ты меня забыла,
Что, выйдя из того крыльца,
Ты на окно мое не взглянешь,
Не вскинешь на меня лица.

Я рад, что ты проходишь мимо,
Что ты мне все-таки видна,

Что так прекрасно и невинно
Проходит страстная весна.

1908

АВИАТОРУ

Над полями, лесами, болотами,
Над извидами северных рек
Ты проносишься плавными взлетами,
Небожитель — герой — человек.

Напрягаются крылья, как парусы,
На руле костенеет рука,
А кругом — взгроможденные ярусы:
Облака — облака — облака.
И смотря на тебя недоверчиво,
Я качаю слегка головой:
Выше, выше спирали очерчивай,
Но припомни — подумай — постой.

Что тебе до надоблачной ясности?
На земной, материнской груди
Отдохни от высот и опасностей, —
Упади — упади — упади!

Ах, сорвись и большими зигзагами
Упади, раздробивши хребет, —
Где трибуны расцвечены флагами,
Где народ — и оркестр — и буфет...

1914

* * *

Обо всем в одних стихах не скажешь.
Жизнь идет волшебным, тайным чередом,
Точно длинный шарф кому-то вяжешь,
Точно ждешь кого-то, не грустя о нем.

Нижутся задумчивые петли,
На крючок посмотришь — все желтеет кость,
И не знаешь, он придет ли, нет ли,
И какой он будет, долгожданный гость.

Утром ли он постучит в окошко,
Иль стопой неслышной подойдет из тьмы
И с улыбкой, страшною немножко,
Все распустит разом, что связали мы.

1915

* * *

О, если б в этот час желанного покоя
Закрыть глаза, вздохнуть и умереть!
Ты плакала бы, маленькая Хлоя,
И на меня боялась бы смотреть.

А я три долгих дня лежал бы на столе,
Таинственный, спокойный, сокровенный,
Как золотой ковчег запечатленный,
Вещающий всю мудрость о земле.

Сойдись, мои друзья (не велико число их!)
О тайнах тайн вели бы разговор.
Не внемля им, на розах, на левкоях
Растерянный ты нежила бы взор.

Так. Резвая — ты мудрости не ценишь.
И пусть! Зато сквозь смерть услышу, друг живой,
Как на груди моей ты робко переменишь
Мешок со льдом заботливой рукой.

1915

В ПЕТРОВСКОМ ПАРКЕ

Висел он, не качаясь,
На узком ремешке,
Свалившаяся шляпа
Чернела на песке.
В ладонь впивались ногти
На стиснутой руке.

А солнце восходило,
Стремя к полудню бег,
И перед этим солнцем,
Не опуская век,
Был высоко приподнят
На воздух человек.

И зорко, зорко, зорко
Смотрел он на восток.
Внизу столпились люди
В притихнувший кружок.
И был почти невидим
Тот узкий ремешок.

1916

ПУТЕМ ЗЕРНА

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.
Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.
Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, —
Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.

1917

СНЫ

Так! наконец-то мы в своих владеньях!
Одежду — на пол, тело — на кровать.
Ступай, душа, в безбрежных сновиденьях
Томиться и страдать!

Дорогой снов, мучительных и смутных,
Бреди, бреди, несовершенный дух.
О, как еще ты в проблесках минутных
И слеп, и глух!

Еще томясь в моем бессильном теле,
Сквозь грубый слой земного бытия

Учись дышать и жить в ином пределе,
Где ты — не я;

Где отрешен от помысла земного,
Свободен ты... Когда ж в тоске проснусь,
Соединимся мы с тобою снова
В нерадостный союз.

День изо дня, в миг пробужденья трудный,
Припоминаю я *твой* вещей сон,
Смотрю в окно и вижу серый, скудный
Мой небосклон,

Все тот же двор, и мглистый, и суровый,
И голубей, танцующих на нем...
Лишь явно мне, что некий отсвет новый
Лежит на всем.

1917

ИЩИ МЕНЯ

Ищи меня в сквозном весеннем свете.
Я весь — как взмах неосягаемых крыл,
Я звук, я вздох, я зайчик на паркете,
Я легче зайчика: он — вот, он есть, я был.

Но, вечный друг, меж нами нет разлуки!
Услышь, я здесь. Касаются меня
Твои живые, трепетные руки,
Простертые в текущий пламень дня.

Помедли так. Закрой, как бы случайно,
Глаза. Еще одно усилие для меня —
И на концах дрожащих пальцев, тайно,
Быть может, вспыхну кисточкой огня.

1918

АНИОТЕ

На спичечной коробке —
Смотри-ка — славный вид:
Кораблик трехмачтовый,
Не двигаясь, бежит.

Не разглядишь, а верно —
Команда есть на нем,
И в тесном трюме, в бочках,
Изюм, корица, ром.

И есть на нем, конечно,
Отважный капитан,
Который видел много
Непостижимых стран.

И верно — есть матросик,
Что мастер песни петь
И любит ночью звездной
На небеса глядеть...

И я, в руке Господней,
Здесь, на Его земле, —
Точь-в-точь как тот матросик
На этом корабле.

Вот и сейчас, быть может,
В каюте кормовой
В окошечко глядит он
И видит — нас с тобой.

25 января 1918

* * *

Душа поет, поет, поет,
В душе такой расцвет,
Какому, верно, в этот год
И оправдания нет.

В церквах — гроба, по всей стране
И мор, и меч, и глад,
Но словно солнце есть во мне,
Так я чему-то рад.

Должно быть, это мой позор,
Но что же, если вот —
Душа, всему наперекор,
Поет, поет, поет...

1919

МИХАИЛ ЗЕНКЕВИЧ

БРЕД

Лежал в бреду я и в жару.
Мне чудилось, что на пиру
Мой череп, спаянный кольцом,
Наполнен был цветным вином
И белой пеной благовонной
Обрызгал шелк кудрей червонный.
И в кубок тот смотрела ты.
Я видел косу и черты,
Бледны, загадочны, смуглы,
Как тучи предзакатной мглы.
Лишь темных глаз янтарь смолистый
Светился грустию огнистой.
Порою чувствовал вдруг я, —
Касались губы о края.
То был твой снежный поцелуй.
Оранжевел блеск винных струй.
И от холодности бесстрастной
Кипел мой череп влагой красной.
И усмехалась ты потом
Своим девичьим, тонким ртом.

В ответ веселые бубны
Звенели серебром луны,
И вдруг средь пестроты туманной
Гремел вальс дикий и вакханный...

<1908>

МЯСНЫЕ РЯДЫ

А. Ахматовой

Скрипят железные крюки и блоки,
И туши вверх и вниз сползать должны.
Под бледною левой кровоподтеки
И внутренности иссиня-черны.

Все просто так. Мы — люди, в нашей власти
У этой скользкой смоченной доски
Уродливо-обрубленные части
Ножами рвать на красные куски.

И чудится, что в золотом эфире
И нас, как мясо, вешают Весы,
И так же чашки ржавы, тяжки гири,
И так же алчно крохи лижут псы.

И, как и здесь, решающим привеском
Такие ж жилистые мясники
Бросают на железо с легким треском
От сала светлые золотники...

Прости, Господь! Ужель с полдненным жаром,
Когда от туш исходит тяжко дух,

И там, как здесь, над смолкнувшим базаром,
Лишь засверкают стаи липких мух?

1910

* * *

Дробя с могучего наскока
Рогов ветвистые концы
И в землю врезавшись глубоко,
Дерутся по весне самцы.

А самка тягостно мычит, —
Подергиваясь в дрожи крупом,
Ждет — с кем борьба ее случит
Над трепыхающимся трупом...

Не так же ли и ты меж нами
Приемлешь красных севов дань,
Как в дебрях девственная лань
Меж воспаленными самцами?

1911

* * *

На облачных снегах паря,
Без свиста, шелеста и гула
Уже закатная заря
Студеным полымем пахнула.

И в пышущих на кровь мехах
Двух легких радостно я чую
Сквозь пыльно-золотистый прах
Холодную струю ночную.

И слышу, как из глубины
Под льдистой ясностью сознания,
Взметнув кипящие желанья,
Плывут бесформенные сны.
<1909—1911>

* * *

Всему — весы, число и мера,
И бег спиралями всему,
И растекается во тьму
За пламенную сферой сфера.
Твой лик в душе — как в меди — выби
И пусть твой ток сметет ее
И солнце в алой пене вздыбит, —
Но царство взвешено твое!
В длину растянется орбита,
И кругом изогнется ось,
Чтоб пламя вольно и открыто
По всем эфирам разлилось.
Струить металл не будет время,
Пространство перестанет течь,
И уж не сможет в блюде семя
Прах мертвый тайнами облечь.
И выход рабьему бессилью
Из марев двух магнитных смен —

Раскинет радужною пылью
Вселенная свой легкий тлен.

<1909—1911>

МУСКУС

Почуя маток в топкой чаще,
Ломясь сквозь острые суки,
Сев, мускусом кровотокащий,
Теряли, как помет, быки, —

Чтоб, на пурпурные простыни
Упав, томились до зари
В гаремах течкою пустыни
Пресыщенные всем цари.

Так мы живем, внимая гулам
Сонливых водянистых жил,
Как те цари, былым разгулом
Разбросанных, как мускус, сил!

<1909—1911>

НА АЭРОДРОМЕ

Прерывистый и мощный гул,
И легкой сетью алюминий,
Напрягшись весь, свой хвост рванул,
С владыкой взмыл к вершине синей.

О воздух, вольная стихия,
Тягучая, земная бронь!
Не покоряйся, как другие —
Вода, и суша, и огонь.

В их безднах мним мы пустоту,
И с улюлюканьем, как идол,
Привязан к конскому хвосту
Тот бог, который тайну выдал...

О, будь лазурно-золотист,
Но падок лакомо до крови,
Чтоб укротитель наготове,
Дрожа, держал железный хлыст;

Чтоб грузная земная сила,
Прощупывая облака,
Слепыми жерлами следила
За хищным взлетом смельчака!

<1909—1911>

ЗОЛОТОЙ ТРЕУГОЛЬНИК

О, прости, о прости меня, моя Беатриче,
Без твоего светоносного тела впереди
Я обуздывал тьму первозданных величий,
Закалял, как на вертеле, сердце в груди.
И с ордами мыкался. Кормясь кониной,
В войлок сваянной верблюжьим потником,
От пожарищ, пресыщенный лаской звериной,
На арканах пленниц гнал косяком.

А ты все та же. В прозрачной одежде
С лебедями плескаешься в полдень в пруду.
Твои груди — мимозы и сжимаются прежде,
Чем я кудрями к ним припаду.
Вот смотри — я, твой господин и невольник,
Меж колен раздвинув передник из роз,
Целую на мраморе царственный треугольник
Нежно курчавящихся золотых волос.

1913

* * *

Видел я, как, от напрягшейся крови
Яростно вскинув трясущийся пах,
Звякнув железом, заросшим в ноздрах,
Ринулся бык к приведенной корове.
Видел, как потная, с пенистым крапом,
Словно хребтом переломленным вдруг
Разом осела кобыла и с храпом
Лег на нее изнемогший битюг...
Жутко, услышав кошачьи сцепленья,
Тигров представить средь лунных лучей...
Нет омерзительней совокупленья
Винтообразного хлябких свиней.
Кажется, будто горячее сало,
Сладко топясь на огне и визжа,
Просит, чтоб, чмокая сочно и ало,
В сердце запело дрожанье ножа.
Если средь ласки любовной мы сами —
Стадо свиных несвежеванных туш, —

Дай разрешение, Господь, и с бесами
В воду лавину мясную обрушь!

1913

НАВАЖДЕНИЕ

По залу бальному она прошла,
Метеоритным блеском пламеня.
Казалась так ничтожна и пошла
Толпа мужчин, спешащая за нею.
И ей вослед хотелось крикнуть: «Сгинь,
О, наваждение, в игре мгновенной
Одну из беломраморных богинь
Облекшее людскою плотью бренной!»
И он следил за нею из угла,
Словам другой рассеянно внимая,
А на лицо его уже легла
Грозы, над ним нависшей, тень немая.
Чужая страсть вдруг стала мне близка,
И в душу холодом могил подуло:
Мне чудилось, что у его виска
Блеснуло сталью вороненой дуло.

Август 1918

АЛЕКСЕЙ КРУЧЁНЫХ

3 СТИХОТВОРЕНИЯ НАПИСАННЫЕ НА СОБСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ ОТ ДР. ОТЛИЧАЕТСЯ: СЛОВА ЕГО НЕ ИМЕЮТ ОПРЕДЕЛЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ

№ 1

Дыр бул щыл
убешщур
скуп
вы со бу
р л ээ

№2

Фрот фрон ыт
не спору влюблен
черный язык
то было и у диких
племен

№ 3

Та са мае
ха ра бау
Саем сию дуб
радуб мола
аль

<1913>

* * *

мир гибнет
и нам ли останавливать
мы ли остановим оползнь
гибнет прекрасный мир
и ни единым словом не оплачем
погибели его
не оплачем вместе с суетливым
трусливые и жидкослезные нет
священные жуки жуют трости
свистят
кому зверю голяку черному
свистят трости
соловей подсвистывает
свистит дудка
дудит гудит
ЗЭ Э НЕС ШЮ
усталый ветер заглядывает узкие входы
по затылку

ужас чудит
ноги наклоняются наши наймиты на брюхе
плюют кружатся секутся
жуки улетели
пустыня холодом своим греет?
больше тепла в спряте
отчего все растут каменные деревья?
гибнет мир и нет нам погибели
<1913>

РУСЬ

в труде и свинстве погрязая
взрастаешь сильная родная
как та дева что спаслась
по пояс закопавшись в грязь
по темному ползай и впредь
пусть сияет довольный сосед!
<1913>

СМЕРТЬ ХУДОЖНИКА

привыкнув ко всем безобразьям
искал я их днем с фонарем
но увы! все износились проказы
не забыться мне ни на чем!
и взор устремивши к бесплотным
я тихо но твердо сказал:

мир вовсе не рвотное —
и мордой уткнулся в Обводный канал...

<1913>

* * *

Я прожарил свой мозг на железном пруте
Добавляя перцу румян и кислот
Чтобы он понравился, музика, тебе
Больше, чем размазанный Игоря Северянина торт
Чтоб ты вкушала щекоча ноготком
Пахнущий терпентином смочок.
Сердце мое будет кувырком
Как у нервного Кубелика
С м ы ч о к.

<1919>

БЕНЕДИКТ ЛИВШИЦ

НОЧНОЙ ВОКЗАЛ

Давиду Бурлюку

Мечом снопа опять разбуженный паук
Закапал по стеклу корявыми ногами.
Мизерикордией! — не надо лишних мук.
Но ты в дверях жуешь лениво сапогами,

Глядишь на лысину, плывущую из роз,
Солдатских черных роз молочного прилавка,
И в животе твоём под ветерком стрекоз
Легко колышется подстриженная травка.

Чугунной молнией — извив овечьих бронь!
Я шею вытянул вослед бегущим овцам.
И снова спит паук, и снова тишь и сонь
Над мертвым — на скамье — в хвостах — виноторговцем.

1911

ТЕПЛО

Вскрывай ореховый живот,
Медлительный палач бушмена;
До смерти не растает пена
Твоих старушечьих забот.

Из вечно-желтой стороны
Еще не додано объятий —
Благослови пяту дитяти,
Как парус, падающий в сны.

И мирно простираясь ниц,
Не знай, что за листьями канув,
Павлиний хвост в ночи курганов
Сверлит отверстия глазниц.

1911

ФОНТАНКА

Асфальтовая дрожь и пена
Под мостом — двести лет назад
Ты, по-змеиному надменна,
Вползла в новорожденный град.

И днесь не могут коноводы
Сдержать ужаленных коней:
Твои мучительные воды
Звериных мускулов сильнее.

Что — венетийское потомство
И трубачей фронтонных ложь,
Когда, как хрия вероломства,
Ты от дворцов переползешь

Под плоскогорьем Клодта Невский
И сквозь рябые черныши

Дотянешься, как Достоевский,
До дна простуженной души?..

1914

ПРОРОЧЕСТВО

Когда тебя петлей смертельной
Рубеж последний захлестнет,
И речью нечленораздельной
Своих первоначальных вод

Ты воззовешь, в бреду жестоком
Лишь мудрость детства воспривяв,
Что невозможно быть востоком,
Навеки запад потеряв, —

Тебе ответит рев звериный,
Шуршанье трав и камней рык.
И обретут уста единый
России подлинный язык,

Что дивным встретится испугом,
Как весть о новобытии,
И там, где над проклятым Бугом
Свистят осинники твои.

1913

ДОЖДЬ В ЛЕТНЕМ САДУ

О, как немного надо влаги,
Одной лишь речи дождевой,

Чтоб мечущийся в саркофаге
Опять услышать голос твой!

Мы легковерно ищем мира,
Низвергнув царствие твое,
И в связке ликторской секира
Утоплена по острие.

Но плеск — и ты в гранитном склепе
Шевелишься, и снова нов
Твой плен, и сестры все свирепей
Вопят с Персеевых щитов:

Ничто, ничто внутрирубежный
Двухвековой — ничто — союз!
И полон сад левобережный
Мятежным временем медуз.

1915

АЛЕКСЕЙ ЛОЗИНА-ЛОЗОВСКИЙ

* * *

Посвящается Л. М. Р <ейснер>

Ты смолоду жила в пустом болтливом свете,
Среди всеведущих и всемогущих фраз...
О эта барышня в научном кабинете
С циническим умом и молодостью глаз!
Ах, звезды и простор! Ведь это... это звуки?
Ах, анархизм! Charmant! Ах, Кант! Ах, роскошь зла!
Мне страшно за момент, когда в безмолвной муке
Вдруг ты поймешь всю ложь, которой ты жила...
Что тянет нас к тебе? Веселость, сожаленье
Иль тени прожитых, почти таких же дней?
Я так любил всегда подвальное растение
И странно-сходный с ним цветок оранжерей...

1913

* * *

Я, замкнутый в квадрат со скучными углами,
Под белой простыней, как длинный, потный труп
С уставленными в мрак незрячими глазами,
Когда тяжелый мозг надменен, прям и туп,
Как древний фараон священными ночами,

Я взвешиваю мир. Сходя с ума, в постели,
Я чувю сладостно, как в мраке и тиши
Мышленья мерные и черные качели,
Как виселица в тьме, качают Божьи цели
И ужас вскрикнувшей и смолкнувшей души.

И знаю я тогда, холодный и бескрайний,
Что все, что строим мы, мы строим на песке,
Что обладание действительное Тайной
Обязывает нас дрожать в дыре случайной
С кривой улыбкою на восковом лице.

1916

О, ДАМА ПИК!

Колосья тяжелы и полдень мягко-зноен
И небо пахаря бездумно и светло.
Как звонко в воздухе здоровое «Hallo!..»
Бегут разбеги ржи... Степенен и достоин,
Размерный звон зовет на празднество, в село.
Мне грустно потому, что я теперь спокоен,
Мне грустно потому, что счастье пришло.

Чего, чего мне ждать в моем разумном мире?
Все достижимое я на земле достиг...
Моя Эсфирь живет в правдивости и в мире
И стал правдив и добр мой ум и мой язык...
Я бросил глетчеры, я руку дал Эсфири,
Я в соты мед принес офортот, нот и книг...
Но ночью изредка смеется дама пик!

Зачем меня с собой не уведет она?
Ведь в величавый час, когда взойдет луна
И декламируют старинные куранты
Те заклинания, что знают некроманты,
Ведь дама пик сведет, блистательно-страшна,
На фестиваль в аду, насмешливо-галантный,
Монаха, пьяницу, безумца и лгуна!

<1916>

ПАВЕЛ РАДИМОВ

СВИНОЙ ХЛЕВ

Невероятную грязь наследили в углу поросята,
Ибо прохладу и тень зной заставляет искать.
В липкий навоз, где вода пузырями зелеными смотрит,
Морды уткнув до ушей, мирному сну предались.

Первый, с льяною щетиной, лежит, повернувшись к корыту,
Пестрому сверстнику в нос задом уперся своим.
Луч золотой, проскользнувши в заборные щели, играет
На розоватом боку, сладко дрожащем во сне.

<1913>

* * *

Тишина и покой умирающей ночи,
Звезд прекрасных неслышный, размеренный бег.
Месяц бледен, и тени короче...
Спит туман на лугу, как белеющий снег.

Зазывает русалка. Плеснулась игриво.
Плавником шевельнула. Вот машет рукой.
Провалилась. В тумане лениво
Леший лапоть плетет над рекой.

1914

КОРОВА

Вымя, набухшее за день, корова несет над землею
Низко, как полный сосуд, капли дрожат на сосках...
Тучен был корм на пару: горлупа, молодой чернобыльник,
В белых цветах повитель, кашка, шершавый лопух.
Больше не клонит она головы, но, подгрудок повесив,
Кистью хвоста шевеля, медленным шагом идет.
Шерсть ее красная, с белым пятном и на лбу и на шее.
Дома Красоткой зовут, слово понятно ей «тирень».
Всякий ее отличит по рогам, перевязанным лентой.
Это хозяйка ее, полная станом жена,
Жизнь услышавши под сердцем другую, тогда ж повязала,
Слово промолвив: «Носи, сына корми молоком».

<1921>

ЮРИЙ СИДОРОВ

* * *

Опять, опять огонь повсюду.
Огонь палящий и немой...
Я долго поклонялся чуду,
Но чистота — удел не мой.

И снова в безднах сладострастья
Я вижу быстрый лет теней —
И рад без сил навек упасть я
В пучину дьявольских огней.

Лазурь зажглася перед взором,
Ее затмил мой гордый смех,
Я упиваюсь вновь позором
Порочных и больных утех.

Опять тлетворный дым курений
Тяжелым ветром нанесло,
И вечных мук и наслаждений
Ждет бесконечное число.

Раскинув голые колена
На темный бархат алтаря,
Меня зовет моя Елена.
Пылай, зловещая заря!

Я гибну — гибну, так хотел я.
Нет, так позволила она,
На алтаре двух сжатых тел я
Молюсь тебе, брат, Сатана.

И ты не знал, был сотворенным,
И ты погиб, как гибну я.
Своим паденьем упоенный,
Я знаю, ты позвал меня.

<1910>

ЛОЖЕ

Гляжу, любимая, с тоскою безнадежной,
С больной тоской гляжу я на постель твою
Под нежной кисеей, сквозной и белоснежной,
И горе старое лелею и таю.

Не я, другой взойдет к тебе на это ложе,
Другого обожжет девичья нагота
Огнем, святым огнем, к благоуханной коже
Другой прижмет свои иссохшие уста.

Когда ликующий, невыносимый трепет,
Как легкий вихрь, взовьет, взовьет обоих вас,
Угадываю я его виновный лепет
И томный блеск твоих полужакрытых глаз.

Кровь оросит потом одежд измятых ткани,
И он внезапно, вдруг и странно замолчит,
И музыка твоих подавленных рыданий
Псалмом молитвенным над ложем прозвучит.

Невеста и жена... С последнею любовью,
С невыразимой безнадежною тоской
Перекрестил постель, склонился к изголовью.
Покров владычицы да будет над тобой!

<1910>

СТАНСЫ

О, детство, — золотая погремушка!
Ребенок прозвенит, смеется и счастлив,
И чуткие два розовые ушка
Внимают сей веселый перелив.

А юность с арфой многострунной сходна,
Так звучен и красив ее напев,
В нем отразились полно и свободно
Лобзания и песни нежных дев.

Но вот когда утихнет чувства ярость,
Как вечный спор в душе добра и зла, —
Над человеком загудят, о, старость,
Твои тяжелые колокола.

<1910>

АЛЕКСАНДР ШИРЯЕВЕЦ

СТАРЬ

Месяц, глянь ушкуйным оком!
Кистенем стальным взмахни!
Понесусь я быстрым скоком
На татарские огни.

Надо мной воронья стая
Зачернеет — ждет беда.
Предо мною Золотая
Пораскинется Орда.

— Ой, летите, стрелы злые,
В басурманские шатры!
Нам хвататься не впервые
За мечи и топоры!

Я рубиться лихо стану,
Двинет враг со всех сторон,
И, иссеченного, к хану
Отведут меня в полон.

Долго-долго, дни и ночи
Будут лязгать кандалы.
Будет сниться терем отчий,
Волги буйные валы.

Запылит с Руси дружина,
На Орду ударит вскачь, —
Я опять на волю хлыну
Для удач и неудач...

Час настанет, и на склоны
Упаду я из седла,
Как вопьется в грудь со стоном
Закаленная стрела...

1913

БУРЛАК

Уплыву, как только вспенится
Волга — матушка-река!
У бродяг душа не пленница,
Не дрожит у кошелька!

Любо петь мне песни смелые,
Что поет по Волге голь,
Двинуть весла в гребни белые!
— Эх, зазноба, не неволь!

Уноси, быстрее, кормилица,
Наши барки и плоты!
Глядь и ветер принесилится, —
Будет меньше маеты...

Не меня ль краса румяная
Манит с берега рукой?
Да милей мне воля пьяная!
Обручился я с рекой!

<1913>

МИКУЛА

Перестаньте, вороны,
Каркать да шуметь!
Позапрячет борону
И соху он в клеть,
Зашагает по полю,
Раздвигая высь.
«Недругов-то много ли?
Ну-кошь, становись!
Нечего бахвалиться!
Хошь Микулу знать?»
Размахнулся, валится
Вражеская рать, —
И бежит...
«Вольготно ли?..
Ох, грехи, грехи!
Эка, черти, отняли
От жены-сохи!»

1916

ШИРЯЕВО

В междугорье залегло
В Жигулях мое село.
Рядом Волга плещет, льнет,
Про бывалое поет.
Супротив Царев Курган —
Память сделал царь Иван...

А кругом простор такой,
Глянешь — станешь сам не свой.

Все б на тот простор глядел,
Вместе с Волгой песни пел!

1916

* * *

Загуди сильнее
Красный, вольный звон! —
Злого чародея
Взяли мы в полон!

Вековые раны
Вылечит народ,
Будет сердце пьяно
Радостью свобод...

Буйно-огневая
Посреди песков
Бьет вода живая
Новых родников.

Песенные гулы,
Красный звон шальной.
— Веселись, Микула,
Царь земли родной!

После февраля 1917

ИГОРЬ-СЕВЕРЯНИН

ПОЭТУ

Лишь гении доступны для толпы!
Но ведь не все же гении — поэты?!
Не изменяй намеченной тропы
И помни: кто, зачем и где ты.

Не пой толпе! Ни для кого не пой!
Для песни пой, не размышляя — кстати ль!..
Пусть песнь твоя — мгновенья звук пустой, —
Поверь, найдется почитатель.

Пусть индивидуума клеймит толпа:
Она груба, дика, она — невежда.
Не лъсти же ей: лесть — счастье для раба,
А у тебя — в цари надежда...

1907

NOCTURNE

Месяц гладит камыши
Сквозь сирени шалаши...
Всё — душа, и ни души.

Все — мечта, все — божество,
Вечной тайны волшебство,
Вечной жизни торжество.

Лес — как сказочный камыш,
А камыш — как лес-малыш.
Тишь — как жизнь, и жизнь — как тишь.

Колыхается туман —
Как мечты моей обман,
Как минувшего роман...

Как душиста, хороша
Белых яблонь пороша...
Ни души, и всё — душа!

Декабрь 1908

ЭТО БЫЛО У МОРЯ

Поэма-миньонет

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

Было всё очень просто, было всё очень мило:
Королева просила перерезать гранат;
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.

А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...

Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната паж.

Февраль 1910

НА ОСТРОВАХ

В ландо моторном, в ландо шикарном
Я проезжаю по Островам,
Пьянея встречным лицом вульгарным
Среди дам просто и — «этих» дам.

Ах, в каждой «фее» искал я фею
Когда-то раньше. Теперь не то.
Но отчего же я огневею,
Когда мелькает вблизи манти?

Как безответно! Как безвопросно!
Как гривуазно! Но всюду — боль!
В аллеях сорно, в куртинах росно,
И в каждом франте жив Рокамболь.

И что тут прелесть? И что тут мерзость?
Бесстыж и скорбен ночной пуант.
Кому бы бросить наглее дерзость?
Кому бы нежно поправить бант?

Май 1911

НА РЕКЕ ФОРЕЛЕВОЙ

На реке форелевой, в северной губернии,
В лодке, сизым вечером, уток не расстреливай:

Благостны осенние отблески вечерние
В северной губернии, на реке форелевой.

На реке форелевой в трепетной осинолке
Хорошо мечтается над крутыми веслами.
Вечереет, холодно. Зябко спят малиновки.
Скачет лодка скользкая камышами рослыми.
На отложье берега лен расцвел мимозами,
А форели шустрятся в речке грациозами.

Август 1911

В ОЧАРОВАНЬЕ

Быть может, оттого, что ты не молода,
Но как-то трогательно-больно моложава,
Быть может, оттого я так хочу всегда
С тобою вместе быть; когда, смеясь лукаво,
Раскроешь широко влекущие глаза
И бледное лицо подставишь под лобзанья,
Я чувствую, что ты вся — нега, вся — гроза,
Вся — молодость, вся — страсть; и чувства
без названья

Сжимают сердце мне пленительной тоской,
И потерять тебя — боязнь моя безмерна...
И ты, меня поняв, в тревоге головой
Прекрасною своей вдруг поникаешь нервно, —
И вот другая ты: вся — осень, вся — покой...

Июнь 1912

МОРОЖЕНОЕ ИЗ СИРЕНИ

— Мороженое из сирени! Мороженое из сирени!
Полпорции десять копеек, четыре копейки буше.
Сударышни, судари, надо ль? не дорого — можно без прений...
Поешь деликатного, площадь: придется товар по душе!
Я сливочного не имею, фисташковое всё распродал...
Ах, граждане, да неужели вы требуете крем-брюле?
Пора популяризировать изыски, утончиться вкусам народа,
На улицу специи кухонь, огимнив эксцесс в вирелэ!
Сирень — сладострастия эмблема.
В лилово-изнеженном крене
Зальдишь, водопадное сердце, в душистый и сладкий пушок...
Мороженое из сирени! Мороженое из сирени!
Эй, мальчик со сбитнем, попробуй! Ей-богу, похвалишь, дружок!

Сентябрь 1912

ПОЭЗА ОПРАВДАНИЯ

Я — Демон, гений зла! Я Богом пренебрег!
За дерзостный мой взлет Бог возгордился мною,
Как перлом творчества, как лучшею мечтою,
Венцом своих забот, венцом своих тревог.
Я — Демон, гений зла! Я Богом пренебрег!

Но Я Его люблю, как любит Он Меня:
Меня оживил Бог, экстазом осиянный!
И ныне я Его приветствую осанной!
Я, Демон, гений тьмы, пою Поэта дня,
И Я Его люблю, как любит Он Меня!

Меня вне Бога нет: мы двое — Эгобог.
Извечно мы божим, но нас не понимали.
О, человечество! в надсолнечной эмали
Начертаны слова, как упоенья вздох:
«Нет Бога вне Меня! Мы двое — Эгобог!»

Лето 1912. Веймарн

УВЕРТЮРА

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо и остро!
Весь я в чем-то норвежском! Весь я в чем-то испанском!
Вдохновляюсь порывно! И берусь за перо!
Стрекот аэропланов! Беги автомобилей!
Ветропрóсвист экспрессов! Крылолёт буеров!
Кто-то здесь зацелован! Там кого-то побили!
Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!
В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грезофарс...
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы — в Нагасаки! из Нью-Йорка — на Марс!

Январь 1915

ПОЭЗА СТРОГОЙ ТОЧНОСТИ

Борису Верину

Искусство в загоне — сознаемся в этом!
Искусство затмила война.

Что делать в разбойное время поэту,
Поэту, чья лира нежна?

Дни розни партийной для нас безотрадны, —
Дни мелких, ничтожных страстей...
Мы так неуместны, мы так не попадны
Среди озверелых людей.

Мы так равнодушны к их жалким раздорам
И к их интересам мертвы.
Мы тянемся к рекам и к вольным просторам
И в шелковый шепот травы.

Мы искренне славим паденье престолов
Во имя свободы людской!
Но если и после царей вы в тяжелых
Раздорах, — мы машем рукой!

Союзник царизма для нас не союзник,
Как недруг царизма — не враг.
Свободный художник зачахнет, как узник,
Попад в политический мрак.

Нам пакостны ваши враждебные будни, —
Мы вечным искусством горим.
Вы заняты «делом», а мы — только «трутни»,
Но званьем гордимся своим!

Отправьте ж искусство куда-нибудь к мифу:
Трещит от него материк!..
И кланяйтесь в пояс голодному тифу —
Диктатору ваших интриг!

13 июля 1917

ПИМЕН КАРПОВ

* * *

Колдуют розы лунным светом,
В цвету росистые сады,
Поверю ль чарам и приметам
Моей таинственной звезды?

Все, что мое — необычайно,
Все, что загадочно — мое:
И заколдованная тайна,
И всей вселенной бытие.

В лесу, шумящем свежим шумом,
Поэт и бог мне — каждый лист.
Березам-песням, ивам-думам
Молитвы шлю я, сердцем чист.

Туманы пламенным рассветом
Плывут над зеркалом воды...
Поверю ль чарам и приметам
Моей таинственной звезды?..

1911

* * *

Колдовская дорога — в луне,
И сады над дорогой — в цветущем...
Погодай, моя мать, обо мне,
Приложись за меня ко кресту,

Над безмолвием отчих могил
Вспомни, вспомни меня и забудь:
Путь далекий Господь мне судил,
Колдовской отречения путь...

О, на этом кровавом пути —
Все цветы и весь гул бытия!
Головы мне своей не снести,
Но бессмертен в веках буду я.

ДРАКОН

Дракон железными когтями
Зарницу выхватил из рук
И водрузил крыло, как знамя,
Под трубный звук.

И вот на ледяном просторе —
Отчаяние тишины:
Там обескровленные зори
Ужасны и, как ночь, темны,

Там, саваном скрывая доли,
Бредут леса
Да обезумевшие села
Вонзают вопли в небеса.

Обезьязычены пророки
Под клювами железных птиц,
В полях струятся слез потоки,
Запекшаяся кровь зарниц...

Но каркает душой бессонной
Русь — белоснежная страна,
И шлет загадки напряженно,
Рудой — пьяна.

Ты вороном над бором старым,
Багряный колокол, гуди,
Пролейся трепетным ударом
И Русь глухую пробуди,

Чтобы, пред пастию Дракона
Она, крылата и горда,
Взошла над пашнею Сиона,
Как незакатная звезда!

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

ЧАС НЕ ПОВТОРЯЕТСЯ

Минуты поздних сожалений,
Что в этом мире горше вас?
Какая скорбь, какие пени
Вернут невозвратимый час?

В сознаньи радостен и долог,
Он, мнится, вечен сквозь года;
Но миг, — и вот задернут полог
Меж ним и нами навсегда.

И мы у перевозданной щели,
У пасти времени, клянем,
Что не сумели, не успели
Всего себя отметить в нем.

И сердце мысль одна тревожит,
Один укор терзает нас:
Он по-иному был бы прожит,
Когда б вернуть ушедший час.

О, смертный, бойся страшной казни,
Вина из чаши не пролей, —

И совершенней, глубже, связней
Себя в своем запечатлей.

1911

ПОЛНОЛУНИЕ

Кто б ты ни был — заходи, прохожий.
Смутен вечер, сладок запах нарда...
Для тебя уже давно покрыто ложе
Золотистой шкурой леопарда,

Для тебя давно таят кувшины
Драгоценный сок, желтей топаза,
Что добыт из солнечной долины,
Из садов горячего Ширази.
Розовеют тусклые гранаты,
Ломти дыни ароматно вялы;
Нежный персик, смуглый и усатый,
Притаился в вазе, запоздалый.

Я ремни спустила у сандалий,
Я лениво расстегнула пояс...
Ах, давно глаза читать устали,
Лжет Коран, лукавит Аверроэс!

Поспеш... Круглится лик Селены;
Кто б ты ни был — будешь господином.
Жарок рот мой, грудь белее пены,
Пахнут руки чабрецом и тмином.

Днем чабрец на солнце я сушила,
Тмин сбирала, в час поднявшись ранний.

В эту ночь — от Каспия до Нила —
Девы нет меня благоуханней!

<1911>

ВЕТЕР В СТЕПИ

Гудит трава за розовым плетнем,
Под ветром степь, как море, ходит зыбко,
И в небесах, изнеможенных днем,
Зарялая кровавая улыбка.

Закат багров; к утру пророчит он,
Как продолжение чьей-то сказки давней,
Свист ковыля, трубы зловещий стон,
Треск черепиц и стук разбитой ставни.

Под вой ветров, повязана платком,
Гляжу, прищурясь, в даль из-под ладони:
Клубится ль пыль? Зовет ли муж свистком
В степи коней? Не ржут ли наши кони?

Вой, ветер, вой! Степям моим пророчь,
Под свист твоей неутомной пляски, —
Без устали, без сна, всю эту ночь,
Как судорга, взвивающие ласки!..

<1913>

КОМЕТА

В вихре ветра и светл,
Истекая огнем,

Пролетала комета
Межпланетным путем.
Вкруг нее, вечно юны,
Соблюдая черед,
Вьют созвездья и луны
Мировой хоровод.
Орион в небе ходит,
Повторен троекрат,
И медведица водит
За собой медвежат.
Ей же — путь неизбытый
И разлука в удел,
Чуть заденет орбиты
Пролетающих тел...
Муке тысячелетий
Разрешения нет!
Что ж, душа, ты комете
Загляделась вослед?
Беспокойством томима,
И одна, как она,
Тоже мимо, все мимо,
Пролетать ты должна!
Звезд согласно течение,
Сердцу сердце — звено,
А тебе — отречение,
Отречение одно!..
1916

MEMENTO MORI

В юности я вождедел и вина и женщин.
К зрелым годам не пьянят ни вино, ни ласка.
Медлен мой день, и только бокал мой пенит
Вечный напиток — сладостный сон-целитель.
В сон, как в мечеть, у порога оставив туфли,
Каждую ночь, забыв про себя, вступаю.
Все, что не я, опять нахожу на месте:
«Здравствуйте, — им говорю, — синий сон и дорожка!»
«Здравствуй, — и мне в ответ синий сон и дорожка, —
Мы тут стоим, а ты?» — «А я сокращаюсь.
Вот и опять я стал короче, чем прежде.
Завтра буду короче, чем был сегодня.
Вы собирайте меня, синий сон и дорожка!
Запоминайте, сколько меня тут было!
Стонет дух мой о протяженном покое:
Синим сном и дорожкой пора протянуться...»

1921

ВЛАДИМИР НАРБУТ

НА ЗАРЕ

Не знаю, — в детстве видел я Тебя ли
Иль только тень Твою, Бесплотный Дух,
Когда уж росы травы колебали
И жертвенный огонь когда потух.

Ты, проходя поляной голубою,
Благославлял вечернюю тропу.
И от голубок не было отбою:
Они сплетали нимб на светлом лбу.

Они, едва касаяся крылами,
Глазами розоватыми в упор
Глядели на Тебя в зеленом храме,
И перьев серебрился их убор.

А Ты, Ты — нежный, тихий и прекрасный, —
Мне в душу кротость робко перелил.
И вот, бреду — вечерний и напрасный —
Под шелест снежный голубиных крыл.

1909

ПЛАВНИ

Камыш крупитчато кистится,
Зерно султаны клонит вниз.
И водяной лопух кустится,
Над топью обводя карниз.

А за карнизом ноздреватым
Буреют шапки кочек. Вдаль
Волнением шероховатым
Дробится плоско речки сталь.

Поет стоячее болото,
А не замлевшая река!
Старинной красной позолотой
Покрыла ржавчина слегка

Его. И легок длинноногий
Бег паука по зыби вод.
Плывут зеленые дороги,
Кровь никуда не уплывет!

И плавни мягкими коврами
В багрянце стынут и горят,
Как будто в допотопной раме
Убийц проходит смутный ряд!..

1909

ДВОЙНИК

Заголубели нежно стекла,
И тихий вечер — как печаль.

Но лишь свечу зажгли, поблекла
И потемнела окон сталь.

Встает тоска, идет упрямо,
Чтоб образ прошлого возник.
И свет свечи в окне, за рамой, —
Как опрокинутый двойник.

Он золoteет, он трепещет,
Чуть огонек я колыхну,
Он, отражаясь, грустно блещет,
Смотря за стены — на весну...

Я вспоминаю юность снова:
Ушла как скоро и тайком!
И призрак счастья молодого
Стоит знакомым двойником...

1909

НА ХУТОРЕ

Голубовато-серебристый
Загрезил тополь под окном:
Блеск тонко-лунный и иглистый
Пронзил его своим огнем.

Как круг вращающихся ярко
Алмазов, чешуится Рак,
И над небесной синей аркой
Он леденит звездами мрак.

А рядом — светлое созвездье,
И в нем горит Альдебаран.
Как знак искомого возмездья,
Он постоянен и багрян.

Не развенчать миров загадки!
И ночь таинственно-тепла,
И как одежд опавших складки,
Чуть золотеют купола.

И кажется, что Ангел кроткий
Над скорбной церковью летит
И смотрит в окна сквозь решетки:
В гробу никто ли не лежит?

1909

ШМЕЛИ

Мохнато-грузные шмели
Бичуют воздух, золотясь,
И синей радугой вдали
Плетут вдвоем на солнце вязь.

Друг друга хлопая с разбега,
Совьются клубом, упадут:
В траве прохладной стынет нега
И колокольчики цветут.

И, медленно ползя по стеблю,
Как бы уверившись, что цел,

Гудит... И крылья вдруг окрепли:
В лазурь он снова улетел.

Другой лежит еще спокойно
В траве, как будто бы угас,
Но тельце движется нестройно,
Огнем блестят агаты глаз.

В тени от зноя сладок отдых.
Но через миг уж и второй
В прозрачней аметиста водах
Мерцает солнечной игрой.

Лучи полудня горячи.
А в доме — гул колоколов:
То, как упругие бичи,
Шмели шныряют у углов.

1909

ОБЛАКА

Облака на богомолье
В скит лазоревый идут.
Солнцу вешнему — раздолье:
Дрема, нега и уют.

Озимь гонит стебель тощий
И в испарине дрожит.
А кукушка в ближней роще,
Озираясь, ворожит.

Кто-то едет грузным шляхом:
Верховой иль на возу?
Но тяжелым верным взмахом
Набирает зной грозу.

В скит ушли или вернулись
Богомолки-облака, —
Только тучи изогнулись,
Накренились на бока.

И — ползут в глуби акулой
Серохвостой и большой:
Уж катятся громов гулы
Меднозвучною межой.

1909

ТАНЦОВЩИЦА

Степного ветра легковейней
Скользит по мягкому ковру,
И флейта грустная в кофейне
Поет и плачет, как в бору.

Надежда верная в несчастьях
Рабе — как вихорь здесь нестись.
И ноги смуглые в запястьях
Сверкают одадь, как и вблизи.

Но как сменить гарема клетку
Вновь на свободу вешних птиц?
Забуть ли пальмовую ветку
С листьями острыми, как шприц!..

Граненый день пред падишахом
Под тамбурин, гремя, пляши.
И жемчуг вышит по рубахам,
По шелку желтому межи.

А там — оазис и цветенья
Кровавых кактусов зимой,
Там баобаб широкой тенью
Накрыл песок, в ветрах хромой.

Тут в волнах слабого тумана
Лишь лица видишь впереди,
И в струйках сладкого кальяна —
Кружись, греми, сверкай, лети.

Поет свирель про грусть в кофейне.
Как мхи махровые, ковры.
Степного ветра тиховейней
Скользит она — раба игры.

1909

* * *

ИЗ ЦИКЛА «УЩЕРЬ»

Улыбнулся древнею улыбкою —
Холодна улыбка полумесяца! —
И застыл над люлькой ночи зыбкою,
Чтоб загрезил тот, кому не грезится.

Бледным пеплом поле заморозило,
Замело пригорки за провальями,

В просини позеленело озеро
Под березами светло-усталыми.

Тени в ужасе успели вырасти
Длинными, как повилики, стеблями,
И плеснулся воздух тягой сырости,
Чьими-то губами чуть колеблемый.

На паучьих лапах на прогалину
Выполз лесовик, в ручье полощется...
И в ручье болтается оскаленный,
Тот, пред кем закоченела рощица...

<1911>

* * *

Она некрасива.
Приплюснут
обветренный нос, и глаза,
смотрящие долго и грустно,
не раз обводила слеза.
О чем она плачет — не знаю,
и вряд ли придется узнать,
какая (святая, земная?)
печаль ее нежит, как мать.
Она молчалива.
И могут
подумать иные:
горда...
Но только оранжевый ноготь
покажет луна из пруда, —

людское изменится мнение:
бежит по дорожке сырой,
чтоб сгорбленной нищенской тенью
скитаться полночной порой.
Блуждает, вздыхая и плача,
у сонных растрепанных ив,
пока не плеснется на дачу
пунцовый восхода разлив.
И снова на трухлой террасе
сидит молчаливо-грустна,
как сон, что ушел восвояси,
но высосал душу до дна.

1912 (1916)

* * *

О бархатная радуга бровей!
Озерные русалочки глаза!
В черемухе пьянеет соловей,
И светит полумесяц меж ветвей,
Но никому весну не рассказать.

Забуду ли прилежный завиток
Еще не зацелованных волос,
В разрезе платья вянущий цветок,
И от руки душистый теплый ток,
И все, что так мучительно сбылось?..

Какая горечь, жалоба в словах
О жизни, безвозвратно прожитой!

О прошлое! Я твой целую прах!
Баюкай, вечер, и меня в ветвях
И соловьиною лелей мечтой.

Забуду ли в передразучный день
Тебя и вас, озерные глаза?
Я буду всюду с вами, словно тень,
Хоть не достоин, знаю, и ремень
У ваших ног, припавши, развязать.

1917

Киев

КОНСТАНТИН ЛИПСКЕРОВ

* * *

Из стихов мы не выстроим дóма,
Не добудет жилища сонет,
Нам обычное незнакомо,
И дохода спокойного нет.

Истрепавши подошвы, в руки
Взявши палки, мы ищем вновь
Все дороги и все разлуки,
Все созвездья и всю любовь.

И читателям нужной прозы
Мы должны быть ненужней снов,
Глуше ветра, напрасней розы,
Бесполезнее облаков.

<1914>

* * *

Во тьме на запасном пути
Вагон с раздавленным остался.

Чтоб нас в полночь унести,
Со свистом поезд закачался.

Змеєю сумрачной и злой
Дым падал тягостно на склоны.
Гремящей, черною стрелой
Промчались встречные вагоны, —

И там, в провалах вышины,
Над визгом поезда, высоко
Катастрофической луны
Открылось пристальное око.

1916

Воскресенск

* * *

Всё душа безмолвно взвесила
В полуночной, звездной мгле.
Будем петь о том, что весело
На морях и на земле.

Мир объемлет нас обманами —
Он туман людского сна.
Будем петь мы, как над странами
Мира — царствует Весна.

Счастья мига быстрокрылого
Что короче? О поэт,
Будем петь о том, что милого
Стана — сладостнее нет.

Смерть играет жизнью нашею.
Что ж? Поднять безмолвья щит?
Будем петь, как жизни чашею
Смело юноша стучит.

Чаша пенится. Расколота
Будет временем она.
Будем петь, что чаша золота
Будет выпита до дна.

За душой, что звезды взвесила,
Боги шлют вожатых к нам.
Будем петь, что души весело
Возвращаются к богам.

<1916—1921>

АННА АХМАТОВА

* * *

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

1911

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала: их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!

Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»

Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

1911

* * *

Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, в три часа!
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.

Я ее нечаянно прижала,
И, казалось, умерла она,
Но конец отравленного жала
Был острее веретена.

О тебе ли я заплачу, странном,
Улыбнется ль мне твое лицо?

Посмотри! На пальце безымянном
Так красиво гладкое кольцо.

1911

* * *

Цветов и неживых вещей
Приятен запах в этом доме.
У грядок груды овощей
Лежат, пестры, на черноземе.

Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.

А мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живет большой карась
И с ним большая карасиха.

1913

* * *

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.
Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней.

Навсегда забиты окошки:
Что там, изморозь или гроза?
На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.

О, как сердце мое тоскует!
Не смертного ль часа жду?
А та, что сейчас танцует,
Непременно будет в аду.

1 января 1913

ГОСТЬ

Всё как раньше: в окна столовой
Бьется мелкий метельный снег,
И сама я не стала новой,
А ко мне приходил человек.

Я спросила: «Чего ты хочешь?»
Он сказал: «Быть с тобой в аду».
Я смеялась: «Ах, напророчишь
Нам обоим, пожалуй, беду».

Но, поднявши руку сухую,
Он слегка потрогал цветы:
«Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты».

И глаза, глядевшие тускло,
Не сводил с моего кольца,

Ни один не двинулся мускул
Просветленно-злого лица.

О, я знаю: его отрада —
Напряженно и страстно знать,
Что ему ничего не надо,
Что мне не в чем ему отказать.

1 января 1914

МОЛИТВА

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар.
Так молюсь за твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

1915

* * *

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.

И от лениости или со скуки
Все поверили, так и живут:

Ждут свиданий, боятся разлуки
И любовные песни поют.

Но иным открывается тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор все как будто больна.

1917

* * *

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

1917

* * *

А, ты думал — я тоже такая,
Что можно забыть меня,
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.

Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе страшный подарок —
Мой заветный душистый платок.

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенных чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.

1921

СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ

ПРЕДУТРИЕ

У горних, у горних селений
Стоят голубые сады —
Пасутся в долине олени,
В росе серебруются следы.

За ними светают овраги,
Ложится туман на луга,
И жемчугом утренней влаги
Играют морей берега.

Пасутся в тумане олени:
И кто-то у горних излук
Склонил золотые колени
И поднял серебряный лук.

<1910>

ПОДПАСОК

Над полем туманит, туманит,
В тумане мигает грудок,
А за лесом гаснет и манит
Меж туч заревой городок.

Сегодня я в поле ночью,
Лежу, притаясь за скирдой, —
Вон в высь голубую, ночную
Катится звезда за звездой...

И нехотя месяц всплывает
Над ширью покосов и нив,
И ряски свои одевают
Ряды придорожные ив...

И кто-то под голос волынки
Незримо поет в вышине,
И никнет былинка к былинке,
И грустно от песенки мне.

И то ли играет подпасок,
Поет ли волынка сама —
Ах, беден на нем опоясок
И с боку убога сума!..

Но в полночь, когда он на кочке
Сидит в голове табуна,
В кафтан с золотой оторочкой
Его наряжает луна...

А в сумку, пропахшую хлебом,
Волшебную дудку кладет, —
И тихо под песенку небом
За облаком облак плывет...

Плывет он и смотрит с опаской,
Что скоро потухнет грудок, —
Замолкнет волынка подпаска,
Зальется фабричный гудок.

<1913—1916>

* * *

На чужбине, далеко от родины,
Вспоминаю я сад свой и дом,
Там сейчас расцвѣтает смородина
И под окнами птичий содом...

Там над садом луна величавая,
Низко свесившись, смотрится в пруд,
Где бубенчики желтые плавают
И в осоке русалки живут...

Она смотрит на липы и ясени
Из-за облачно-ясных завес,
На сарай, где я нежился нá сене,
На дорогу, бегущую в лес...

За ворота глядит, и на улице,
Словно днем — только дрема и тишь,
Лишь причудливо избы сутулятся
Да роса звонко падает с крыш, —

Да несется предзорная конница,
Утонувши в туманы по грудь,
Да березки прощаются — клонятся,
Словно в дальний собралися путь!

Эту пору весеннюю, раннюю
Одиноко встречаю вдали...
Ах, прильнуть бы, послушать дыхание...
Поглядеть в зоревое сияние
Милой матери — родимой земли.

<1915–1916>

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Золотятся ковровые нивы,
И чернеют на пашнях комли...
Отчего же задумались ивы,
Словно жаль им родимой земли?..

Как и встарь, месяц облаки водит,
Словно древнюю рать богатырь,
И за годами годы проходят,
Пропадая в безвестную ширь.

Та же Русь без конца и без края,
И над нею дымок голубой —
Что ж и я не пою, а рыдаю
Над людьми, над собой, над судьбой?

И мне мнится: в предутрии пламя
Пред бедою затеплила даль
И сгустила туман над полями
Небывалая в мире печаль...

<1917>

* * *

Лель цветами все поле украсил,
Все деревья листьями убрал.
Слышал я, как вчера он у прясел
За деревнею долго играл...

Он играл на серебряной цевне,
И в осиннике смолкли щеглы,
Не кудахтали куры в деревне,
Лишь заря полыхала из мглы...

На Дубне журавли не кричали,
Сыч не ухал над чащей лесной,
И стояла Дубравна в печали
На опушке под старой сосной...

Каждый год голубою весною
Он плывет, как безвестный рыбак,
И над нашей сторонкой лесною
Виснет темень — туманы и мрак...

Редко солнце из облака выйдет,
Редко звезды проглянут в ночи,
И не видел никто и не видит
На кафтане узорном парчи...

Невдомек и веселой молодке,
Что сгоняет коров поутру,
Чей же парус белеет на лодке,
Чей же голос слышать на ветру?..

Он плывет, и играет на луке
Ранний луч золотою стрелой,
Но не вспомнят о прадедах внуки,
Не помянут отрады былой...

Не шелохнут лишь сосны да ели,
Не колыхнут вершины берез,
И они лишь одни видят Лея,
Обступая у берега плес...

<1914, 1918>

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

ЗВЕНЧАЛЬ

Тулумбасы, бей, бей,
запороги, гей, гей!
Запороги-вороги —
головы не дороги.

Доломаны — быстрь, быстрь,
похолоним Истрь, Истрь!
Харалужье паново
переметим наново!

Чубовье раскрутим,
разовьем хоругвь путем,
а тугую сутемь
раньше света разметим!

То ли не утеха ли,
соловейко-солоду,
то ли не порада ли,
соловейко-солоду!

По грудям их ехали —
по живому золоту,
ехали, не падали
по глухому золоту!

Соловее, вей, вей,
запороги, гей, гей!
Запороги-вороги —
головы не дороги.

1914

* * *

Когда земное склонит лень,
выходит с тенью тени лань,
с ветвей скользит, белея, лунь,
волну сердито взроет линь.
И чей-то стан колеблет стон,
то, может, пан, а может, пень...
Из тины тень, из сини сон,
пока на Дон не ляжет день.

А коса твоя — осени сень, —
ты звездам приходишься родственницей.

1916

* * *

За отряд улетевших уток,
за сквозной поход облаков
мне хотелось отдать кому-то
золотые глаза веков...

Так сжимались поля, убегая,
словно осенью старые змеи,
так за синюю полу гая
ты схватилась, от дали немея,

что мне стало совсем не страшно:
ведь какие слова ни выстрой,
все равно стоят в рукопашной
за тебя с пролетающей быстрью.

А крылами взмахнувших уток
мне прикрыла лишь осень очи,
но тебя и слепой зову так,
что изорвано небо в клочья.

1916

ЧЕРЕЗ ГРОМ

Как соловей, расцеловавший воздух,
коснулись дни звенящие твои меня,
и я ищу в качающихся звездах
тебе узор красивейшего имени.

Я, может, сердцем дотла изолган:
вот повторяю слова — все те же,
но ты мне в уши ворвалась Волгой,
шумишь и машешь волною свежей.

Мой голос брошен с размаху в пропасть,
весь в черной пене качает берег,
срываю с сердца и ложь и робость,
твои повсюду сверкнули серьги.

По горло волны! Пропой еще, чем
тебя украсить, любовь и лебедь.

Я дней, закорчившихся от пощечин,
Срываю нынче ответы в небе!

1916

ЕЩЕ И ОСЕНИ НЕ БЛИЗКО

Еще и осени не близко,
Еще и свет гореть не связан,
А я прочел тоски записку,
Потерянную желтым вязом.

Не уроню такого взора,
Который прах, который шорох.
Я не хочу земного сора,
Я никогда не встречу сорок.

Когда ж зевнет над нами осень,
Я подожгу над миром косы,
Я посажу в твои зеницы
Такие синие синицы.

АЛЕКСЕЙ СКАЛДИН

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Тихо в комнате моей.
Оплывающие свечи.
Свет неверный на стене.
Но за дверью слышны мне
Легкий шорох, чьи-то речи.
Кто же там? Входи скорей.
Полночь близко — час урочный!
Что толочься у дверей?

Дверь, неясно проскрипев,
Растворилась. Гость полночный
Входит молча. Вслед за ним
Шасть другой. А за другим
Сразу два, и на пороге
Пятый. Лица странны: лев,
Три свиньи и змей трехрогий
Позади, раскрывши зев.

Ну и гости! Ждал иных.
Говорю им: скиньте хари,
Неразумные шуты,
И скорей свои хвосты

Уберите! Не в ударе
Вы сегодня. Видно, злых
Нет речей и глупы шулки —
Только я-то зол и лих.

Зашипели. Сразу злей
Стали рожи. Ветер жуткий
Дунул вдруг — и свет потух.
Но вдали запел петух —
Свиньи в дверь, а лев кудлатый
За окно, и в печку змей.
Что же, бес иль сон проклятый
Были в комнате моей?

<1916>

ГАДАНИЕ

Я помню живо... Было лето.
Был вечер серый и прохладный.
Из-за угла мелькнув, карета
Остановилась у парадной.

А с козел слез старик в ливрее.
Он, руку приложивши к сердцу
И сделав мину поважнее,
Открыл таинственную дверцу.

И вылезли два господина
В цилиндрах, с розами в петлицах,
Не то с печатью важной сплина,
Не то с отчаяньем на лицах.

По лестнице они взбежали,
Входною дверью хлопнув резко;
Им стекла вслед продребезжали,
Швейцар же выругался резко.

Так было все на сон похоже:
Когда негромко позвонили,
Арапа высунулась рожа
И чьи-то тени заходили.

Седая дама в платье черном, —
Поклонница старинной моды, —
Движеньем строгим, но проворным
Раскрыла вещие колоды.

Раскинула. Легла брюнету
Дорога без хлопот и скуки,
И скорая — пройти бы лету...
Вновь быстрые мелькают руки.

Сулят блондину карты что-то
Неясное. Измена злая.
Расходы. Тайная забота.
Опять любовь... «Ужель Аглая

Мне хочет изменить постыдно?» —
Товарищу он шепчет, зная,
Что тот ответит безобидно:
«Подумаешь, беда какая!»

Раскланялись. И вниз сбежали.
Не тайную ль несли тревогу?

И снова стекла дребезжали,
И занавесил дождь дорогу.

Швейцар махнул. Запел из чайной
Вдруг граммофон. Рулады. Виззиги.
Но с резвостью необычайной
Помчались, бросая брызги.

1912

ЭВРИДИКА

Пишу карандашом, пишу чернилами,
Пишу о тех, что сердцу стали милыми.

И заодно о тех, кого забыл давно:
Вот вспомнил, напишу и опущу на дно.

Бежит река, но тень одна над Летою
Кружит и ждет, да что ж ей присоветую?

Я весело пою, как юноша Давид,
Но знаю я, что все пути ведут в Аид.

Не минется никак: дорогой дикою
Пойду туда за ней, за Эвридикою.

1912

* * *

А. А. Блоку

Мне было тайно ваше Слово
Поведано, и ныне я,
Как год назад, касаюсь снова
Загадочного бытия.

Мое приемлющее сердце
В тиши подсказывает мне,
Что вижу в вас единоверца,
Но все же я смотрю извне.

Какое малое оконце!
И Слово все ушло в слова.
А за окном так ярко солнце,
И к солнцу тянется трава.

Еще томит глухое бремя,
Что налагают шум и толк.
Но вижу День: Иное Время
Преобразит наш сирый полк.

И в мудрой стае лебединой
Мы вместе поплывем туда,
С путеводительною льдиной,
Где блещет рдяная Звезда.

О брат! Когда из вод просветит
Сокрытое на дне кольцо,
Каким сиянием ответит
Твое влюбленное лицо!

1912

* * *

Прикованный к постели,
Лежу давным-давно.
Белеется окно,
А сбоку смотрят ели.

Припомнишь жизнь былую,
Лихие кутежи, —
Гулял напропалую,
Но будет: полежи.

Все думаю. А страх
Томит, и сердце бьется:
Вдруг смерть-то подберется
И станет в головах?

1912

СЕРГЕЙ БОБРОВ

КАМЕННАЯ БАБА

Б. Н. Бугаеву

В степи седеющий курган
Ты издали заметишь темный,
На нем — горбатый истукан,
Он серо-желтый и огромный.

На степи он и на закат
Бросает неживые взоры, —
На дымы отдаленных хат,
На возмущенные просторы.

Ты издали к нему взирай,
В гигантскую обрубка муку.
Поднимет на печальный край
Он неослабнувшую руку;

Он издали кивнет — и нет:
Стоит как встарь окаменелый, —
Он — непостигнутый поэт, —
Подъемлет каменное тело.

Он разобьет, загрохотав,
Твои лукавые реченья

И опрокинет в зыби трав
Жизни отвергнутой мгновенья.

Встречай же жизнь! остановись
Перед восторженным полетом;
Разверзнет трепетная высь
Облак — пустующим киотом.

Следи, прикованный к земле,
Как он несется величавый
И тонет в тучи яркой мгле,
В блистаниях закатной славы.

Мгновенный сон! земной обман!
И не было его нелепей! —
И на кургане истукан
Сурово озирает степи.

<1912>

* * *

Легкоизалетный чертит кругозоры,
Памятями дышит клочок земей.
Черные круги полей оратай
Над лютой дней.
Но икто
Игры темной увлечет
В логи тайны громады?
Дам иглы
Глубин моревых.
Ни гнет, ни покоя;

Исчерти путей лесы, закрути
Тьмой исчлы.
Нет, нет, — за этой же заставой
Кто обретет свои гони:
Они сони, они трусы, они блекнут —
Поднимай же медленно руки,
Вот волна.

1913

СУДЬБА СТИХА

Каждый стих, отплывая, тонет
В разгневанных полдневных парах,
Полдень луч распаленный гонит и стонет,
Испаря маленький прах.

Каждый стих, отплывая, гибнет
В равнодушную прорубь луны,
Она его не отринет,
Сеть мертвой, жестокой волны.

Вы же, легкие колоссы-звезды,
Вы встречаете радостно его!
И стихов налитые грозди
Не отнимет у вас никто.

Вы единое мерите сердце
Разномерным вашим лучом, —
И родного приветите стрельца вы
В несравненный эфирный дом.

1913

* * *

Вокруг — иных влюбленных хаос.

Б. Пастернак

Сквозь жалкий алюминий снега
Зияет мертвая трава;
Волна небес у дымов берега
Мои покачивает слова.

Оставь, не плачься, не печалься,
Безумны сердце и душа:
Как пени уличного вальса,
Жизнь повторяема и свежа.

И сердца камень многоценный,
Мне раскрывающий мой мир!
Как коршун, мраком разъяренный
На пылкий, заглушенный пир.

Мне невозможно давит очи
Моя любовь! моя весна,
Моей взывающей полночи
Лепечущая тишина.

Нет, сердце, темная обитель
Уже давно мне суждена;
Той тишины дрожащий житель,
Я жду, как ждет меня она.

Иль — утаит от мира злого
Меня приветственная волна:

Ночью подсказанное слово,
Ночью плененная тишина.

<Весна 1913>

КОНЕЦ СРАЖЕНИЯ

Воздушная дрожь — родосский трактор.
О, темь, просветись, лети!
Земля дрожит, как раненый аллигатор,
Ее черное лицо — изрытая рана.

Валятся, расставляя руки, —
Туже и туже гул и пересвист,
Крики ломают брустверы,
Ржанье дыбится к небу.

О, сердце, крепче цепляйся
Маленькими ручками за меня!
Смотри: выбегают цепи
В полосы бризантного огня.

И чиркают пули травую;
Еще минута — и я буду убит.
Вчера контузило троих, сегодня... что такое?
Нечего и вспоминать, это я — просто так.
Но сегодня — какое-то странное...

И даже... Однако, позвольте, где же я?
Ведь вниз уносится земли полоса —
В мрак! в мрак!
— Да этого быть не может!
Это просто так.

1914

ЛИРА ЛИР

Оратория

Необыкновенная поступь времени
Костями ложится перед сим летом.
Этот лет мы — одни —
Совершаем над быстрым льдом.

Жизнь, как мельница невозможностей,
Собирает тайное зерно:
Цвет и звон усталостей
И несравненный колокол.

Будь же смарагдовым осиянием,
Будь же золотом непобедимым,
Будь знаменiem белизны,
Неуследимыми вратами,

Будь светильником на наш пир,
Пребывающая в небытии
Лира Лир.

<1914>

КИСЛОВОДСКИЙ КУРЬЕРСКИЙ

И. А. Аксенову

О, легкая мчимость! о, быстрая улетимость!
Как — гул колес, стук, крик лег;
Разверни хрип, вой мук живых,
И со стрелки соскальзывай — раз, два, три, — еще:

Раз, два, три! — железными зубами
Куснуть стык; зеленому огоньку
Лепетнуть. Семафор —
Язык
Опуская, чтоб вырвать вой, —
И быстрее:
Мчее, левее, милее, живее, нежнее
Змея живого медным голосом:
Хрип звезд, брань столбов,
И: ровно — чудно, словно — бурно,
И: нудно — ёмно, скудно — до домны:
По мосту летивея —
Графиты... черноземы... сланцы...
Гра-ра-ра-фиты, —
Черно-чер-ер-ер-черноземы
Сссслан-аннн-анцы, —
Стоп! — вынь да положь, —
Стансы, —
Станция, 10 минут.

1915

* * *

Благословлял земные доли,
Не веря и не зная их;
И над пустыней бился голой,
Как я, измученный мой стих.

Он благодарственной судьбою
Меня на крылья уносил —

И над рекою голубою
Я будто нежный нектар пил, —
Но жизнь спокойно обряжалась
На чуждый, мне невидный пир
И быстрым взлетом поднималась
В уклончивый и странный мир.
Так неужели ты расторгнешь
Дней недоверчивых стезю!
Обманом новым не наполнишь
Душу дрожащую мою.

21 февраля <1917>

* * *

Вниз по весне летели птицы,
Благовествуя свой полет;
И ты не можешь не гордиться,
Когда весна тебя найдет;
Когда, клубясь холодным смрадом
Нагрянет улиц перезвон
И сонным обуюет адом
Его постылый, бедный сон;
Тогда бы хорошо — на крыше
Поставить ветреный шалаш,
Глядеть спокойнее и тише,
Рассматривая воздух наш;
Потом, по желобу скользнувши,
Прильнувши к жестяной трубе,

Дрожать, ослепнувши, уснувши,
Не помня о своей судьбе, —

Мне бы — заснуть, заснуть! — высоко
И мчаться воздухом иным:
Волну весеннего потока
Приветить образом живым.

<1917>

* * *

Судьбы чужой прекрасная преграда
Нам яснится за дольней немотой;
Но личный мир один, один с тобой,
И им осветится блаженная награда.

Кристалльною и звонкой каплей яда
Вонзится крыл порыв за гранью той! —
Но зов земли блистательной мечтой
Укажет, как поет моя отрада.

Любовь моя! все грани, жизнь и сон,
Который некогда был озлащен,
И некогда, как фейный дар, оставлен, —

А жизнь — алмаз и синяя заря;
И будет сон, как некий червь, раздавлен,
И примут нас не сущие моря.

<1917>

КЛАРА АРСЕНЕВА

* * *

Не знаю, как, не знаю, где бы
Мне этот город позабыть!
От слез моих испили в небе
И захотели вновь испить.

И подвели к воде стоячей,
Где потонули острия
И облик статуи незрячей,
Дворцы и всё, чем брежу я.

Как знал архангел светлоликий,
Чем залучить меня в беду,
И уставлял панель гвоздикой,
Чтоб отравить, когда пройду.

От горьких слез моих испили,
Но чтобы взор других не знал,
И солнце тоже отравили
И опустили в мой канал.

<1912>

СКРИПИЧНАЯ МЕЛОДИЯ

Бананы продавали
В прошедшую весну.
На северном канале
Клонило так ко сну.
Была зловеще красной
В закат одна стена...
Кого любила страстно?
Куда брела одна?
Томила душу негa,
И теплый плыл туман...
Как странно пахнет снегом
Очищенный банан...
Как может быть, что минет
Меня любовь его?
Как сердце не застынет
От горя своего!

Петербург, 1916

* * *

На дворе соседнем выгнила солома.
Мне опять приснился этой ночью ты.
В полдень душный выйду: возле водоема
Свернутые звезды — желтые цветы.

И сказал, смеясь, покинутый вчера мне:
«Вам совсем не пишут: позабыть пора».

В узкие ворота провозили камни,
И кричали долго с лестниц мастера.

Я почти не вижу — солнце колет веки,
Голову на камень теплый положить!
За оградой просят нищие-калеки...
Разве это надо — непременно жить?

<1916>

МАРИЯ МОРАВСКАЯ

ГРУЗЧИКИ

Утра зябнут под ветром, а вечер — сырой.

Лишь день утомительно жаркий.

Пахнет даже гранит березовой корой

Там, где грузят глубокие барки.

Быстро, тачка за тачкой, провозят дрова

По скрипучим и шатким сходим.

Те же окрики слышались, те же слова, —

Прошлым летом, вчера и сегодня.

Мне их странно жалеть, этих крепких рабочих, —

Богатырь предо мной каждый грузчик.

Но их труд торопливый в белые ночи

Вызывает так много грусти...

О, я знаю, для многих родные деревья

Стали только сажениями дров.

Но иной, уходя в городское кочевье,

Горсть земли в котомке унес...

И мне кажется здесь, — я с ними тоскую,

С ними в город пришла с котомкой,

И когда я травинку меж плит поцелую, —
Не все расхохочутся громко.

<1913>

УЕХАТЬ

Так по-книжному я думаю о южной природе..
Я не видела жарких стран..
Я сделаюсь горничной на пароходе
И уеду за океан.

Я буду прислуживать дамам праздным
И со злостью стлать им постели,
А ночью, на палубе, под небом звездным
Мечтать о двадцатой параллели.
Меня не обманет ни одна книга,
Все будет чудесней, чем говорят!..

.....

Ах, как безнадежно туманит вьюга
Утомительно знакомый Летний сад...

<1914>

ШУТКА

Черным ходом, по лестнице длинной,
Я пришла наниматься в бонны.
Распахнув занавески зеленые,
Вышла дама из стильной гостиной.

Говорила так плавно и звонко
(Было правилом каждое слово!),
Как мне надо лелеять ребенка,
Ребенка — мне чужого.

И выпытывать стала искусно,
Где мой дом, кто отец и семья,
И сказала, — как стало мне грустно! —
Чтоб ко мне не ходили друзья.

И мне этого было довольно,
Я ушла, поклонившись даме.
Я пришла лишь изведать, больно ли
Быть служанкой в богатом доме.

Я по лестнице, грязной и липкой,
Возвращалась в томлении жутком
И шептала с печальной улыбкой:
Как легко себя ранить шуткой...

<1914>

О СТАРОСТИ

Мне страшно, что старость будет ясной
После юных обесцвеченных дней,
И тогда уж будет все напрасно,
Что любила я всего нежней!

Красные не подойдут тюльпаны
К моим поседевшим волосам.
Я проеду невиданные страны,
Не внимая их ярким голосам.

Стану думать, что незачем кручиниться,
Если в юности не сбывались чары,
И если в дороге встречу Принца,
Он уже наверно будет старый...

<1914>

НЕМНОГО ЖАЛОСТИ

Жалят меня жала мельче иголки,
Оставляют ранки на долгий срок.
Меня волнуют срубленные елки
И заблудившийся щенок.

Утром я плакала над нищенкой печальной,
И была колюча каждая слеза!
Разве так уж страшно быть сентиментальной,
Если жалость давит глаза?

БОРИС ПАСТЕРНАК

* * *

Как бронзовой золой жаровень,
Жуками сыплет сонный сад.
Со мной, с моей свечою вровень
Миры расцветшие висят.

И, как в неслыханную веру,
Я в эту ночь перехожу,
Где тополь обветшало-серый
Завесил лунную межу,

Где пруд как явленная тайна,
Где шепчет яблони прибой,
Где сад висит постройкой свайной
И держит небо пред собой.

1912

* * *

Мне снилась осень в полусвете стекол,
Терялась ты в снедающей гурьбе.
Но, как с небес добывший крови сокол,
Спускалось сердце на руку к тебе.

Припомню ль сон, я вижу эти стекла
С кровавым плачем, плачем сентября;
В речах гостей непроходимо глохла
Гостиная ненастьем пустыря.

В ней таял день своей лавиной рыхлой
И таял кресел выцветавший шелк,
Ты раньше всех, любимая, затихла,
А за тобой и самый сон умолк.

И — пробуждение. День осенний темен,
И ветер — кормчим увозимых грез.
За сном, как след роняемых соломин,
Отсталое падение берез.

Но в даль отбытья, в даль лете́йской гребли,
Грустя, грустя, гляжу я, блудный сын,
И подберу, как брошенные стебли,
Пути с волнистым посвистом трясин.

1913

МЕТЕЛЬ

1

В посаде, куда ни одна нога
Не ступала, лишь ворожеи да вьюги
Ступала нога, в бесноватой округе,
Где и то, как убитые, спят снега, —

Постой, в посаде, куда ни одна
Нога не ступала, лишь ворожеи

Да вьюги ступала нога, до окна
Дохлестнулся обрывок шальной шлеи.

Ни зги не видать, а ведь этот посад
Может быть в городе, в Замоскворечье,
В Замостье, и прочая (в полночь забредший
Гость от меня отшатнулся назад).

Послушай, в посаде, куда ни одна
Нога не ступала, одни душегубы,
Твой вестник — осиновый лист, он безгубый,
Безгласен, как призрак, белей полотна!

Метался, стучался во все ворота,
Кругом озирался, смерчком с мостовой...
— Не тот это город, и полночь не та,
И ты заблудился, ее вестовой!

Но ты мне шепнул, вестовой, неспроста.
В посаде, куда ни один двуногий...
Я тоже какой-то... я сбился с дороги:
— Не тот это город, и полночь не та.

1914

НА ПАРОХОДЕ

Был утренник. Сводило челюсти,
И шелест листьев был как бред.
Синее оперенья селезня
Сверкал за Камою рассвет.

Гремели блюда у буфетчика.
Лакей зевал, сочтя судки.
В реке, на высоте подсвечника,
Кишмя кишели светляки.

Они свисали ниткой искристой
С прибрежных улиц. Било три.
Лакей салфеткой тщился выскрести
На бронзу всплывший стеарин.

Седой молвой, ползущей исстари,
Ночной былиной камыша
Под Пермь, на бризе, в быстром бисере
Фонарной ряби Кама шла.

Волной захлебываясь, на волос
От затопленья, за суда
Ныряла и светильней плавала
В лампаде камских вод звезда.

На пароходе пахло кушаньем
И лаком цинковых белил.
По Каме сумрак плыл с подслушанным,
Не пророня ни всплеска, плыл.

Держа в руке бокал, вы суженным
Зрачком следили за игрой
Обмолвок, вившихся за ужином,
Но вас не привлекал их рой.

Вы к былям звали собеседника,
К волне до вас прошедших дней,

Чтобы последнею отцединкой
Последней капли кануть в ней.

Был утренник. Сводило челюсти,
И шелест листьев был как бред.
Синее оперенья селезня
Сверкал за Камою рассвет.

И утро шло кровавой банею,
Как нефть разлившейся зари,
Гасить рожки в кают-компании
И городские фонари.

1916

ПРО ЭТИ СТИХИ

На тротуарах истолку
С стеклом и солнцем пополам,
Зимой открою потолку
И дам читать сырым углам.

Задекламирует чердак
С поклоном рамам и зиме,
К карнизам прянет чехарда
Чудачеств, бедствий и замет.

Буран не месяц будет месть,
Концы, начала заметет.
Внезапно вспомню: солнце есть;
Увижу: свет давно не тот.

Галчонком глянет Рождество,
И разгулявшийся денек
Откроет много из того,
Что мне и милой невдомек.

В кашне, ладонью заслонясь,
Сквозь форточку крикну детворе:
Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?

Кто тропку к двери проторил,
К дыре, засыпанной крупой,
Пока я с Байроном курил,
Пока я пил с Эдгаром По?

Пока в Дарьял, как к другу, вхож,
Как в ад, в цейхгауз и в арсенал,
Я жизнь, как Лермонтова дрожь,
Как губы в вермут, окунал.

1917

* * *

Сестра моя — жизнь и сегодня в разливе
Расшиблась весенним дождем обо всех,
Но люди в брелоках высоко брюзгливы
И вежливо жалят, как змеи в овсе.

У старших на это свои есть резоны.
Бесспорно, бесспорно смешон твой резон,
Что в грóзу лиловы глаза и газоны
И пахнет сырой резедой горизонт.

Что в мае, когда поездов расписание,
Камышинской веткой читаешь в купе,
Оно грандиозней святого писанья
И черных от пыли и бурь канапе.

Что только нарвется, разлаявшись, тормоз
На мирных сельчан в захолульном вине,
С матрацев глядят, не моя ли платформа,
И солнце, садясь, соболезнает мне.

И в третий плеснув, уплывает звоночек
Сплошным извиненьем: жалею, не здесь.
Под шторку несет обгорающей ночью
И рушится степь со ступенек к звезде.

Мигая, моргая, но спят где-то сладко,
И фата-морганой любимая спит
Тем часом, как сердце, плеча по площадкам,
Вагонными дверцами сыплет в степи.

1917

НЕ ТРОГАТЬ

«Не трогать, свежевыкрашен», —
Душа не береглась,
И память — в пятнах икр и щек,
И рук, и губ, и глаз.
Я больше всех удач и бед
За то тебя любил,
Что пожелтый белый свет
С тобой — белей белил.

И мгла моя, мой друг, божусь,
Он станет как-нибудь
Белей, чем бред, чем абажур,
Чем белый бинт на лбу!

1917

ГРОЗА, МОМЕНТАЛЬНАЯ НАВЕК

А затем прощалось лето
С полустанком. Снявши шапку,
Сто слепящих фотографий
Ночью снял на память гром.

Меркла кисть сирени. В это
Время он, нарвав охапку
Молний, с поля ими трафил
Озарить управский дом.

И когда по кровле зданья
Разлилась волна злорадства
И, как уголь по рисунку,
Грянул ливень всем плетнем,

Стал мигать обвал сознания:
Вот, казалось, озарятся
Даже те углы рассудка,
Где теперь светло, как днем!

1917

* * *

Здесь прошелся загадки таинственный ноготь.
— Поздно, выплусь, чем свет перечту и пойму.
А пока не разбудят, любимую трогать
Так, как мне, не дано никому.

Как я трогал тебя! Даже губ моих медью
Трогал так, как трагедией трогают зал.
Поцелуй был как лето. Он медлил и медлил,
Лишь потом раздражалась гроза.

Пил, как птицы. Тянул до потери сознания.
Звезды долго горлом текут в пищевод,
Соловьи же заводят глаза с содроганьем,
Осушая по капле ночной небосвод.

1918

МАРГАРИТА

Разрывая кусты на себе, как силок,
Маргаритиных стиснутых губ лиловей,
Горячей, чем глазной Маргаритин белок,
Бился, шелкал, царил и сиял соловей.

Он как запах от трав исходил. Он как ртуть
Очумелых дождей меж черемух висел.
Он кору одурял. Задыхаясь, ко рту
Подступал. Оставался висеть на косе.

И, когда изумленной рукой проводя
По глазам, Маргарита влеклась к серебру,

То казалось, под каской ветвей и дождя,
Повалилась без сил амазонка в бору.

И затылок с рукою в руке у него,
А другую назад заломила, где лег,
Где застрял, где повис ее шлем теневой,
Разрывая кусты на себе, как силок.

1919

ВАСИЛИСК ГНЕДОВ

АЗБУКА ВСТУПАЮЩИМ

Посолнцезеленуоленътосколо
Перепелусатошершавит
Осияннососипоносит
Красносерпопроткнувшемужаба
Кудролещеберезевеньиспойь
Переспойулетилосолнцем
Нассчитаютдураками
Амыдуракилучшеумных

1913

ЛЕТАНА

И. В. Игнатьеву

Уверхаю лёто на мура́вой,
Крыло уверхаю по зелёнке.
Сторожую Лёто — дом горавый...
Дерзо под рукой калёнки...
Лёто — дом сторожкий, ча́сый —
Круговид — не сной глаз —
Пеленит пелёнку газой,
Цветой соной Летка нас...
Уверхаю лёто! Крыло уверхаю!..

<1913>

СМЕРТЬ ИСКУССТВУ

пятнадцать (15) поэм

Поэма 1. СТОНГА

Полынчается — Пепелье Душу.

Поэма 2. КОЗЛО

Бубчиги Козлевая — Сиреня. Скрымь Солнца.

Поэма 3. СВИРЕЛЬГА

Разломчено — Просторечевье... Мхи-Звукопас.

Поэма 4. КОБЕЛЬ ГОРЬ

Затумло-Свирельжит. Распростите.

Поэма 5. БЕЗВЕСТИЯ

Пойму — пойму — возьмите Душу.

Поэма 6. РОБКОТ

Сом — а — ви — ка. Сомка! — а — виль — до.

Поэма 7. СМОЛЬГА

Кудрени — Вышлая Мораль.

Поэма 8. ГРОХЛИТ

Сереброй Нить — Коромысля. Брови.

Поэма 9. БУБАЯ ГОРЯ

Буба. Буба. Буба.

Поэма 10. ВОТ

Убезкраю

Поэма 11. ПОЮЙ

У —

Поэма 12. ВЕЧРАЕТ
Моему Братцу 8 лет. — Петруша.

Поэма 13.
Издеват.

Поэма 14.
Ю.

Поэма Конца (15).

1913

ВЕРА ИНБЕР

ПЕТРОНИЙ

Неясный свет, и запах цикламены,
И тишина.
Рука, блее самой белой пены,
Обнажена.
На длинных пальцах ногти розоваты
И нет перстней.
Движенья кисти плавны и крылаты,
И свет на ней.
В руке дощечка, залитая воском,
В цветах — окно.
На мраморном столе, в сосуде плоском,
Блестит вино.
Зачем здесь я, в ночи и не одета,
И кто со мной?
Библиотека древнего поэта
Полна луной.
Я подхожу, дрожа, к столу со львами
И говорю:
«Привет тебе!.. Я незнакома с вами», —
И вся горю.
Склонившись в непривычном мне поклоне, —
Я слышу смех.

Из непонятных слов одно — «Петроний» —
Яснее всех.
Далекий век, другая жизнь и вера...
Я говорю:
«Я помешала. Ты читал Гомера
И ждал зарю...»
В саду вода лепечет монотонно,
Шуршит лоза.
Эстет и скептик смотрит удивленно
В мои глаза.

1913

РИМ

На темный плющ летят цветы жасмина,
Как крылья мотыльков.
Часы текут пленительно и длинно,
На камне полустертая терцина
Поет без слов.

Я уезжаю завтра в край далекий
И не вернусь сюда.
Мой друг, когда прочтешь ты эти строки,
Преподадут мне новые уроки
Иные города.

Но знай, что сердцем, поздно или рано,
С тобой я буду вновь.
Все будет прежним: тихий ход тумана,
И древний лепет римского фонтана,
И мудрая любовь.

И ты, как прежде, пальцем заостренным
Чертя далекий круг,
Расскажешь мне в тиши о Риме сонном,
Мой неясный друг.

1913

* * *

Поздно ночью у подушки,
Когда все утомлены,
Вырастают маленькие ушки,
Чтобы слушать сны.

Сны бывают разные. Их много:
Снятся чудеса,
Снятся приключения, дорога,
Реки и леса,

Снятся лыжи, снеговые горки,
Солнечный газон,
Школьная тетрадь, где все пятерки,
О, волшебный сон!

Сны текут то явственней, то глуше,
Как ручей, точь-в-точь.
И подушка, наостривши уши,
Слушает всю ночь.

Днем зато, уставши до упаду,
В жажде тишины,

Спит она — будить ее не надо, —
Спит и видит сны.

1915

* * *

Мне не нужны румяна и котурны
В твоём присутствии, судья мой нежный.
Ты никогда не скажешь: «Это дурно», —
Но не кольнешь и похвалой небрежной.

Молчишь, когда я медленно и внятно
Тебе читаю то, что написала.
Роняет солнце золотые пятна
На щек твоих холодные овалы.

Уняв самолюбивые боренья,
Я вижу, как мой стих кичлив и зыбок.
Но и несовершенные творенья
Светлеют от твоих скупых улыбок.

1916

* * *

Н. Крандиевской

Мои слова становятся тяжеле,
Из жала превращаются в стрелу.
Еще вчера они едва звенели,
Подобные стрекозьему крылу.

Теперь они проносятся со свистом,
Ты их пустой забавой не зови.

Взгляни: на острие тугом и чистом
Уже одна зазубрина в крови.

И то, что было некогда уколом
На мякоти румяного плода,
Становится ранением тяжелым, —
Но эти раны благодны всегда.

1918

Москва

ДМИТРИЙ СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ

БЕЛЫЙ ДОМ

Упав с высокого уступа
И ветки в реку уронив,
Ничком лежат четыре трупа
Деревий, сброшенных в обрыв.

И пусто, где стояли ели,
И обнажен обрыв крутой,
Где старый, белый дом без цели
Стоит, забытый и немой.

Забиты окна строем досок.
Грустит разобранный балкон.
Весь дом как поздний отголосок
Недавно минувших времен.

Счастливый сон! Безмолвья комнат
Не осквернит наружный свет.
Там бродят призраки, что помнят
Печаль и блеск минувших лет.

Минувших лет погост недавний
Храня ревниво от зари,

Мертво глядят глухие ставни
И не расскажут, что внутри.

1907

Покровское

* * *

Твой голос тих, лицо бесстрастно,
Но молча, тайно знаешь ты
Всю мощь твоей слепой и властной
Александрийской красоты.

Твоих волос ночная арка,
Твоих бровей густая смоль
Сулит торжественно и жарко
Любви божественную боль.

В твоих глазах зарниц зеленых
Змеится смутный пересвет,
И в них предвестье предрешенных,
Но не одержанных побед.

Безмолвен, робок, околдован
Волшебной силой властных чар,
Я точно жертва уготован
Принять назначенный удар.

<1911>

* * *

Темно, безмолвно и бездонно небо.
Светила тусклым серебром горят.

Трещит сверчок. И в звонких копнах хлеба
Как будто чьи-то крылья шелестят.

В безветрии томясь и замирая,
Деревья спят тяжелым сном без грез.
Столбы огня и дыма извергая,
Вдали ползет ленивый паровоз.

Но звуки, голоса и колебанья —
Всё только греза вечной тишины.
Встают во тьме всемирного молчанья —
Неясные, пугающие сны.

И черные, разорванные тучи,
Как змеи, как драконы в небесах
Возносятся, безмолвны и могучи,
И стелются, стирая звездный прах.

<1911>

ТАТЬЯНА ЕФИМЕНКО

* * *

От камней дышит сыростью,
Их солнце не прогрело.
Цветы смешные выросли
У темного предела.

Плетусь я за прохожими,
И дня так пыльно пламя,
А над церквами Божьими
Леса стоят углами.

И лестница привешена
От купола сквозная.
Душа моя утешена,
А чем — сама не знаю.

Наш двор, колодезь вычищен,
Там цветик и прохлада.
На зов никто не выскочит,
И звать совсем не надо.

1915

* * *

Как нежность ваших слов — острей
и глубже зла —

Меня затрагивает больно.
Мы вечер проведем у этого стола,
И этого уже довольно.

К чему иллюзией минутною дразнить
Насторожившуюся душу.
Я не порву меня опутавшую нить
И свой покой я не нарушу.

Часы прилежные размеренного дня
Благоразумию — награда.
Так жизнь течет моя, и так влечет меня
Туда, где выбора не надо.

Так свой сама себе я выбрала удел
Давно, всегда желанный тайно.
И если взгляд мой Вас и Ваше проглядел,
То ведь и это не случайно.

<1916>

* * *

Бесплотного воскресения я не хочу.
Даже в раю
Мне бы домик, открывший навстречу лучу
Дверь свою,
Мне бы садик маленький для меня одной,
Малый сад,

Где, смуглые, осенью над стеной
Плоды висят.
Мне бы травы теплые и теплый песок
Для голых ступней
И солнце весеннее для рук и ног
И души моей.
Не страшно Вечности. Я буду дремать
Под милый гам,
Весной и осенью глаза приподымать,
Смотреть по сторонам:
На шершавую телку у входа в сарай,
Которой три дня,
На то, как дымится земля сырая,
Цветя и звеня,
На синий луг там вверху Господний,
На облачные межи,
На лес, где, шуша листвою прошлогодней,
Бродят ежи,
На август, золотой и гулкий от пчелок
И спелых полей,
На октябрь, когда вечер уже долог
И утренники белеют.
И стать всему чужой, стать тенью
В невидимой стороне.
Лучше небытие, но бесплотного воскресенья
Не надо мне.

1917

РЮРИК ИВНЕВ

* * *

Душу измученную и перепачканную,
Отвратительную, но родную мою,
Господь, укрепи своею подачкою,
Видишь: я на краю.

Может быть, завтра забуду о раскаянии,
Паясничая, как клоун из последнего кабака...
Все возмутительнее и необычайнее
Моя крестящаяся рука.

1914, Новгород

* * *

Себя ударить мне жалко,
Я такой нежный и голубой,
Да и не послушается палка,
Обструганная тобой.

Но вот подойдешь ты дорогой,
Которой я навстречу шел.
И вспомню я карающего Бога,
И вспомню я вершины зол.

Теперь твой удар ужасен,
И не сладок, и не могуч.
Ты видишь — мой взгляд стал ясен.
Еще камней навьючь!

Быть может, станет легче,
А может быть, и тяжелей.
Я предчувствую свой поздний вечер.
Ударь! Приласкай! Согрей!

1914

* * *

В моей душе не громоздятся горы,
Но в тишине ее равнин
Неистовства безумной Феодоры
И чернота чумных годин.

Она сильна, как радуги крутые
На дереве кладбищенских крестов.
Она страшна, как темная Россия,
Россия изуверов и хлыстов.

Зачем же я в своей тоске двуликой
Любуюсь на ее красу?
Зачем же я с такой любовью дикой
Так бережно ее несу?

1919, январь
М.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

* * *

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Все большое далеко развеять,
Из глубокой печали восстать.

Я от жизни смертельно устал,
Ничего от нее не приемлю,
Но люблю мою бедную землю
Оттого, что иной не видал.

Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели,
И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду.

1908

* * *

Дано мне тело — что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.
Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.
Пускай мгновения стекает муть —
Узора милого не зачеркнуть.

1909

* * *

Из омута злого и вязкого
Я вырос, тростинкой шурша,
И страстно, и томно, и ласково
Запретною жизнью дыша.
И никну, никем не замеченный,
В холодный и топкий приют,
Приветственным шелестом встреченный
Коротких осенних минут.
Я счастлив жестокой обидою,
И в жизни, похожей на сон,
Я каждому тайно завидую
И в каждого тайно влюблен.

1910

SILENTIUM

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,

И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Спокойно дышат моря груди,
Но, как безумный, светел день,
И пены бледная сирень
В черно-лазоревом сосуде.

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!

1910, 1935

* * *

Слух чуткий парус натягает,
Расширенный пустеет взор,
И тишину переплывает
Полночных птиц незвучный хор.

Я так же беден, как природа,
И так же прост, как небеса,
И призрачна моя свобода,
Как птиц полночных голоса.

Я вижу месяц бездыханный
И небо мертвенней холста;

Твой мир, болезненный и странный,
Я принимаю, пустота!

1910

АЙЯ-СОФИЯ

Айя-София, — здесь остановиться
Судил господь народам и царям!
Ведь купол твой, по слову очевидца,
Как на цепи, подвешен к небесам.

И всем векам — пример Юстиниана,
Когда похитить для чужих богов
Позволила эфесская Диана
Сто семь зеленых мраморных столбов.

Но что же думал твой строитель щедрый,
Когда, душой и помыслом высок,
Расположил апсиды и экседры,
Им указав на запад и восток?

Прекрасен храм, купающийся в мире,
И сорок окон — света

торжество.

На парусах, под куполом, четыре
Архангела — прекраснее всего.

И мудрое сферическое зданье
Народы и века переживет,
И серафимов гулкое рыданье
Не покоробит темных позолот.

1912

* * *

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи, —
На головах царей божественная пена, —
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер — все движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

1915

* * *

Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
— Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, — и через плечо поглядела.

Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки, — идешь, никого не заметишь.
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни.
Далеко в шалаше голоса — не поймешь, не ответишь.

После чаю мы вышли в огромный коричневый сад,
Как ресницы, на окнах опущены темные шторы.
Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.

Я сказал: виноград, как старинная битва, живет,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке;
В каменистой Тавриде наука Эллады — и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки.

Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина.
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.
Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, —
Не Елена — другая, — как долго она вышивала?

Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный

1917

TRISTIA

Я изучил науку расставанья
В простоволосых жалобах ночных.
Жуют волы, и длится ожиданье —
Последний час вигилий городских,
И чту обряд той петушиной ночи,
Когда, подняв дорожной скорби груз,
Глядели в даль заплаканные очи
И женский плач мешался с пеньем муз.

Кто может знать при слове «расставанье»,
Какая нам разлука предстоит,
Что нам сулит петушьё восклицанье,
Когда огонь в акрополе горит,

И на заре какой-то новой жизни,
Когда в сениях лениво вол жуёт,
Зачем петух, глашатай новой жизни,
На городской стене крылами бьёт?

И я люблю обыкновенье пряжи:
Снуёт челнок, веретено жужжит.
Смотри, навстречу, словно пух лебяжий,
Уже босая Делия летит!
О, нашей жизни скудная основа,
Куда как беден радости язык!
Все было встарь, все повторится снова,
И сладок нам лишь узнаванья миг.

Да будет так: прозрачная фигурка
На чистом блюде глиняном лежит,
Как беличья распластанная шкурка,
Склонясь над воском, девушка глядит.
Не нам гадать о греческом Эребе,
Для женщин воск, что для мужчины медь.
Нам только в битвах выпадает жребий,
А им дано гадая умереть.

1918

КОНЦЕРТ НА ВОКЗАЛЕ

Нельзя дышать, и твердь кишит червями,
И ни одна звезда не говорит,
Но видит Бог, есть музыка над нами, —
Дрожит вокзал от пенья аонид,

И снова, паровозными свистками
Разорванный, скрипичный воздух слит.

Огромный парк. Вокзала шар стеклянный.
Железный мир опять заморожен.
На звучный пир, в элизиум туманный
Торжественно уносится вагон.
Павлиний крик и рокот фортепьянный.
Я опоздал. Мне страшно. Это сон.

И я вхожу в стеклянный лес вокзала,
Скрипичный хор в смятении и слезах.
Ночного хора дикое начало
И запах роз в гниющих парниках,
Где под стеклянным небом ночевала
Родная тень в кочующих толпах.

И мнится мне: весь в музыке и пене,
Железный мир так нищенски дрожит.
В стеклянные я упираюсь сени.
Горячий пар зрачки смычков слепит.
Куда же ты? На тризне милой тени
В последний раз нам музыка звучит.

1921

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

* * *

Когда встают туманы злые
И ветер гасит мой камин,
В бреду мне чудится, Россия,
Безлюдие твоих равнин.
В моей мансарде полутемной,
Под шум парижской мостовой,
Ты кажешься мне столь огромной,
Столь беспримерно неживой,
Таишь такое безразличье,
Такое нехотенье жить,
Что я страшусь твое величье
Своею жалобой смутить.

1912

В ДЕТСКОЙ

Рано утром мальчик просыпался,
Слушал, как вода в умывальнике капала.
Встала — упала, упала — и жалко...
Ах, как скулила старая собака,
Одна, с подшибленной лапой.
Над подушкой картину повесили,
Повесили лихого солдата,

Повесили, чтобы мальчику было весело,
Чтоб рано утром мальчик не плакал,
Когда вода в умывальнике капает.
Казак улыбается лихо,
На казаке папаха.
Казак наскочил своей пикой
На другого, чужого солдата,
И красная краска капает на пол.

Март 1915

ПРОСТИ!

Ты простил змее ее страшный яд!
Ты простил земле ее чад и смрад!
Ты простил того, кто Тебя бичевал!
И того, кто Тебя целовал,
Ты простил!

За все, что я совершил,
И за все, что свершить каждый миг я готов,
За ветром взрытое пламя,
За скуку грехов
И за тайный восторг покаянья
Прости меня, Господи!

Труден полдень, и страшен вечер.
Длится бой.
За страх мой, за страх человеческий,
За страх пред Тобой
Прости меня, Господи!
Я лязг мечей различаю.

Длится бой. Я кричу: «Победи!»
Я кричу, но кому — не знаю.
За то, что смерть еще впереди, —
Прости, прости меня, Господи!

Ноябрь 1915

НА ЗАКАТЕ

На закате
Было особенно душно.
Приходили оловянные солдатики
И стреляли из маленьких пушек.
Старший цедил какую-то шутку.
Дымила трубка.
Дрогнули тела, повалились рядами,
Сокрушенные зорким огнем.
И видел и плакал Каменщик
Над гиблым трудом.
К ночи пришли влюбленные девы,
Грудью прильнули к вспаханному полю,
К полю, сытому от цельного хлеба
И от соли.
(О, как нежные губы жжет
Смертный пот!)
А в деревне выла собака,
Вспоминая жилье,
Выла, что что-то было,
И что иссякло
Все.

Май 1915

Кому предам прозренья этой книги?
Мой век среди растущих вод
Земли уж близкой не увидит,
Масличной ветви не поймет.
Ревнивое встает над миром утро.
И эти годы — не разноязычий сеть,
Но только труд кровавой повитухи,
Пришедшей, чтоб дитя от матери отсечь.
Да будет так! От этих дней безлюбых
Кидаю я в века певучий мост.
Другим концом он обопрется о винты и кубы
Очеловеченных машин и звезд.
Как полдень золотого века будет светел!
Как небо воссияет после злой грозы!
И претворятся соки варварской лозы
В прозрачное вино тысячелетий.
И некий человек в тени книгохранилищ
Прочтет мои стихи, как их читали встарь,
Услышит едкий запах седины и пыли,
Заглянет, может быть, в словарь, —
Средь мишуры былой и слов убогих,
Средь летописи давних смут
Увидит человека, умирающего на пороге,
С лицом, повернутым к нему.

ЕЛИЗАВЕТА КУЗЬМИНА - КАРАВАЕВА

ЦАРСТВО-ПРИЗРАК

Я не забуду, всю жизнь не забуду, —
Пусть жало огня мою память язвит, —
И скошенных трав пожелтевшую груду,
И старой царицы испуганный вид,

И смолкший наш стан, освещенный кострами,
И стадо овечьих белеющих рун,
Тебя, озаренного, здесь, между нами
В волнении и пении торжественных струн.

И, помню, сказала я: «Где же другую
Найдешь ты, зажженную кровью зари,
Твою всю, до сердца, до сердца нагую,
Какою владеют ветра и цари.

Я о тебе у колдуньи гадала,
Я для тебя зажигала костер,
Я для тебя хороводы сплетала,
Белой царевной средь верных сестер».

Опершись на ручку высокого жезла,
Ответил: «Иду, завершается бой!
Но помни в победе, в веках я с тобой...»
Сказал, и все царство, как призрак, исчезло.

<1912>

* * *

Завороженные годами
Ненужных слов, ненужных дел,
Мы шли незримыми следами;
Никто из бывших между нами
Взглянуть на знаки не хотел.

Быть может, и теперь — все то же,
И мы опять идем в бреду;
Но только знаки стали строже,
И тайный трепет сердце гложет,
Пророчит явь, несет беду.
Пусть будут новые утраты
Иль призрак на пути моем;
Все, чем идущие богаты,
Оставим в жертву многократно
И вновь в незримое уйдем.

Зачем желать? Чего страшиться?
И разве смерть враждебна нам?
В бою земном мы будем биться,
Пред непостижным склоним лица,
Как предназначено рабам.

<1912>

* * *

Я испила прозрачную воду,
Я бросала лицо в водоем.

Трубы пели и звали к походу,
Мы остались, мой идол, вдвоем.

Все ушли, и сменили недели
Миг, как кровь пролилася тельца,
Как вы песню победную пели...
Не увижу я брата лица.

Где-то там, за десятым курганом,
Стальные клинки взнесены;
Вы сразились с чужим караваном, —
Я да идол — одни спасены.

Я испила прозрачную воду,
Я бросала лицо в водоем...
Недоступна чужому народу
Степь, где с Богом в веках мы вдвоем.

1912

ЦАРИЦА УСТАЛАЯ

Царица была королевной,
Королевна любила опалы, —
Но пришел царь, свободный и гневный,
И стала царица усталой...

И царь ей могилы дороже,
Ему — ее взгляд и молитвы,
Но с каждым днем дальше и строже,
Мечтает о новой он битве.

И сын ее — сын властелина,
Рабыней царю она стала.
Путь пройден последний, единый...
Царица устала, устала...

1912

* * *

Покорно Божий путь приму,
Забыв о том, что завтра будет;
И по неспетому псалму
Господь нас милует и судит.

Пусть накануне мы конца,
И путь мой — будний путь, всегдашний,
И к небу мне поднять лица
Нельзя от этой черной пашни.

Не все ль равно, коль Божий зов
Меня застанет на работе?
И в будних днях мой дух готов
К преображенью темной плоти.

<1916>

* * *

Все горят в таинственном горниле;
Все приемлют тяжкий путь войны.
В эти дни неизреченной силе
Наши души Богом вручены.

Мы близки нетленнейшей Невесте,
И над каждым тонкий знак креста.
Пусть, приняв божественные вести,
Будет ныне наша смерть чиста.

Только в сердце тайная тревога —
Знак, что близко временам исход;
О, Господь благой, колосьев много:
Кончи жатвою кровавый год.

Возвести часы суда и кары
И пошли Архангела с мечом;
Верим — очистительны пожары;
Тело в алый саван облечем.

Разве нам страшны теперь утраты
Иль боимся Божьего суда?
Вот, благословенны иль прокляты,
Мы впервые шепчем: навсегда.

<1912>

* * *

Наше время еще не разгадано,
Наши дни — лишь земные предтечи,
Как и волны душистого ладана,
Восковые, горячие свечи.

Но отмечены тайными знаками
Неземной и божественной мощи
Чудеса, что бывают над раками,
Где покоятся древние мощи.

Над святыми владыками добрыми,
Над лежащими тихо костями,
Встал Распятый с пронзенными ребрами,
А ладони пробиты гвоздями.

И ему голытьба деревенская
Ставит свечи и служит молебны;
И раскинула Церковь Вселенская
Над Россией покров свой целебный.

Но поклоны и знаменья крестные,
И душистый, синеющий ладан —
Только путь в небеса неизвестные,
Где наш жребий решен и угадан.

И дары, что в дороге растратили,
И грехи, что согнули нам спину, —
Все расскажут Отцу предстоятели,
Все поведают Духу и Сыну.

В рощах рая Его изумрудного
Будет каждый наш помысел взвешен.
Кто достигнет мгновения судного
Перед Троицей свят и безгрешен?

<1913—1915>

* * *

Взлетая в небо, к звездам, млечным рекам
Одним размахом сильных белых крыл,

Так хорошо остаться человеком,
Каким веками каждый брат мой был.

И вдаль идя крутой тропой горной,
Чтобы найти заросший древний рай,
На нивах хорошо рукой упорной
Жать зреющий колосев урожай.

Читая в небе знак созвездий каждый
И внемля медленным свершеньям треб,
Мне хорошо земной томиться жаждой
И трудовой делить с земными хлеб.

<1916>

* * *

Смотрю на высокие стекла,
А постучаться нельзя;
Как ты замерла и поблекла,
Земля и земная стезя.

Над западом черные краны
И дока чуть видная пасть;
Покрыла незримые страны
Крестом вознесенная снасть.

На улицах бегают дети,
И город сегодня шумлив,
И близок в алеющем свете
Балтийского моря залив.

Не жду ничего я сегодня:
Я только проверить иду,

Как вестница слова Господня,
Свершаемых дней череду.

Я знаю — живущий к закату
Он слышит священную весть,
И рано мне тихому брату
Призывное слово прочесть.

Смотрю на горящее небо,
Разлившее свет между рам;
Какая священная треба
Так скоро исполнится там.

1916

* * *

Какой бы ни было ценой
Я слово вещее добуду,
Приблизюсь к огненному чуду,
Верну навеки мой покой.

Пусть давит плечи темный грех,
Пусть нет прощенья земного, —
Я жду таинственного зова,
Который прозвучит для всех.

1916

ВЛАДИМИР ШИЛЕЙКО

* * *

Я не люблю приветствий черни
И пышной жизни не хочу, —
Брожу по улицам вечерним,
Пустые песни бормочу.

Сурова бедная порфира,
Невелика земная честь, —
Но у стола богатых мира
И мне, наверно, место есть.

<1914—1919>

ИОВ, II, 9

Ничего не просил у Бога:
Знал, что Бог ничего не даст.
Только пристально так и строго
Все смотрел на красный закат.

За спиной жена говорила:
«Что ты смотришь так? Что стоишь?»
Похули Господне Имя
И с закатом, с темным, умри».

Не хотел. И был без надежды.
И опять не хотел — не мог.
А холодная ночь одежды
Уронила на мокрый песок.

<1914—1919>

* * *

Над мраком смерти обоюдной
Есть говор памяти времен,
Есть рокот славы правосудной,
Могучий гул; но дремлет он
Не в ослепление броней медных,
А в синем сумраке гробниц,
Не в клетоте знамен победных,
А в слабом шелесте страниц.

<1914—1919>

ЛЕБЕДЬ

Еще дрожат пустые воды —
А он, старинный, воспарил:
Далече мчит в немые своды
Седую славу милых крыл.

Что ж, к далям родственным и душным
С тобой привет мой долетит?
Или тебя в пути воздушном
И голос мой отяготит?

1916

* * *

Хозяин скуп, жнецы ленивы,
А с неба — холод и дожди;
Обречены страстные нивы, —
Ни одного зерна не жди.

И нет мучительней обузы,
Чем всходы вечности, — на миг...
Оставь меня, — без дум, без книг,
Оставь, — беспмятным, без Музы!

1916

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

РАЗНЫЕ ДЕТИ

Есть тихие дети. Дремать на плече
У ласковой мамы им сладко и днем.
Их слабые ручки не рвутся к свече, —
Они не играют с огнем.

Есть дети — как искры: им пламя сродни.
Напрасно их учат: «Ведь жжется, не тронь!»
Они своенравны (ведь искры они!)
И смело хватают огонь.

Есть странные дети: в них дерзость и страх.
Крестом потихоньку себя осеня,
Подходят, не смеют, бледнеют в слезах
И плача бегут от огня.

Мой милый! Был слишком небрежен твой суд:
«Огня побоялась — так гибни во мгле!»
Твои обвинения мне сердце грызут
И душу пригнули к земле.

Есть странные дети: от страхов своих
Они погибают в туманные дни.
Им нету спасенья. Подумай о них
И слишком меня не вини!

Ты душу надолго пригнул мне к земле...
— Мой милый, был так беспощаден твой суд! —
Но все же я сердцем твоя — и во мгле
«За несколько светлых минут!»

<1910>

ПАСХА В АПРЕЛЕ

Звон колокольный и яйца на блюде
Радостью душу согрели.
Что лучезарней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?
Травку ласкают лучи, догорая,
С улицы фраз отголоски...
Тихо брожу от крыльца до сарая,
Меряю доски.
В небе, как зарево, вешняя зорька,
Волны пасхального звона...
Вот у соседей заплакал так горько
Звук граммофона,
Вторят ему бесконечно-уныло
Взвизги гармоники с кухни...
Многое было, ах, многое было...
Прошрое, рухни!
Нет, не помогут и яйца на блюде!
Поздно... Лучи догорели...
Что безнадежней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?

Москва. Пасха, 1910

ТОЛЬКО ДЕВОЧКА

Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду — волк,
И помнить: я — овца.

Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.
В моей руке не быть мечу,
Не зазвенеть струне.
Я только девочка, — молчу.
Ах, если бы и мне

Взглянув на звезды, зная, что там
И мне звезда зажглась,
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз!

<1912>

ИЗ СКАЗКИ — В СКАЗКУ

Все твое: тоска по чуду,
Вся тоска апрельских дней,
Все, что так тянулось к небу, —
Но разумности не требуй.
Я до самой смерти буду
Девочкой, хотя твоей.

Милый, в этот вечер зимний
Будь, как маленький, со мной.
Удивляться не мешай мне,
Будь, как мальчик, в страшной тайне
И остаться помоги мне
Девочкой, хотя женой.

<1912>

* * *

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
— Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Коктебель, 13 мая 1913

* * *

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет все — как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой мине
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель и кавалькады в чаше,
И колокол в селе...
— Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

— К вам всем — что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?! —
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
За правду *да и нет*,
За то, что мне так часто — слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне — прямая неизбежность —
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность,
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
— Послушайте! — Еще меня любите,
За то, что я умру.

8 декабря 1913

БАБУШКЕ

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица —
Локоны в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка — кто Вы?

Сколько возможностей Вы унесли
И невозможностей — сколько? —
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя поляка!

День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.

— Бабушка! Этот жестокий мятеж
В сердце моем — не от Вас ли?

4 сентября 1914

* * *

Заповедей не блюла, не ходила к причастью.
— Видно, пока надо мной не пропоют литию, —
Буду грешить — как грешу — как грешила: со страстью!
Господом данными мне чувствами — всеми пятью!

Други! — Сообщники! — Вы, чьи наущения — жгучи!
— Вы, сопреступники! — Вы, нежные учителя!
Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи, —
Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!

26 сентября 1915

* * *

Быть в аду нам, сестры пыльные,
Пить нам адскую смолу, —
Нам, что каждою-то жилкою
Пели Господу хвалу!

Нам, над люлькой да над прялкой
Не клонившимся в ночи,
Уносимым лодкой валкою
Под полою епанчи.

В тонкие шелка китайские
Разнаряженным с утра,
Заводившим песни райские
У разбойного костра.

Нерадивым рукодельницам
— Шей не шей, а всё по швам! —
Плясовницам и свирельницам,
Всему миру — господам!

То едва прикрытым рубищем,
То в созвездиях коса.
По острогам да по гульбищам
Прогулявшим небеса.

Прогулявшим в ночи звездные
В райском яблочном саду...
— Быть нам, девицы любезные,
Сестры милые — в аду.

Ноябрь 1915

* * *

Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота — ненужная в семье.
А на венцы и на апофеозы —
Один ответ: — Откуда мне сие?
Мы спим — и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом — во сне — открыты
Закон звезды и формула цветка.

14 августа 1918

НАДЕЖДА ЛЬВОВА

* * *

Почему я со страхом жду от Вас признания?
Почему я не смею глядеть Вам в лицо?
Разве я не в силах разорвать воспоминания? —
Прежних клятв, прежних ласк живое кольцо?

Не все ли равно мне, чьи губы дурманно
Вчера дышали на усталых губах!
Тебе, сегодня, кричу я «Осанна»! —
Тебе, сверкнувшему в этих ясных глазах!

Кричу... Но напрасно. И Вы, подошедший
С доверчивым жестом несмелых рук, —
Вы со страхом услышите в ночи сумасшедшей
В мои темные окна минувшего стук...
Воспоминанья — осенняя ветка...
Пожелтые листья так жутко шуршат...
Ах, разве я женщина? Я только поэтка,
Как меня назвал Ваш насмешливый брат.

1913

* * *

Я дома... Дверь закрыта плотно...
Весенний дождик за окном

Стихает звонко, беззаботно,
И тишина растет кругом.

И так мне страшно, так мне душно
В невозмутимой тишине...
Лишь ты со мной, мой стих послушный,
Один, не изменивший мне!

Ты вновь со мной тревожной ночью,
Как верный страж, как чуткий друг...
И сны сбываются воочью,
И все бывшее близко вдруг.

И я, с улыбкою участия,
Переживаю вновь и вновь
Мое безрадостное счастье —
Мою ненужную любовь.

<1913>

* * *

О, этот вечер — осенний, беззвездный,
Дышащий шорох пожелтевших ветвей!
Снова мы вместе — и снова над бездной,
Над бледной бездной идущих дней.

В сердце вонзается прежнее жало,
Прежняя боль — нежит опять...
Весна ль миновавшая вновь постучала?
Новых ли весен нам должно ждать?

В безнадежности слов отчаянье муки,
Но страстная нежность в оттенках лица.
Чей это шепот? Близкой разлуки?
Или блаженства — навсегда, без конца?

О, этот вечер — осенний, беззвездный,
Широко раскрывший грозящую пасть!
На крыльях, на крыльях дрожим мы над бездной.
В бездну ли, в небо ли скорей бы упасть!

<1913>

* * *

За детский бред, где все казалось свято,
Как может быть святым лишь детский бред,
За сон любви, слепительный когда-то,
За детское невидящее «нет»,
Которым все, как ясной сталью, сжато, —
Ты дашь за все, ты дашь за все ответ!

Ты помнишь сад, где томно пахла мята,
Где колыбался призрачный рассвет?..
В твоём саду все стоптано, все смято, —
За детский бред!

Что ж плачешь ты, как над могилой брата?
Чего ж ты ждешь?.. Уже не блещет свет,
И нет цветов... О, вот она — расплата
За детский бред!

<1913>

* * *

Со всех сторон протянуты к нам руки!
Со всех сторон слышна жестокая мольба,
И на кресте извечном страстной муки
Распят нас могут все, как римляне — раба!

Все правы, все! взглянуть в глаза — и грезы,
Желанием своим коснуться душ — и тел...
Что можем мы, надломленные розы?
Быть распинаемой — позорный наш удел.

Но против воли мы, клонясь, как стебель гибкий,
На каждый знойный зов бросаем отзыв свой.
И всем мы отдаем лобзання и улыбки,
Не в силах устоять пред жаждою — чужой...

О, если бы порвать кошмар наш упоенный,
Отдаться лишь любви, как нежащей волне!
И бросить наше «нет!» желаний тьме бездонной,
И бросить наше «да!» лазурной вышине.

<1913>

СЕРГЕЙ ТРЕТЬЯКОВ

НОЖНИЦЫ

Стрекозы над прудом, а солнце жарит.
Люди в белых балахонах,
А из зеркал на них
Два конца, два кольца
Материя хрюкнула.
Ловко.

1913

ПЕРВОСНЕГ

Город в нижнем белье.
Мелки положены на подоконники.
Хрупкие листья червонцами на горностаевое боа.
Коньки на шкафу зазвякали.
Голубь извне к стеклу жметя.
А глаза у него морозно-оранжевые.

1913

РЕБЕНОК

Дайте на руки!
Парное молоко обдаёт.

Белый комок снега первого.
Первый дымок новой трубы.
Первая спица мигнула в колесе.
Расправляется. Хватает. Ласка.
Побожись, что не будешь, как все!

1913

* * *

Сердце изношено, как синие брюки
Человека, который носит кирпичи.
И четко шагает гнев сухорукий
По пустому сердцу от угла к печи.
Когда у печи — с плеч до колен теплыню
Окатывает из шайки грузная простыня.
Когда у окна — оскаливаются клинья:
Треуголь стекла разбитого январского дня.

Сердце, как лес, когда в нем порубка.
Топоры к топорам, лезья в мякоть — раз-раз!
Сердце изношено, как синяя юбка
Девушки с синяками у синих глаз.

1914

* * *

Дождь строчит по стеклу непонятные кляузы.
Пот солдат распирает утробы лачуг.
Пальбу дырявят добрые паузы.
Ночь по топам шагает, как мирный битюг.

Маленькая смерть, раскутавши плечики,
Ходит целует грустных мужчин.
Полночь брызнула когти. Тихоходы-разведчики.
Методичными каплями — вереницы кончин.

Под тулупами бредится — Пречистая, вывези!
Тень свечная летает от дверей до стола.
Кони часто дрожат на привязи.
Хихикают удила.

На бинте раздавили красную смородину.
Плачет кожа от шапки до пят.
Часовой вспоминает родину.
Спят.

1915

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ

* * *

Звенели, пели. Грязное сукно,
И свечи тают. «Ваша тройка бита.
Позвольте красненькую. За напиток
Не беспокойтесь». И опять вино,

И снова звон. Ложится синий дым.
Все тонет — золото, окно и люди,
И белый снег. По улицам ночным
Пойдем, мой друг, и этот дом забудем.

И мы выходим. Только я один,
И ветер воет, пароходы вторят.
Нет, я не Байрон, и не Арлекин,
Что делать мне с тобою, сердце — море?

Пойдем, пойдем... Ни денег, ни вина.
Ты видишь небо, и метель, и трубы?
Ты Музу видишь, и уже она
Оледенелые целует губы.

1916

БОЛЕЗНЬ

В столовой бьют часы. И пахнет камфорой,
И к утру у висков еще яснее зелень.
Как странно вспоминать, что прошлою весной
Дымился свежий лес и вальдшнепы летели.

Как глухо бьют часы. Пора нагреть вино
И поднести к губам дрожащий край стакана.
А разлучиться всем на свете суждено,
И всем ведь кажется, что беспощадно рано.

Уже не плакала и не звала она,
И только в тишине задумчиво глядела
На утренний туман, и в кресле у окна
Такое серое и гибнущее тело.

1916

* * *

Опять, опять, лишь реки дождевые
Польются по широкому стеклу,
Я под дождем бредущую Россию
Всё тише и тревожнее люблю.

Как мало нас, что пятна эти знают,
Чахоточные, на твоей щеке,
Что гордым посохом не называют
Костыль в уже слабеющей руке.

<1916>

* * *

Вот всё, что помню: мосты и камни,
Улыбка наглая у фонаря...
И все забытые кем-то ставни.
Дожди, безмолвие и заря.

Брожу... Что будет со мной, не знаю,
Но мысли, — но мысли только одни.
Кукушка, грустно на ветке качаясь,
Считает гостю редкому дни.

И дни бессчетны. Пятнадцать, сорок,
Иль бесконечность? Всё равно.
Не птице серой понять, как скоро
Ветхий корабль идет на дно.

<1916>

* * *

Устали мы. И я хочу покоя,
Как Лермонтов, — чтоб небо голубое

Тянулось надо мной, и дрозд бы пел,
Зеленый дуб склонялся и шумел.

Пустыня-жизнь. Живут и молят Бога,
И счастья ждут, — но есть еще дорога:

Ничто, мой друг, ничто вас не спасет
От темных и тяжелых невских вод.

Уж пролетает ветер под мостами,
И жадно плещет гладкими волнами.

А вам-то, друг мой, вам не всё ль равно,
Зеленый дуб или речное дно?

1917

* * *

Опять гитара. Иль не суждено
Расстаться нам с унылою подругой?
Как белым полотенцем бьет в окно
Рассвет, — предутренней и сонной вьюгой.

Я слушаю... Бывает в мире боль,
Бывает утро, Петербург и пенье,
И всё я слушаю... Не оттого ль
Еще бывает головокруженье?

О, лошадей ретивых не гони,
Ямщик! Мы здесь совсем одни.
По снегу белому куда ж спешить?
По свету белому кого любить?

1917

* * *

Как холодно в поле, как голо,
И как безотрадны очам
Убогие русские села
(Особенно по вечерам).

Изба под березкой, болото,
По черным откосам ручьи,
Невесело жить здесь, но кто-то
Мне точно твердит: «Поживи,

Недели, и зимы, и годы,
Чтоб выплакать слезы тебе
И выучиться у природы
Ее безразличью к судьбе».

1919

* * *

Когда в предсмертной нежности слабея,
Как стон плывущей головы,
Умолкнет голос бедного Орфея
На голубых волнах Невы,

Когда, открывшись итальяским далям,
Все небо станет голубеть,
И девять Муз под траурным вуалем
Придут на набережной петь,

Там, за рекой, пройдя свою дорогу
И робко стоя у ворот,
Там, на суде, — что я отвечу Богу,
Когда настанет мой черед?

1919

* * *

Жизнь! Что мне надо от тебя, — не знаю.
Остыла грусть, младенчества удел.
Но так скучать, как я теперь скучаю,
Бог милосердный людям не велел.

И если где-нибудь живет и дышит
Тот, кто навек назначен мне судьбой,
Что ж не приходит он ко мне, не слышит,
Еще не ослабевший голос мой?

Лишь два огромных, черных, тусклых глаза
И два огромных, траурных крыла
Тень бросили от синих гор Кавказа
На жизнь мою и на мои дела.

1920

* * *

Холодно. Низкие кручи
Полуокутал туман.
Тянутся белые тучи
Из-за безмолвных полян.

Тихо. Пустая телега
Изредка продребезжит.
Полное близкого снега
Небо недвижно висит.

Господи! И, умирая,
Через полвека, едва ль
Этого мертвого края
Я позабуду печаль.

1920

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

НОЧЬ

Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зеленый бросали горстями дукаты,
а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты.

Бульварам и площади было не странно
увидеть на зданиях синие тоги.
И раньше бегущим, как желтые раны,
огни обручали браслетами ноги.

Толпа — пестрошерстая быстрая кошка —
плыла, изгибаясь, дверями влекома;
каждый хотел протащить хоть немножко
громаду из смеха отлитого кома.

Я, чувствуя платья зовущие лапы,
в глаза им улыбку протиснул; пугая
ударами в жезл, хохотали арапы,
над лбом расцветивши крыло попугая.

1912

УТРО

Угрюмый дождь скосил глаза.

А за

решеткой

четкой

железной мысли проводов —

перина.

И на

нее

встающих звезд

легко оперлись ноги.

Но ги-

бель фонарей,

царей

в короне газа,

для глаза

сделала больней

враждующий букет бульварных проституток.

И жуток

шуток

клюющий смех —

из желтых

ядовитых роз

возрос

зигзагом.

За гам

и жуть

взглянуть

отрадно глазу:

раба
крестов
страдающе-спокойно-безразличных,
гроба
домов
публичных
восток бросал в одну пылающую вазу.

1912

ПОРТ

Простыни вод под брюхом были,
Их рвал на волны белый зуб.
Был вой трубы — как будто лили
любовь и похоть медью труб.
Прижались лодки в люльках входов
к сосцам железных матерей.
В ушах оглохших пароходов
горели серьги якорей.

1912

А ВЫ МОГЛИ БЫ?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.

А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

1913

ЛЮБОВЬ

Девушка пугливо куталась в болото,
ширились зловеще лягушечьи мотивы,
в рельсах колебался рыжеватый кто-то,
и укорно в буклях проходили локомотивы.

В облачные пары сквозь солнечный угар
врезалось бешенство ветрянной мазурки,
и вот я — озноенный июльский тротуар,
а женщина поцелуи бросает — окурки!

Бросьте города, глупые люди!
Идите голые лить на солнцепеке
пьяные вина в меха-грудь,
дождь-поцелуи в угли-щеки.

1913

ПОСЛУШАЙТЕ!

Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — кто-то хочет, чтобы они были?

Значит — кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?

И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит —
чтоб обязательно была звезда! —
клянется —
не перенесет эту беззвездную муку!

А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!»

Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

1914

ВАМ!

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных к Георгию
вычитывать из столбцов газет?!
Знаете ли вы, бездарные, многие,
думающие, нажраться лучше как, —
может быть, сейчас бомбой ноги
выдрало у Петрова поручика?..
Если б он, приведенный на убой,
вдруг увидел, израненный,
как вы измазанной в котлете губой
похотливо напеваете Северянина!
Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угодую?!
Я лучше в баре блядам буду
подавать ананасную воду!

1915

ЛИЛИЧКА!

Вместо письма

Дым табачный воздух выел.
Комната —
глава в крученокховском аде.
Вспомни —
за этим окном
впервые
руки твои, исступленный, гладил.

Сегодня сидишь вот,
сердце в железе.
День еще —
выгонишь, может быть, изругав.
В мутной передней долго не влезет
сломанная дрожью рука в рукав.
Выбегу,
тело в улицу брошу я.
Дикий,
обезумлюсь,
отчаяньем иссекась.
Не надо этого,
дорогая,
хорошая,
дай простимся сейчас.
Все равно
любовь моя —
тяжкая гирия ведь —
висит на тебе,
куда ни бежала б.
Дай в последнем крике вырветь
горечь обиженных жалоб.
Если быка трудом умóрят —
он уйдет,
разляжется в холодных водах.
Кроме любви твоей,
мне
нету моря,
а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.
Захочет покоя уставший слон —
царственный ляжет в опожаренном песке.

Кроме любви твоей,
мне
нету солнца,
а я и не знаю, где ты и с кем.
Если б так поэта измучила,
он
любимую на деньги б и славу выменял,
а мне
ни один не радостен звон,
кроме звона твоего любимого имени.
И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметенный карнавал
растреплет страницы моих книжек...
Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?

Дай хоть
последней нежностью выставить
твой уходящий шаг.

26 мая 1916
Петроград

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА

Павлиньим хвостом распушу фантазию в пестром цикле,
душу во власть отдам рифм неожиданных рою.
Хочется вновь услышать, как с газетных столбцов зацыкали
те,
кто у дуба, кормящего их,
корни рылами роют.

1916

БРАТЬЯ ПИСАТЕЛИ

Очевидно, не привыкну
сидеть в «Бристоле»,
пить чай,
построчно врать я, —
опрокину стаканы,
взлезу на столик.
Слушайте,
литературная братия!
Сидите,
глазенки в чайшко канув.
Вытерся от строчения локоть плюшевый.
Подымите глаза от недопитых стаканов.
От косм освободите уши вы.
Вас,
прилипших
к стене,
к обоям,
милые,
что вас со словом свело?

А знаете,
если не писал,
разбоем
занимался Франсуа Вийон.
Вам,
берущим с опаской
и перочинные ножи,
красота великолепнейшего века вверена вам!
Из чего писать вам?
Сегодня
жизнь
в сто крат интересней
у любого помощника присяжного поверенного.
Господа поэты,
неужели не наскучили
пажи,
дворцы,
любовь,
сирени куст вам?
Если
такие, как вы,
творцы —
мне наплевать на всякое искусство.
Лучше лавочку открою.
Пойду на биржу.
Тугими бумажниками растопырю бока.
Пьяной песней
душу выжгу
в кабинете кабака.
Под копны волос проникнет ли удар?

Мысль

одна под волосища вложена:

«Причесываться? Зачем же?!

На время не стоит труда,

а вечно

причесанным быть

невозможно».

1917

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ

* * *

Небоскребы трясутся и в хохоте валятся
На улицы, прошитые каменными вышивками.
Чьи-то невидимые игривые пальцы
Щекочут землю под мышками.

Набережные заламывают виадук железные,
Секунды проносятся в сумасшедшем карьере,
Уставшие, взмыленные, и взрывы внезапно обрезанные
Красноречивят о пароксизме истерик.

Раскрываются могилы, и, как рвота, вываливаются
Оттуда полусгнившие трупы и кости,
Оживают скелеты под стихийными пальцами,
А в небо громами вбивает гвозди.

С грозовых монопланов падают на землю,
Перевертываясь в воздухе, молнии и кресты.
Скрестярукий любитесь на безобразие
Угрюмый Дьявол, сухопаро застыв.

<1914>

* * *

В переулках шумящих мы бредим и бродим.
Перебой мотора заливают площадь.
Как по битому стеклу — душа по острым мелодиям
Своего сочинения гуляет, тощая.
Вспоминанья встают, как дрожжи; как дрожжи,
Разрыхляют душу, сбившуюся в темпе.
Судьба перочинным, заржавленным ножиком
Вырезает на сердце пошловатый штемпель.
Улыбаюсь брюнеткам, блондинкам, шатенкам,
Виртуозу негритянские фабулы.
Увы! Остановиться не на ком
Душе, которая насквозь ослабла!
Жизнь загромирована фактическими бреднями,
А впрочем, она и без грима вылитый фавн.
Видали Вы, как фонарь на столбе повесился медленно,
Обвернутый в электрический саван?

1916

* * *

Из-за глухонемыты серых портьер, цепляясь за кресла кабинета,
Вы появились и свое смуглое сердце
Положили на бронзовые руки поэта.
Разделись, и только в брюнетной голове черепашилась гребенка
и желтела.
Вы завернулись в прозрачный вечер.
Как будто тюлем в июле
Завернули
Тело.

Я метался, как на пожаре огонь, шепча: Пошадите, не надо,
не надо!

А Вы становились все тише и тоньше,
И продолжалась сумасшедшая бравада.
И в страсти и в злости кости и кисти на
части ломались, трещали, сгибались,

И вдруг стало ясно, что истина —

Это Вы, а Вы улыбались.

Я умолял Вас: «Моя? Моя!», волнуясь и бегая по кабинету.

А сладострастный и угрюмый Дьявол
Расставлял восклицательные скелеты.

<1916>

РИТМИЧЕСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ

Какое мне дело, что кровохаркающий поршень
Истории сегодня качнулся под божьей рукой,
Если опять грустью изморщен
Твой голос, слабый такой?!

На метле революций на шабаш выдумок
Россия несется сквозь полночь пусть!
О если б своей немыслимой обидой мог
Искупить до дна твою грусть!

Снова голос твой скорбью старинной дрожит,
Снова взгляд твой сутулится, больная моя!
И опять небывалого счастья чертя чертежи,
Я хочу населить твоё сердце необитаемое!

Ведь не боги обжигают людское раздолье!
Ожогам горяч достаточно стих!
Что мне, что мир поперхнулся болью,
Если плачут глаза твои, и мне не спасти их?

Открыть бы пошире свой паршивый рот,
Чтоб песни развесить черной судьбе,
И приволочь силком, вот так, за шиворот,
Несказанное счастье к тебе!

Март 1918

ЭСТРАДНАЯ АРХИТЕКТОНИКА

Мы последние в нашей касте,
И жить нам недолгий срок.
Мы коробейники счастья,
Кустари задушевных строк!

Скоро вытекут на смену оравы
Не знающих сгустков в крови,
Машинисты железной славы
И ремесленники любви.

И в жизни оставят место
Свободным от машин и основ:
Семь минут для ласки невесты,
Три секунды в день для стихов.

Со стальными, как рельсы, нервами
(Не в хулу говорю, а в лесть!)
От двенадцати до полчася первого
Буду молиться и есть!

Торопитесь же, девушки, женщины,
Влюбляйтесь в певцов чудес,
Мы пока последние трещины,
Что не залил в мире прогресс!

Мы последние в нашей династии,
Любите же в оставшийся срок
Нас, коробейников счастья,
Кустарей задушевных строк!

Сентябрь 1918

НИНА СЕРПИНСКАЯ

СЕГОДНЯШНИЙ ЛЮБОВНИК

Н. В. М.

Он заходит раз в месяц случайно с заседаний,
Рот его пахнет дымом и гарью речей,
Скрывая растущее в душе отчаянье,
Поцелуи бросаю острей и звончей.

Строчки Маркса падают на кровать из карманов,
Большие идеи, равенство всех людей...
Мои ласки их на момент унесут, одурманя,
Чтоб после им всплыть еще ясней.

Разойдись, мы порознь оба мечтаем
О солнце, весне, итальянских днях,
И оба тяжело и упорно знаем,
Что нашим жизням это недоступно сейчас!

Сентябрь 1918

ПОКИНУТОСТЬ

Н.В.М.

Сейчас ничему не удивляюсь,
Больше никого не жду.

Утром одеваясь,
Знаю, что ночью усну.

Жизнь стала трезвой, строгой,
Размерены все часы.
Мы отказались от многого,
Отменив романтизм мечты.

И все же, когда как в тумане
Всплывают твои черты,
В читанном вместе романе
Пытаюсь тебя найти.

Декабрь 1918

УШЕДШЕМУ

Н.В.М.

Вы, бежавший на Запад
От наших железных тисков,
Неужели Вы не слышите запах
Простых деревенских снопов?

Неужели Вы не видите руки
Окровавленных трудом людей,
Неужели Вы не слышите стуки
Сердец, не спавших ночей?

1921

ДМИТРИЙ СЕМЕНОВСКИЙ

КИТАЙЧОНОК

О, чужбина с зимою морозной и длинной,
С непонятной молвой, с безучастной толпой,
Нудный труд в городской суете муравьиной
И слепые копейки подачки скупой!
Вот он в чайной туманной неловко приплясывает
Заунывною песней о солнце тужа,
И бросает, и ловит, и снова подбрасывает
В синь табачного чада четыре ножа.

В думах — синие реки и рощи Китая,
Дни нужды и усталая, грустная мать.
Он крепился, домашний порог покидая,
И сумел закипавшие слезы унять.
Плакать — после... О, скука, глухая, отчаянная!
Далека материнского поля межа.
Равнодушно шумит запотевшая чайная,
И мелькают, мелькают четыре ножа.

1915

* * *

То не жар ли птица
Нароняла пуха
На полях у нас?
Дробно серебрится
И сверкает сухо
Непримятый наст.

В инее мохнатом
Призраки-березы
Стынут у дорог.
Тихо по раскатам
Тянутся обозы,
Жжется ветерок.

В месячные ночи
Выманит из дома
Переливный блеск, —
Сиверко жесточе,
Голубее дрема
И грознее лес.

На дворе к скотине,
К курам на нашесте
Крадется мороз.
Белым пухом иней
По коровьей шерсти
За вечер нарос.

Гляну в час полночный
Из-под занавески

В мерзлое окно:
Под луной молочной
Все в алмазном блеске
Стелется гумно.

Тихо, ясно, глухо.
И опять примнится
В этот поздний час:
То краса жар-птица
Нароняла пуха
Под окном у нас.

1916

* * *

Я знаю, что солнце, веселое солнце,
Сияет во всём, обитает во всех.
Зимой засверкает в алмазном оконце,
Под осень затеплится в рыжем овсе.

Оно переплавилось в колос и волос,
Оно притаилось во всяком из нас.
Оно остриями лучей прокололось
Из карих и серых девических глаз.

Я вижу его над своими путями,
Я с солнцем встаю, я под солнцем живу.
Сливаюсь с лучами, листьями, цветами,
Влюбляюсь в людей и тянусь в синеву.

Когда же дышать и желать перестану,
Меня золотистым засыпят песком,
Но, кажется, я и тогда не устану
Тянуться под солнце упрямым ростком.

<1919>

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

* * *

Все бездыханней, все желтей
Пустое небо. Там у ската
На бледной коже след когтей
Отпламеневшего заката.

Из урны греческой не бьет
Струя и сумрак не тревожит,
Свирель двухтонная поет
Последний раз в году, быть может!

И ветер с севера, свища,
Летает в парке, дик и злостен,
Срывая золото с плаща,
Тобою вышитого, осень.

Взволнован тлением, стою
И, словно музыку глухую,
Я душу смутную мою
Как перед смертным часом — чую.

1913—1914

* * *

Поблекшим золотом, холодной синевой
Осенний вечер светит над Невой.

Кидают фонари на волны блеск неяркий,
И зыблются слегка у набережной барки.

Угрюмый лодочник, оставь свое весло!
Мне хочется, чтоб нас течение несло.
Отдаться сладостно вполне душою смутной
Заката блеклого гармонии минутной.

И волны плещутся о темные борта.
Слилась с действительностью легкая мечта.
Шум города затих. Тоски распались узы.
И чувствует душа прикосновенье Музы.

1913—1914

* * *

Я не любим никем! Пустая осень!
Нагие ветки средь лимонной мглы.
А за киотом дряхлые колосья
Висят пропылены и тяжелы.

Я ненавижу полумглу сырую
Осенних чувств и бред гоню, как сон.
Я щеточкою ногти полирую
И слушаю старинный полифон.

Фальшивит нежно музыка глухая
О счастье несбыточных людей
У озера, где, вод не колыхая,
Скользят стада бездушных лебедей.

<1913—1914>

Беспокойно сегодня мое одиночество —
У портрета стою — и томит тишина.
Мой прапрадед Василий — не вспомню я отчества —
Как живой, прямо в душу глядит с полотна.

Темно-синий камзол отставного военного,
Арапчонок у ног и турецкий кальян.
В заскорузлой руке — серебристого пенного
Круглый ковш. Только видно, помещик не пьян.

Хмурит брови седые над взорами карими,
Опустились морщины у темного рта.
Эта грудь, уцелев под столькими ударами
Неприятельских шашек, — тоской налита.

Что ж? На старости лет с сыновьями не справиться,
Иль плечам тяжелы прожитые года,
Иль до смерти мила крепостная красавица,
Что завистник-сосед не продаст никогда?

Нет, иное томит. Как сквозь полог затученный
Прорезается белое пламя луны, —
Тихий призрак встает в подземелье замученной
Неповинной страдальицы — первой жены.

Не избыть этой муки в разгуле неистовом,
Не залить угрызения влагой хмельной...
Запершись в кабинете — покончил бы выстрелом
С невеселой жизнью, — да в небе темно.

И теперь, заклеянный семейным преданием,
Как живой, как живой, он глядит с полотна,

Точно нету прощенья его злодеяниям,
И загробная жизнь, как земная, — черна.

<1914—1915>

* * *

Всё образует в жизни круг —
Слиянье уст, пожатье рук.
Закату вслед встает восход,
Роняет осень зрелый плод.
Танцуем легкий танец мы,
При свете ламп — не видим тьмы.
Равно — лужайка иль паркет —
Танцуй, монах, танцуй, поэт.
А ты, амур, стрелами рань —
И пастухи и колдуны,
Везде сердца — куда ни глянь.
Стремленью сладкому верны.
Весь мир — влюбленные одни.
Гасите медленно огни...
Пусть образует тайный круг —
Слиянье уст, пожатье рук!..

1914—1915

* * *

Весёлый ветер гонит лед,
А ночь весенняя — бледна,
Всю ночь стоять бы напролет
У озаренного окна.

Глядеть на волны и гранит
И слышать этот смутный гром
И видеть небо, что сквозит
То синевой, то серебром.

О, сердце, бейся волнам в лад,
Тревогой вешнею гори...
Луны серебряный закат
Сменяют отблески зари.
Летят и тают тени птиц
За крепость — в сумрак заревой.
И все светлее тонкий шпиц
Над дымно-розовой Невой.

<1915>

ИЗ ЦИКЛА «ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ»

3

М. Кузмину

Благословенные морозы
Крещенские, настали вы.
На окнах — ледяные розы
И крепче стали — лед Невы.

Свистят полозья... Синий голубь
Взлетает, чтобы снова сесть,
И светится на солнце прорубь,
Как полированная жость.

Пушинки легкие, не тая,
Мелькают в ясной вышине, —

Какая бодрость золотая
И жизнь и счастье во мне!

<1915>

* * *

Есть в литографиях старинных мастеров
Неизъяснимое, но явное дыханье:
Напев далеких волн, и шорохи дубров,
И разноцветных птиц на ветках колыханье.

Ты в лупу светлую внимательно смотри
На шпаги и плащи у старомодных франтов,
На пристань, где луна роняет янтари
И стрелки серебрят готических курантов.

Создания легкие искусства и ума,
Труд англичанина, и немца, и француза!
С желтеющих листов глядит на нас сама
Беспечной старины улыбчивая муза.

1916

* * *

Зеленою кровью дубов и могильной травы
Когда-нибудь станет любовников томная кровь,
И ветер, что им шелестел при разлуке: «Увы»,
«Увы», — прошумит над другими влюбленными вновь.

Прекрасное тело смешается с горстью песка,
И слезы в родной океан возвратятся назад...

— Моя дорогая, над нами бегут облака,
Звезда зеленеет, и черные ветки шумят!

Зачем же тогда веселее играет вино
И женские губы целуют хмельней и нежней
При мысли, что вскоре рассеяться им суждено
Летучею пылью, дождем, колыханьем ветвей...

1921

* * *

Погляди: бледно-синее небо покрыто звездами,
А холодное солнце еще над водою горит,
И большая дорога на запад ведет облаками
В золотые, как поздняя осень, сады Гесперид.

Дорогая моя, проходя по пустынной дороге,
Мы, усталые, сядем на камень и сладко вздохнем,
Наши волосы спутает ветер душистый, и ноги
Предзакатное солнце омоет прохладным огнем.

Будут волны шуметь, на печальную мель набегая,
Разнесется вдали заунывная песнь рыбака...
Это все оттого, что тебя я люблю, дорогая,
Больше теплого ветра, и воли, и морского песка.

В этом темном, глухом и торжественном мире — нас двое.
Больше нет никого. Больше нет ничего. Погляди:
Потемневшее солнце трепещет, как сердце живое,
Как живое влюбленное сердце, что бьется в груди.

1921

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

* * *

В столах, «по случаю приобретенных»
На распродажах и аукционах,
Их ящики осматривать люблю.
Пустые, пыльные внутри, снаружи —
Корявые, как лепесток от стужи,
Прервавшей ток питания по стеблю.

Что было в них? Бумаги, завещанья,
Стихи, цветы, любовные признанья, —
Всё сувениры — знак надежд и вер,
Рецепты, опий, кольца, деньги, жемчуг,
С головки сына похоронный венчик,
В последнюю минуту — револьвер?

Что захочу... О чем лишь промечтаю, —
И знаю: было так. Когда сметаю
С покупки севшую обильно пыль,
Взвиваются пылинки и волнами
Вползают между тусклыми лучами
И пляшут легкую и быструю кадрили.

А ночью залезают в мозг и в душу,
И шепчет каждая: «Я не нарушу
Твой сон, но ты внимательней смотри»...

И каждая рисует мир пред мною,
Проникнутый той самою тоскою,
Что скрыта в ящике была, внутри...

<1916>

* * *

Прибой на гравии прибрежном
И парус, полный ветерком,
И трубка пенковая с нежным
Благоуханным табаком.

А сзади в переулках старых
Густеют сумерки. Столы
Расставлены на тротуарах.
Вечерний чай. Цветов узлы.

Черешен сладостные груди.
Наколки кружевные дам.
И мягкий перезвон посуды
Аккомпанирует словам.

И так доступно измененье
Девятисот на восемьсот,
Где жизнь застыла без движенья
И время дале не идет.

И радостью волнует райской,
Что впереди — свершенья лет,
И что фонтан Бахчисарайский
Лишь будет в будущем воспет.

1917

* * *

Вон парус виден. Ветер дует с юга.
И, значит, правда: к нам плывет
Высокогрудая турецкая фелюга
И золотой тяжелый хлеб везет.

И к пристани спешим, друг друга обгоняя:
Так сладко вскрыть мешок тугой,
Отборное зерно перебирая
Изголодавшейся рукой.

И опьяненные сказанья возникают
В Тавриде нищей — о стране,
Где злаки тучные блистают,
Где гроздья рдяный сок роняют,
Где апельсины отвисают,
Где оседает золото в руне.

Придет поэт. И снова Арго старый
Звон подвига в упругий стих вольет.
И правнук наш, одетый смутной чарой,
О нашем времени томительно вздохнет.

1919

МАРИЯ ЛЁВБЕРГ

* * *

Удлинила брови черной краской,
Напоила взгляд кошачьей лаской,
Синее надела кимоно.
Посмотрев задумчиво в окно,
Прошептала: «чай — мое вино»,
И решила, что она в Китае.

Перед нею чашка золотая.
Нарисованный китаец, полный грез,
Улыбается, о родине мечтая...
У нее в прическе, вместо роз,
Притаилось золото мимоз.

Мы вдвоем, серьезные, как дети,
Сочиняем вместе сказки эти.
Настоящей жизни больше нет.
Мы, баюкая молчанием наш бред,
Задвигаем шторы на рассвете.

1915

ДИАЛОГ

«Вам не нравится,
Что я крашу пасхальные яйца,
Запачкал зеленым манжеты?»

— Рыцари знают сами,
Что нравится Даме.
«Я знаю, Дама любит сонеты...
Но ведь я не рыцарь Ваш,
Только паж».

— Настоящий паж из сказки
Никогда не красит яйца
Перед Пасхой.

То была страстная пятница.
1916

* * *

Эле Р.

Он потушил мою лампадку,
Он грусть последнюю унес.
«Моя любовь, не надо слез,
Ведь послезавтра будут святки!»

Так значит, надо домино
Кроить из черного атласа?
И сок душистый ананаса
Вливать в бургундское вино?

И повторять: «печали нет»,
И знать, что тихий свет не нужен:
Он только в горести жемчужин
И в ласке старых ариэтт.

Молить о счастье перед сном
Не надо больше. Скоро святки.
Я, может быть, мою лампадку
Зажечь сумею и потом.

1915

* * *

Чуждых образов проходит вереница,
Я спокойнее, чем бледный свет зари...
От меня ушли живые лица,
Повторяя тихое «умри».

Я поверил в гордую измену —
Отреченья сладок странный яд.
Но и ты, мой юноша надменный,
Ты ушел, мой брат.

И в последний раз, с тоской тревожной,
Я смотрю на запертую дверь.
Я совсем один. Совсем свободен. Боже,
Ведь я Твой теперь?

1915

* * *

Отравили нежные стихи...
Что с тобою делать мне теперь?
О заре пропели петухи.
Скрипнула незапертая дверь.

День начнется скоро, полный шума,
Прозвучат обычные слова.
Ты, мой друг, найдешь меня угрюмым,
Я один уйду на острова.

Потому что слаще нет отравы,
Чем печаль звенящая стихов.
Все соблазны тонки и лукавы
В ритме слов.

1916

СЕРАФИМА МАДАТОВА

* * *

Занесенное поле, как берег туманный,
Перекресток военных дорог,
Шум тяжелых обозов, и крест деревянный
С польской надписью: «Смилуйся Бог».

И следов одиноких, следов только наших
Отпечаток на белом снегу,
И на снежной равнине так жуток, так страшен
Поцелуй обезумевших губ.

Все равно, я сейчас ни о чем не заплачу,
Он молчит, он не знает, он ждет...
Мы идем как слепые; идем наудачу,
Против воли — вперед и вперед.

1920

* * *

Я прижалась щекою к дивану зеленому,
Закрывает лицо бахрома...
Как отрадно прийти к человеку влюбленному,
Даже если не любишь сама.

И холодные руки, устало покорные,
Поцелуюм его отдаю,
И в ответ на мольбы безнадежно-упорные
Говорю: «Может быть, полюблю».

* * *

Трудно поверить разлуке,
Но неизбежно...
Вы мне целуете руки
Ласково, нежно...
Странно смущаете взглядом,
Мысли читая...
С вами, безмолвная, рядом
Словно не та я...
Сердце от жизни устало,
С вами легко мне...
Что отвечая сказала —
Разве я помню?

1920

КОНСТАНТИН БОЛЬШАКОВ

ГОРОДСКАЯ ВЕСНА

Эсмерáми, вердо́ми труво́рит весна,
Лисилéя полей элило́й алиéлит.
Визизáми визáми снует тишина,
Поцелуясь в тишенные вéреллоэ трели,
Аксимéю, окса́ми зизáм изо сна,
Аксимéю, окса́ми засим изомелит.
Пенясь ласки велéми велáм веленá,
Лилалёт алилувые вéлеми мели.
Эсмерами, вердоми труворит весна,
Алиэль! Бескрылатость надкрылий пропели.
Эсмерáми, вердо́ми труворит весна.

<1913>

ПОСВЯЩЕНИЕ

По тротуару сердца на тротуары улицы,
В толь томленья прошедшим Вам,
Над ленью вечера, стихая над стихов амурницей,
Серп — золоченым словам.

Впетличив в сердце гвоздичной крови,
Синеозёрит усталым взором бульвар.

Все, кого солнце томленьем в постели ловит,
Фрукт изрубинит вазный пожар.

И Вам, о единственная, мои стихи приготовлены —
Метрдотель, улыбающий равнодушную люстру,
Разве может заранее ужин условленный
Сымпровизировать в улыбаться искусство.

Чтоб взоры были, скользя коленей, о нет, не близки,
А вы, как вечер, были ласковая.
Для Вас, о единственная, духи души разбрызгал,
Когда вы роняли улыбки, перчатку с сердца стаскивая.

1913

АВТОПОРТРЕТ

Ю. А. Эгерту

Влюбленный юноша с порочно-нежным взором,
Под смокингом легко развинченный брюнет,
С холодным блеском глаз, с изысканным пробором
И с перекинутым пальто душой поэт.

Улыбки грешной грусть по томности озерам
Порочными без слез глазами глаз рассвет
Мелькнет из глаз для глаз неуловимо-скорым
На миги вспыхнувший и обреченный свет.

Развинченный брюнет с изысканным пробором
Порочными без слез глазами глаз рассвет,
Влюбленный юноша с порочно-нежным взором
И с перекинутым пальто душой поэт.

Май 1914

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

МАНОН ЛЕСКО

Легкомысленности милый гений,
Как с тобою дышится легко.
Без измен, без нежных приключений
Кем бы ты была, Манон Леско?

Бабочка, ты вся в непостоянстве,
«Завтра» — вот единый твой закон, —
Роскоши, тюрьмы, почтовых странствий
Пестрый и неверный «фараон»,

О, как трогательно ты любила!
Сердце на холодном острие
Не тебе ль пылавшим подносила
Шпага кавалера де Грие.

И от поцелуя к поцелую
Розой ты тянулась, горяча?
Вот и я люблю тебя такую,
С родинкой у левого плеча.

Как не зачитаться вечерами,
Если в душном воздухе теплиц

Пахнет старомодными духами
С этих легкомысленных страниц!

1920

УТРО

Свежеет смятая подушка.
Лежу, не открывая глаз,
А деревянная кукушка
Прокуковала восемь раз.
Косым лучом у двери зала,
Пылясь, ложится ранний день.
Натягиваю одеяло —
Такая солнечная лень!
Да как уснешь! Навстречу блеску
Ресницы тянутся давно,
И ситцевую занавеску
Кольшет свежее окно.

<1921>

ГОСТИ

Опять неугомонная гитара,
И красный фельдшер с чувством, не спеша,
Поет «Камин», а в недрах самовара
Урчит самодовольная душа.
Две барышни смеются «по секрету»,
Воркуя над червонным королем.

Читаешь прошлогоднюю газету,
Рассматриваешь плюшевый альбом.
А там, в беседке, розан из батиста,
Лукавые ресницы урона,
Целует длинного семинариста
И шепчет: «Не сомни меня!»

<1921>

ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

Что может быть милей и проще, —
Когда еще прозрачен май,
К березовой причалить роще
И пить в тени вечерний чай!
В густой траве дымятся чашки —
Благоухающий огонь —
И золотистые букашки
Щекожут теплую ладонь.
Так нежно, со стаканом чая,
В струистой синеве костра,
Склоняется ко мне — не знаю —
Любимая или сестра.
И кажется, что это Счастье
Встает, спускается к реке.
А белое мелькает платье,
Как облако в березнике.

<1921>

БАЛЛАДА

Это было в глухое время,
Наяву ли, во сне — не знаю.
Ночью ставил я ногу в стремя
И давал жеребцу поводья.

А когда выгибал он шею,
Как я бил его толстой плетью,
Как боялся, что не успею
Перегнать грозовую темень!

Но земля широко стонала,
Отражая нас гулкой грудью,
Чаще звездное опахало,
Разжеваясь, роняло перья.

О, скорее! Не опоздать бы...
Я кричу, я глотаю ветер,
Это ночь нашей черной свадьбы
С той, которой сейчас не спится.

Если в башне огонь зеленый,
Если выйдет она навстречу, —
Мне не надо моей короны,
От меня отступился дьявол.

<1921>

АННА РЕГАТ

* * *

Я надышалась туберозой,
Впитала в душу сладкий яд.
Немой и жалобной угрозой
Глаза усталые горят.

О, девушки, какая сила
В изломе вялых лепестков!
Я так же белый плащ носила,
Не знала пламенных оков.

Но чары нет неотразимей
Мерцаний яда в том саду,
Куда зашла тропой незримой,
Где я была... куда приду...

* * *

Стадо вернулось с ревом и стоном,
Пылью покрытое липко-рыжей.
Тянет гармоника вой иступленный,
Танец бесстыжий.

Смутлые бабы, мерно гуторя,
День свой окончили, полный шума.

Господи, сколько в России горя,
Страшно подумать!

Сколько проехали мы селений,
Изб простых, резных и узорных,
Старых церквей, волостных правлений,
Въезжих и сборных.

Каждый дом — что темная келья,
Каждое сердце в саван одето.
Нету в России, нету веселья.
Радости нету.

<1918>

* * *

Деву святую писал богомаз,
Умер, и лик оставался без глаз.

Кто-то для церкви купил и сказал:
«Тот, кто захочет, увидит глаза».

В церковь вошла молодая жена,
Сердце изменой казнила она.

Видит тоскливо невидящий взгляд:
Девы незрячие очи горят.

Кто-то знакомый, такой же слепой,
С горечью горькой и с болью тупой.

Радость нашла молодая жена
В белых и страшных глазах полотна.

<1918>

ЛАРИСА РЕЙСНЕР

ЭРМИТАЖ

Сегодня, как вчера, озлобленно-усталый
Я отдохнуть пришел в безлюдный Эрмитаж.
И день благословил серебряный и талый,
Покрывший пепельной неясностью порталы,
Как матовым стеклом анатолийских ваз.

В упругой грации жеманного Кановы,
В жестокой наготы классических камней
Недвижно-радостных, мучительны и новы
Творящей красоты рельефные основы,
Мечты, почившие в безмолвии камней.

Как правильно дворца нарядные пороги
Лепного потолка усиливают гнет!
Не оживут однажды скованные боги
И никогда пожар бичующей тревоги
Любви дарящего полета не вернет.

<1915>

СОНЕТ

Рудину

Страдания последний монолог,
Живой обман, на истину похожий,

Становится печальнее и строже
И, наполняя болью каждый слог,
Уходит, как освобожденный бог,
Склониться у неведомых подножий.
Но ты — другой. Как нищий и прохожий,
Поэзии непонятой залог.
Всегда один, смешон и безрассуден,
На баррикадах умер Рудин.
Когда-нибудь нелицемерный суд
Окончит ненаписанные главы —
И падших имена произнесут
Широкие и полные октавы...

ПЕСНЯ КРАСНЫХ КРОВЯНЫХ ШАРИКОВ

Мы принесли, кровеносные пчелы,
Из потаенных глубин
На розоватый простор альвеолы
Жаждающих соков рубин.
Вечно гонимый ударом предсердий,
Наш беззаботный народ
Из океана вдыхаемой тверди
Солнечный пьет кислород.
Но, как посол торопливый и стойкий,
Радости долгой лишен —
Мы убегаем на пурпурной тройке,
Алый надев капюшон.

Там, где устали работать волокна,
Наш окрыленный прыжок
Бросит, как ветер в открытые окна,
Свой исступленный ожог.

<1915—1916>

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

* * *

Задымился вечер, дремлет кот на брусе,
Кто-то помолился: «Господи Иисусе».

Полыхают зори, курятся туманы,
Над резным окошком занавес багряный.

Вьются паутины с золотой повеи.
Где-томышь скребется в затворенной клетки..

У лесной поляны — в свяслах копны хлеба,
Ели, словно копыа, уперлися в небо.

Закадили дымом под рососою роши..
В сердце почивают тишина и мощи.

1912

КОРОЛЕВА

Пряный вечер. Гаснут зори.
По траве ползет туман.
У плетня на косогоре
Забелел твой сарафан.

В чарах звездного напева
Обомлели тополя.

Знаю, ждешь ты, королева,
Молодого короля.

Коромыслом серп двурогий
Плавню по небу скользит.
Там, за рощей, по дороге
Раздается звон копыт.

Скачет всадник загорелый,
Крепко держит повод. —
Увезет тебя он смело
В чужедальни города.

Пряный вечер. Гаснут зори.
Слышен четкий храп коня.
Ах, постой на косягове
Королевой у плетня.

<1913—1915>

* * *

Шел Господь пытаться людей в любви,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом, в дуброве,
Жамкал деснами зачерствелую пышку.

Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке, с клюшкою железной,
И подумал: «Вишь, какой убогой, —
Знать, от голода качается, болезный».

Подошел Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь...

И сказал старик, протягивая руку:
«На, пожуй... маленько крепче будешь»

1914

* * *

Гаснут красные крылья заката,
Тихо дремлют в тумане плетни.
Не тоскуй, моя белая хата,
Что опять мы одни и одни.

Чистит месяц в соломенной крыше
Обойменные синюю рога.
Не пошел я за ней и не вышел
Провожать за глухие стога.

Знаю, годы тревогу заглушат.
Эта боль, как и годы, пройдет.
И уста, и невинную душу
Для другого она бережет.

Не силен тот, кто радости просит,
Только гордые в силе живут.
А другой изомнет и забросит,
Как изъеденный сырью хомут.

Не с тоски я судьбы поджидаю,
Будет злобно крутить порошá.
И придет она к нашему краю
Обогреть своего малыша.

Снимет шубу и шали развяжет,
Примостится со мной у огня.

И спокойно и ласково скажет,
Что ребенок похож на меня.

<1916>

* * *

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Все ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи —
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.

Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

<1916>

* * *

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кушей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

1917

* * *

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок.
Где ты, где ты, отчий дом?

За рекой поет петух.
Там стада стерег пастух,
И светились из воды
Три далекие звезды.
За рекой поет петух.

Время — мельница с крылом —
Опускает за селом
Месяц маятником в рожь
Лить часов незримый дождь.
Время — мельница с крылом.

Этот дождик с сонмом стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок,
Золотой примял песок,
Этот дождик с сонмом стрел.

1917

* * *

Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат.

Здравствуй, золотое затишье.
С тенью березы в воде!
Галочья стоя на крыше
Служит вечерню звезде.

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.

Стелется синею рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!

1918

* * *

Мариенгофу

Я последний поэт деревни,
Скромнен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвою берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.

Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

<1920>

* * *

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город! ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.

Жилист мускул у дьявольской выи,
И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же? Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче колко,
Это песня звериных прав!..
... Так охотники травят волка,
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого недруга
Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даешься ножу!
Как и ты — я, отовсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.

Как и ты — я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отпробует вражеской крови
Мой последний, смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зароюсь в снегу...
Все же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

1921

АЛЕКСАНДР КУСИКОВ

* * *

Грустным тупозвоном в пятносинь потемок
Разбросался дождь по лужицам булавками.
Дрогнет и стучится мне в окно котенок —
Предосенний ветер — с перебитой лапкою.

Зачитаю душу строками Корана,
Опьяню свой страх евангельским вином —
Свою жизнь несу я жертвенным бараном
И распятым вздохом, зная об ином.

Знаю, что в нигде-то, в семьнебесной дали,
Мое имя шепчет звездный Зодиак.
Вот в туда мне вечность кузнечики сковали,
Стрекотаньем кузню свято затая.

Дрогнувший котенок — предосенний ветер
Мне в окно стучится с перебитой лапкою.
В пятносинь потемок, в предвечернем свете
Вколотил я тайну в лужицу булавками.

13 декабря 1919

* * *

Уносился день криком воронья,
Предвечерний час недвижимого дрожанья,

В этот час совы свой табун храня,
Познавал я мир в перекличном ржанье.

В этот час всего: грохота, тиши,
Хаоса, бессмертья, умиранья,
Я познал, что не пронзить души
И смертельно душу не изранить.

Раскололся шар огненно-литой,
Расплескалась кровь огромного граната —
Облак — белый конь в сбруе золотой —
Умирал в бою гремящего заката.

7 февраля 1920

* * *

Качанье ряби, облак тощий,
Зрачком умершим день застыл,
И грусть — березовая роща —
Роняет желтых слов листы.

Они улягутся в тропинки
Моих осенних первых строк,
И буквы хрупкие пылинки
Озолотят свой перескок.

Чирикнут рифмы воробьями
С горбатых крыш стихов моих...
О, ты душа, зеркальный пламень
Все отраженья затаи!

Март 1920

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

СТРАХ

Глухая степь. Далекий лай собак.
Весь небосклон пропитан лунным светом.
И в серебре небес заброшенный ветряк
Стоит зловещим силуэтом.

Бесшумно тень моя по лопухам скользит
И неотступно гонится за мною.
Вокруг сверчков хрустальный хор звенит,
Сияет жнивье под росой.

В душе растет немая скорбь и жуть.
В лучах луны вся степь белее снега.
До боли страшно мне. О, если б как-нибудь
Скорей добраться до ночлега!

1914

ЗВЕЗДЫ

В хрустальных нитях гололедицы
Садов мерцающий наряд.
Семь ярких звезд Большой Медведицы
На черном бархате горят.

Тиха, безлунна ночь морозная,
Но так торжественно ясна,
Как будто эта бездна звездная
Лучами звезд напоена.

На крышах снег, как фосфор, светится,
А на деревьях хрустали
Зажгла полночная Медведица,
И свет струится от земли.

Лицо, как жар, горит от холода,
Просторно, радостно в груди,
Что все вокруг светло и молодо;
Что столько счастья впереди!

В хрустальных нитях гололедицы
Средь оснеженных ив и верб,
Семь ярких звезд Большой Медведицы —
На черном бархате, как герб,

1915

ТИШИНА

Зацепивши листьев ворох
Легкой тростью на ходу,
Стал. И слышу нежный шорох
В умирающем саду.

Сквозь иголки темных сосен,
Сквозь багровый виноград
Золотит на солнце осень
Опустевший, тихий сад.

Воздух чист перед закатом.
Почернела клумба роз.
И в тумане синеватом
Первый слышится мороз.

А на вымокшей дорожке,
Где ледок светлей слюды,
Чьи-то маленькие ножки
Отпечатали следы.

1915

ПИСЬМО

Зимой по утренней заре
Я шел с твоим письмом в кармане.
По грудь в морозном серебре
Еловый лес стоял в тумане.

Всходило солнце. За бугром
Порозовело небо, стало
Глубоким, чистым, а кругом
Все очарованно молчало.

Я вынимал письмо. С тоской
Смотрел на милый, ломкий почерк
И видел лоб холодный твой
И детских губ упрямый очерк.

Твой голос весело звенел
Из каждой строчки светлым звоном,
А край небес, как жар, горел
За лесом, вьюгой заметным.

Я шел в каком-то полусне,
В густых сугробах вязли ноги,
И было странно видеть мне
Обозы, кухни на дороге,

Патрули, пушки, лошадей,
Пни, телефонный шнур на елях,
Землянки, возле них людей
В папах серых и шинелях.

Мне было странно, что война,
Что каждый миг — возможность смерти,
Когда на свете — ты одна
И милый почерк на конверте.
В лесу, среди простых крестов,
Пехота мерно шла рядами,
На острых кончиках штыков
Мигало солнце огоньками.

Над лесом плыл кадильный дым.
В лесу стоял смолистый запах,
И снег был хрупко-голубым
У старых елей в синих лапах.

1916

Действующая армия

У ОРУДИЯ

Взлетит зеленой звездочкой ракета
И ярким, лунным светом обольет

Блиндаж, землянку, контуры лафета,
Колеса, щит и, тая, — упадет.

Безлюдье. Тишь. Лишь сонные патрули
Разбудят ночь внезапной стрельбой,
Да им в ответ две-три шальные пули
Со свистом пролетят над головой.

Стою и думаю о ласковом, о милом,
Покинутом на теплых берегах.
Такая тишь, что кровь, струясь по жилам,
Звенит, поет, как музыка в ушах.

Звенит, поет. И чудится так живо:
Звонят сверчки. Ночь. Звезды. Я один.
Росою налита, благоухает нива.
Прозрачный пар встает со дна лошин.

Я счастлив оттого, что путь идет полями,
И я любим, и в небе Млечный Путь,
И нежно пахнут вашими духами
Моя рука, и волосы, и грудь.

1916

Действующая армия

ЕЛЕНА ДАНЬКО

* * *

Напряженно боится ухо —
Вот опять донесется глухо —
Залп через стены.
Громче грома — хоть слышен едва,
Каждой ночью — всегда ровно в два —
Залп неизменный.
Не помнить, не слышать,
Душа б улетела,
Тише,
Не бойся, лежи, не дыши —
За домом опять латыши
Взяли к приделу.
Залпом отмечены два часа,
Кровенеют зарей небеса,
Кровавая всходит роса,
Проступает на мертвом теле...
Кому мне боль прорыдать,
Кому «не надо» кричать,
О, Боже, Тебе ли?

1918

* * *

Облака несутся дождевые,
Резкий ветер поднимает пыль,
И священник приступил к литии,
Рваную надев епитрахиль.

И над гробом, как дыхание Божье,
Благодатны ладан и мольба,
«Батюшка, ты слышал ли, в Поволжье
Солнцем выжжены хлеба?»

Беспощаден, безысходен зной,
Ни одной травинки не растет...
Ты о всех, кто в августе умрет,
Не успеешь спеть за упокой».

Июнь 1921

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

Здесь, меж картонными домами,
Когда фонарики зажгут,
Мои легкие стихами
Марионетки речь ведут.

Мир заколдованной минутой
Не страшен — кроткий и смешной —
Лишь сердце — ниток не запутай,
Тебе назначенных судьбой.

Не скучный жребий, не тяжелый,
Не перечислить всех затей.

Ах, революций шум веселый!
Ах, легкость кукольных страстей!

И ты, — творец иль разрушитель,
Свое усердие удвой.
И не гадай, кто тихий Зритель,
Следящий за твоей игрой.

1921

ВЯЧЕСЛАВ КОВАЛЕВСКИЙ

* * *

Ты, безвременье дней, возврати мою душу.
Ветер грушу качнул, а над ней
Облака обозначили дальнюю сушу.
Пой, тоска, про печальную душу полей.

Отпусти, пожалей. Не протягивай руки
В час разлуки, косматая ель. Все темней
Вьют кудель у излуки реки мои муки.
В остриях осоки коростель все слышней.

Ветер дней, о, развей мое горькое горе.
Дышит вечер в лицо. Все грустней и грустней
Шепчет небу камыш, в бирюзовое море,
Вторя хлебу полей, над могилою дней.

<1919>

* * *

Качайся, качайся, качайся под мертвой луной чернобыль.
С нагими ветрами лобзайся бездомный бродяга — бобыль.
Любил ты вечерние песни и в сумерках час тишины...
А ночь всё безмерней, чудесней под мертвенным взором луны.

В дырявой, холщовой котомке остались одни сухари.
В яру желтоглазые волки провоют до самой зари.

Не так-то близка и могила, и сумка оттянет плечо. —
Поплачь же в безлюдьи о милой — лобзала она горячо.

Луна закачалась над полем. Качнулся седой чернобыль.
Плачь, плачь о безрадостной доле бездомный бродяга — бобыль.

ИЗ ЦИКЛА «УСТАЛОСТЬ. ТАНКИ»

* * *

Вот я и дома.
Томиться надеждами
Сердце устало. —
Глухо в темницу идет, —
Просит: «За мной затвори».

АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ

* * *

Сказка, присказка, быль,
Небыль.
Не знаю... Неугомонные
Тильтиль и Митиль —
Ищем любовь: «Там, там — вон
На верхушках осин, сосен!»
А она, небось,
Красноперая
Давным-давно улетела в озера
Далекого неба.

1918

* * *

Приду. Протяну ладони.
Скажу:
— Люби. Возьми. Твой. Единый...
У тебя глаза, как на иконе
У Магдалины,
А сердце холодное, книжное
И лживое, как шут...

Скорей, скорее: «нет, не люби!» — кинь,
Как булыжник.
Аминь.

1918

ТУЧЕЛЕТ

Из черного ведра сентябрь льет
Туманов тяжесть
И тяжесть вод.
Ах, тучелета
Вечен звон
О неба жечь.

Язык
Не вяжет в стих
Серебряное лыко,
Ломается перо — поэта верный посох.
Приди и боль разуй. Уйду босой.
Приди, чтоб увести.

Благодарю за слепоту.
Любви игольчатая ветвь,
Ты выхлестнула голубые яблоки.
Сладка мне тень закрытых зябко век,

Незрячие глаза легки,
Я за тобой иду.

Рука младенческая радости
Спокойно крестит

Белый лоб.
Дай в веру верить.
То, что приплыло,
Теряет всяческую меру.

1920

ОБ АВТОРАХ

Алексей Михайлович ЖЕМЧУЖНИКОВ **1821—1908**

Поэт, публицист; с 1900 — почетный академик Императорской Академии наук. Один из создателей Козьмы Пруткова. Литературной деятельностью занимался с молодости, но первый поэтический сборник выпустил только в 1892 (удостоен в 1893 высшей российской литературной награды, премии имени А.С. Пушкина — Пушкинской премии). Имел репутацию лидера гражданского направления в русской поэзии, что не отражало действительный творческий охват его лирики, где самобытно развиваются пейзажные темы, философская проблематика.

Константин Константинович СЛУЧЕВСКИЙ **1837—1904**

Поэт, прозаик, государственный деятель. В 1891—1902 — редактор «Правительственного Вестника». Сочетал государственную службу с активной литературной деятельностью. «Смех в рыдании и тихий плач в веселии», — вот его творческое самоопределение. Признан одним из предшественников и зачинателей поэзии Серебряного века. Дважды (1895, 1899) удостоен Пушкинской премии — как прозаик и за творческие достижения в целом.

Арсений Аркадьевич ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ
1848—1913

Граф, занимал крупные посты; с 1895 и до кончины возглавлял личную канцелярию императрицы Марии Федоровны. Поэт, почетный академик (1900). Следовал традициям «чистого искусства». Удостоен Пушкинской премии (1894).

Владимир Сергеевич СОЛОВЬЁВ
1853—1900

Крупнейший русский интеллектуал последней четверти XIX века, философ, эссеист, критик, переводчик. Сын историка С.М. Соловьева; старший брат поэтессы Поликсены Соловьевой, дядя поэта Сергея Соловьева. В его наследии поэзия занимает небольшое по объему место, но некоторые стихотворения Соловьева стали провозвестиями нарождающегося символизма. При этом у него есть и пародии на символистов.

Иннокентий Фёдорович АННЕНСКИЙ
1855—1909

Поэт, драматург, критик, переводчик, педагог. После окончания Петербургского университета до конца жизни служил по ведомству Министерства народного просвещения, был директором Николаевской гимназии в Царском Селе; среди его учеников были будущие поэты Н. Гумилев и Сергей Горный и др. В 1904 под псевдонимом «Ник. Т-о» выпустил стихотворную книгу «Тихие песни», а в 1906 — сборник литературно-критических статей «Книга отражений» (в 1909 — «Вторую книгу отражений»), получившие признание только после кончины Анненского. «...он шел одновременно по стольким дорогам! Он нес в себе столько нового, что все новаторы оказывались ему сродни!» (А. Ахматова). В 1910-х годах в поэтических кругах возник

своеобразный культ Анненского, многие, в их числе Мандельштам, Пастернак, Адамович, Георгий Иванов, признавали в нем своего учителя.

Константин Михайлович ФОФАНОВ
1862—1911

Этот поэт, автор жизнерадостных, светлых по своим тонам произведений, появился, когда в русской литературе господствовала лирика «сумерек». Был он по достоинству оценен Брюсовым и Бальмонтом, но критика, не понимая фофановские поиски новых, свободных от социологизации путей в поэзии, причисляла его к декадентам. На стихи Фофанова написано множество песен и романсов. Скончался в нищете.

Фёдор СОЛОГУБ
1863—1927

Литературное имя Федора Кузьмича Тетерникова. Символист старшего поколения, при этом то и дело выламывающийся из границ поэтических движений. Много лет преподавал математику в гимназии. Горький высоко ценил Сологуба-художника, создавшего шедевры в поэзии и в прозе, но отмечал, что он талантливейше выразил именно пессимистическое мирозерцание.

Падение самодержавия Сологуб воспринял с удовлетворением, но к октябрьскому перевороту отнесся отрицательно. В советское время занимался переводами.

Николай Максимович МИНСКИЙ
1856—1937

Литературный псевдоним Виленкина. Начинал в традициях народнической поэзии, затем стал воплощать в своей лирике идеи суверенности творчества, а в итоге одним из первых художественно выра-

зил философию символизма (сборник «Новые песни», 1901). В 1905, ощутив себя «ставленником пролетариата», принял участие в большевистских авантюрах и вынужден был, под угрозой суда, нелегально покинуть Россию. С тех пор почти безвыездно жил в Европе. В 1930-х отошел от литературы.

Ольга Николаевна ЧЮМИНА **1864—1909**

Как поэтесса и переводчица пять раз (1899, 1901, 1905, 1907, 1909) отмечалась Пушкинскими премиями разных степеней. В поэтическом творчестве находилась на грани между эпигонством лирики 1880-х годов и попытками обновить классическую традицию, в том числе путем пробы ее на прочность в парафразах классики.

Дмитрий Сергеевич МЕРЕЖКОВСКИЙ **1865—1941**

Крупнейший русский писатель и общественно-литературный деятель XX столетия; духовный и художественный предводитель творческих сил, объединившихся в стремлении обновить русскую литературу и искусство, что и создало в итоге феномен Серебряного века. Еще в 1905 году в статье «Грядущий Хам» предостерегал общество от попустительства социал-радикализму, и прежде всего поднимавшему голову большевизму, чреватому национальной катастрофой.

В 1920 вместе с женой Зинаидой Гиппиус тайно покинул советскую Россию. В изгнании продолжил литературные труды, сочетая их с публицистической деятельностью борца с большевизмом.

Вячеслав Иванович ИВАНОВ **1866—1949**

Поэт, мыслитель, филолог, один из вождей литературного и культурного обновления в России конца XIX—XX вв. В 1924 году выехал за границу, но сохранял лояльное отношение к большевизмской власти.

Лидия Дмитриевна ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ
1866—1907

Настоящая фамилия Зиновьева. В историю русской литературы вошла как автор произведений, обвиненных в безнравственности, хотя в них отразилась, прежде всего, попытка автора постичь противоречия человеческого сознания, выйти за рамки религиозного миропонимания. Жена поэта Вячеслава Иванова, она стала хозяйкой знаменитого литературного салона в «башне» на Таврической улице в Петербурге, где «создавала атмосферу даровитой женственности» (слова Н.А. Бердяева). Умерла от скарлатины, заразившись во время ухода за больными крестьянами.

Поликсена Сергеевна СОЛОВЬЁВА
1867—1924

Писала под псевдонимом Allegro. Занималась живописью, печаталась как поэтесса в символистских изданиях. Автор многих произведений для детей.

Константин Дмитриевич БАЛЬМОНТ
1867—1942

Один из лидеров «старших символистов», способствовавший преобразованиям в русском стихосложении. Вместе с В.Я. Брюсовым и переводчиком С.А. Поляковым создал в Москве издательство «Скорпион», ставшее на долгое время центром русского символизма. Себя Бальмонт называл «поэтом “Скорпиона”». Много занимался переводами, литературной критикой. Неоднократно участвовал в политических выступлениях леворадикальных сил, преследовался властями.

В 1918 выступил с книгой «Революционер я или нет?», где осудил большевиков как разрушителей мира и подавителей личности. В 1920 покинул Россию. В последние годы жизни у Бальмонта обострились психические расстройства — недуг, преследовавший его с юности.

Аполлон Аполлонович КОРИНФСКИЙ **1868—1937**

Имя и фамилия подлинные, воспринятые от отца и деда, крестьянина-мордвина, получившего звучное наименование за живописный талант. В гимназии учился в одном классе с Владимиром Ульяновым. Литературное наследие Коринфского огромно, но творчески малоинтересно. Суть его художественных и человеческих устремлений хорошо передана в словах Бунина: «...искренняя, ставшая второй натурой жизнь в каком-то ложно-русском древнем стиле».

При «архинасильническом режиме», как Коринфский называл советскую власть, от литературы отошел, в последние годы жизни работал корректором.

Варвара Григорьевна МАЛАХИЕВА-МИРОВИЧ **1869—1954**

Поэтесса, критик, детская писательница. Принадлежит к старинному дворянскому роду Мировичей. В лирике стремилась передать мотив таинственных глубин бытия, разверзающихся перед религиозно обездоленной душой современника. В советское время писала стихи и рассказы для детей; много лет вела дневник (неопубликован).

Зинаида Николаевна ГИППИУС **1869—1945**

Поэтесса, прозаик, литературный критик. Вместе с мужем, Д.С. Мережковским, в дооктябрьское время была в кругу мастеров, определивших литературное лицо эпохи, названной Серебряным веком. Восприняв события 1917 года как «свяотатство» и национальную катастрофу, супруги покинули Россию.

В изгнании — убежденные противники большевизма как крайней формы тоталитаризма XX века. В годы Второй мировой войны Гиппиус в кругах русского зарубежья была известна своими антигитлеровскими взглядами.

Мирра (Мария) Александровна ЛОХВИЦКАЯ **1869—1905**

В замужестве — Жибер. Поэтесса, мгновенно обретшая всероссийскую славу, вначале имевшую скандальный оттенок, но со временем объясненную даром Лохвицкой искренне и художественно ярко выразить во всей полноте мир женщины. Создавая в стихах образ чувственной, безудержной вакханки, Лохвицкая в жизни была хозяйкой большого семейства, имела пятерых детей, «большая домоседка», по словам Бунина, высоко ценившего ее творчество. Скончалась от туберкулеза. Дважды удостоена Пушкинской премии.

Иван Алексеевич БУНИН **1870—1953**

Классик русской литературы XX века. Считал себя прежде всего поэтом. Дважды был удостоен Пушкинской премии и оба раза как поэт: в 1903 году — за сборник стихотворений «Листопад» и перевод «Песни о Гайавате»; в 1909 году — также за стихотворения и за переводы А. Теннисона и Д. Байрона. Признавал, что его поэзия и проза нераздельны: изменяется только «сила напряжения» свойственной его творчеству «одной и той же ритмики».

С 1920 в изгнании, жил во Франции. Первый русский лауреат Нобелевской премии по литературе (1933).

Александр Николаевич ЕМЕЛЬЯНОВ-КОХАНСКИЙ **1871—1936**

Настоящая фамилия — Емельянов. Талантливый юморист, он быстро поставил новые литературные формы на службу собственным литературным мистификациям, пародиям и т.п. Первым — в своем скандальном стихотворном сборнике «Обнаженные нервы» (1895) — объявил себя декадентом. Фактически в его лице одновременно с манифестацией Серебряного века возникла его самокритика. Автор многочисленных эротических произведений в прозе.

В советское время от литературной деятельности отошел.

Вера Ивановна РУДИЧ
1872 — после 1940

Поэтесса-традиционалистка, с сильными религиозными мотивами в лирике. В 1908 за второй сборник своих стихотворений была удостоена Пушкинской премии. Увлекалась теософией. После 1917 отошла от литературы.

Михаил Алексеевич КУЗМИН
1872—1936

Известный литературный деятель Серебряного века, оставивший разнообразное по жанрам и стилю наследие. Вместе с тем тематически оно малоинтересно, что, вероятно, связано с обстоятельствами личной жизни Кузмина, его гомосексуализмом, закономерно приведшим к утрате целостного восприятия жизни.

В советское время безуспешно пытался вписать свою литературную работу в систему новой власти. При большевицких репрессиях уцелел.

Тэффи
1872—1952

Литературное имя Надежды Александровны Лохвицкой, в замужестве Бучинской. Младшая сестра поэтессы Мирры Лохвицкой. Уже в зрелом возрасте стремительно вошла в литературу как мастер юмористики, прозаической и стихотворной. В послеоктябрьском изгнании творческий диапазон Тэффи расширился, сегодня она занимает свое самобытное, но не вполне еще оцененное место в классическом ряду русской литературы XX века.

Юргис Казимирович БАЛТРУШАЙТИС
1873—1944

Поэт-символист; до 1920-х годов писал на русском; также на литовском языке. Будучи полиглотом, много переводил, достигнув высот в этом искусстве.

После 1917 был на дипломатической работе (полномочный представитель Литовской республики в РСФСР-СССР). Есть легенда, что в 1944 известие о его смерти было мнимым: в действительности Балтрушайтис тайно ушел в монастырь.

Татьяна Львовна ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК
1874—1952

Правнучка актера М.С. Щепкина, памяти которого и посвятила свои первые опубликованные стихи. Дебютировала как драматург. Ее лирика, написанная в традиционной манере, пользовалась большой популярностью у читателей, а стихотворение «От павших твердынь Порт-Артура...» (1905) обрело известность как народная песня. Близкая подруга Александры Коллонтай.

В советское время продолжила свою деятельность переводчицы мировой драматургии, оставила мемуары.

Валерий Яковлевич БРЮСОВ
1873—1924

Крупнейший литературный деятель Серебряного века; поэт-экспериментатор, лидер символистского движения.

В 1920 году вступил в большевицкую партию, согласно с установлениями новой российской власти занимался культурно-просветительской работой.

Валериан Валерианович БОРОДАЕВСКИЙ
1874 или 1875—1923

Горный инженер из дворян, помещик — земский деятель, после 1917 — служащий в советских учреждениях, Бородаевский сочетал эти свои труды с поэтическими занятиями. Достиг известности и признания у современников как продолжатель традиций философской лирики Боратынского и Тютчева.

Сергей Николаевич СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ
1875—1958

Свой долгий путь многопишущего литератора начинал со стихов, в которых получили отражение многие образные особенности Серебряного века. В советское время, несмотря на уединенную жизнь в Крыму, вошел в круг советских классиков: получил Сталинскую премию, был избран академиком АН СССР. Причиной этому — безбрежный роман-эпопея «Преображение России», написанный в полном соответствии с требованиями соцреализма. Автор стихотворного «Дневника поэта».

Владимир (Вольдемар) Васильевич ГИППИУС
1876—1941

Поэт, писатель, педагог. Брат литературоведа Вас.В. Гиппиуса, в фамильном родстве с Зинаидой Гиппиус. Долгие годы был гимназическим преподавателем словесности, среди его учеников — Мандельштам и Набоков (продолжал преподавательскую деятельность и в советское время). В творчестве стремился следовать собственной мифопоэтической концепции, в которой, наряду с идеей «разрушения эстетизма», главенствует стремление к синтезу общественных и религиозно-философских идеалов.

Александр Михайлович ДОБРОЛЮБОВ
1876—1945 /?/

С юности вступил на стезю странника, собирался стать монахом, увлекался сектантскими учениями, выступал против воинской повинности, неоднократно признавался «страдающим расстройством умственных способностей». К 1906 году создал секту добролюбовцев, жил в Сибири, а в советское время в Средней Азии, Азербайджане...

В середине 1940-х годов следы его теряются. Как творческая личность интересен своими попытками создать синтетическое искус-

ство, вбирающее в себя поэзию, музыку и живопись. Свою литературную деятельность подчинял своему любимому принципу самоосвобождения личности от «силы условий мирских».

Александр Александрович КОНДРАТЬЕВ
1876—1967

Поэт, прозаик, переводчик, критик. В литературе называл себя учеником Иннокентия Анненского. Интерес к античному миру и славянской мифологии сочетался у него с острым восприятием современности: писал для сатирических изданий, сотрудничал с символистами. Блок говорил о Кондратьеве: «Он совершенно целен, здоров, силен инстинктивной волей; всегда в пределах гармонии, не навязывается на тайну, но таинственен и глубок».

После 1917 жил под Ровно (территория в то время отошла к Польше), после Второй мировой войны в Западной Европе, затем в США.

Вера Александровна МЕРКУРЬЕВА
1876—1943

С юности страдая многими болезнями, преодолевала недуги в творчестве, создав самобытную лирику. Вяч. Иванов отмечал у нее «дарование необыкновенное» и при этом не принадлежащее «ни к одной из групп нашего новаторства».

В советское время публиковалась от случая к случаю, жила в бедности. Умерла в эвакуации.

Иван КОНЕВСКОЙ
1877—1901

Псевдоним Ивана Ивановича Ореуса. Свое литературное имя образовал от острова Коневец на Ладожском озере, что должно было символизировать единство русского и «вяряжского» начала в душе автора (предки его — выходцы из Швеции). Продолжал традиции русской медитативной лирики (Боратынский, Тютчев, Вл. Соловьев). Утонул, купаясь в реке Аа (Гауя).

Сергей Константинович МАКОВСКИЙ
1877—1962

Сын художника К.Е. Маковского. Известный в начале XX века искусствовед, организатор и редактор журнала «Аполлон» (1909—1917), крупнейшего издания Серебряного века. В поэтическом творчестве сочетал символистские новации с традициями русской медитативной лирики.

Оказавшись за рубежами России, стал одним из ярких деятелей русского зарубежья. Его перу принадлежат книги «Портреты современников» (1955) и «На Парнасе «Серебряного века»» (1962).

Иван Сергеевич РУКАВИШНИКОВ
1877—1930

Из старообрядческого рода купцов-миллионщиков. По профессии археолог. Ушел из семьи, занимался живописью. Писал стихи, прозу, пьесы. В поэзии развивался под влиянием современных французских лириков и «старших» символистов. Создатель т.н. «напевного стиха». В советское время много занимался стиховедением. Страдал алкоголизмом.

Максимилиан Александрович ВОЛОШИН
1877—1932

Настоящая фамилия Кириенко-Волошин. Поэт, художник, критик. Художественные труды Волошина, не очень заметные при его жизни, постепенно стали особой — и весомой частью — в наследии Серебряного века.

Елена (Элеонора) Генриховна ГУРО
1877—1913

Русская поэтесса-авангардистка, единственная женщина-кубофутуристка. Талантливая художница, книжный иллюстратор. Подлинную известность и литературную славу обрела уже после ранней кончины.

Георгий Иванович ЧУЛКОВ

1879—1939

Поэт, прозаик, теоретик позднего символизма.

В советское время продолжил активную литературную работу; многое осталось неопубликованным по цензурным причинам. Поздняя, также неопубликованная лирика Чулкова вызвана его чувством к балерине Л. Лебедевой.

В. РОПШИН

1879—1925

Псевдоним Бориса Викторовича Савинкова. По матери племянник художника Н.Я. Ярошенко. Крупнейший российский террорист; эсер. В годы Первой мировой войны — военный корреспондент при французской армии. Обширное литературное наследие Савинкова тематически связано с его политической деятельностью. Единственное собрание его стихотворений вышло в Париже (1931). Э. Гиппиус писала, что стихи Ропшина могут открыть читателю «новое о душе человека, о трагедии жизни и смерти». После октябрьского переворота один из деятельных организаторов антибольшевистского сопротивления. Есть предположение, что Савинков был убит в результате операции, разработанной органами ЧК-ОГПУ.

Виктор Иванович СТРАЖЕВ

1879—1950

Был гимназическим учителем В. Гофмана и В. Ходасевича, а в советское время в соавторстве написал школьный учебник по литературе XIX века, оценивавшийся специалистами как лучший из существовавших в те времена. В поэзии был подражателем и получил от Андрея Белого титул лидера поэтов «третьей волны» символизма, то есть вульгаризаторов. Но и у подражателей бывают хорошие стихотворения; тем более, что Стражев после 1910 года от занятий поэзией отошел.

Валентин Иннокентьевич КРИВИЧ

1880—1936

Настоящая фамилия Анненский — сын поэта И.Ф. Анненского. Его единственный стихотворный сборник «Цветотравы» (1912) в рукописи был знаком отцу, отметившему «верный вкус» и «отчетливую ясность» автора.

В советское время продолжал писать стихи, был литературным наставником молодых писателей, но эта его деятельность, по понятным причинам, осталась достоянием лишь узкого круга тайных интеллектуалов.

Саша ЧЁРНЫЙ

1880—1932

Литературное имя Александра Михайловича Гликберга. Крупнейший русский поэт-сатирик начала XX века, постоянный автор еженедельника «Сатирикон» (до апреля 1911). Выступал как детский писатель, переводил с немецкого.

После октябрьского переворота покинул Россию. В изгнании продолжал литературную работу, писал прозу (знаменитые ныне «Солдатские сказки» и др.). Жил на юге Франции; участвуя в тушении пожара, случившегося по соседству, почувствовал себя плохо; скоропостижно скончался.

Андрей БЕЛЫЙ

1880—1934

Псевдоним Бориса Николаевича Бугаева. Писатель универсального дарования, теоретик и практик русского символизма.

После 1917 в основном писал прозу, воспоминания, занимался литературоведческими исследованиями.

Александр Александрович БЛОК

1880—1921

Крупнейший лирик Серебряного века, творчество которого завершило период развития русской литературы, начатый Карамзиным и Пушкиным.

Александр Сергеевич ЧЕРЕМНОВ

1881—1919

Из рабочих. Участвовал в деятельности различных подпольных и антиправительственных групп. Выступал как поэт-сатирик на политические темы. Его литературным наставником был А.М. Горький.

Мария Михайловна ШКАПСКАЯ

1891—1952

Урожденная Андреевская. Основная тема ее самобытной лирики — материнство, «женская Голгофа», эмоциональный мир женщины в совокупности всех ее страстей, связанных с инстинктом продолжения рода. О зверствах Гражданской войны написала поэму «Ярь». В творческой практике часто отказывалась от разбивки стихотворений на строки при сохранении стиховой рифмы и ритма.

В советское время — известная журналистка. В дневнике отмечала: «Стихов сейчас больше не пишу — поэт я лирический, а нашей эпохе нужны иные, более суровые ноты».

Борис Александрович САДОВСКОЙ

1881—1952

Настоящая фамилия Садовский. Как поэт тяготел к символизму. Несмотря на тяжелый недуг (в 1916 Садовского разбил паралич), продолжал много писать до последних дней жизни.

Василий Алексеевич КОМАРОВСКИЙ
1881—1914

Граф, принадлежавший к известному дворянскому роду польского происхождения. При жизни выпустил единственный стихотворный сборник. Страдая наследственным недугом, скончался в психиатрической лечебнице во время припадка (возможно, покончил с собой). Известность пришла лишь посмертно: он был признан мастером русского сонета, лириком, сочетающим классические формы с трагическими проблемами современности.

Николай Владимирович НЕДОБРОВО
1882—1919

В его лирике, при ясности формы, заключено то, что сам автор называл «символически осознаваемым внутренним опытом». Метод «вчувствования» в поэзию, принятый Недоброво и выраженный, в частности, в статье «Анна Ахматова», высоко оценила ее героиня, называла пророческой (поэты были дружны). Скончался от туберкулеза.

Павел Александрович ФЛОРЕНСКИЙ
1882—1937

Выдающийся русский религиозный мыслитель, ученый. Учась на физико-математическом факультете, испытал значительное влияние философско-математического учения Н.В. Бугаева, отца Андрея Белого. В 1911 рукоположен в сан дьякона. В поэтическом творчестве Флоренского отразился переход от «без Бога» через «идеализм» к «Православию».

В советское время занимался научной, педагогической и производственной работой. С 1928 подвергался репрессиям. В 1937 расстрелян в ГУЛАГе.

Давид Давидович БУРЛЮК

1882—1967

Профессиональный художник, один из лидеров русского авангарда. В поэзии находился под влиянием французских поэтов, развивал эпатажные начала. В 1920 покинул Россию; живя в США и став издателем, пропагандировал советское искусство.

Вильгельм Александрович ЗОРГЕНФРЕЙ

1882—1938

Задумчивый друг Блока. Человечески был близок к символистам, но в творчестве стремился к непосредственной, внедекларативной передаче душевных переживаний. Автор достоверных и глубоких воспоминаний о Блоке.

В советское время занимался переводами, служил инженером-технологом. Был безвинно арестован и погиб в застенках НКВД.

Владимир Александрович ЮНГЕР

1883—1918

Поэт. Его творчество представлено сборником «Песни полей и комнат» (1911—1913). СПб, 1914.

Алексей Николаевич ТОЛСТОЙ

1883—1945

Относится к известному графскому роду, в послеоктябрьское время имел прозвище «Красный граф». Классик советской литературы, лауреат Сталинских премий, академик АН СССР. Как поэт выступал в молодости, в пору своего увлечения русским фольклором.

Василий Васильевич КАМЕНСКИЙ
1884—1961

Поэт, прозаик, драматург. Один из первых русских авиаторов. Был редактором первого футуристического сборника «Садок судей» (1910). Его стихотворения были отмечены Н. Гумилевым как подлинно новаторские. Каменский сосредоточил свои творческие усилия на погружении в языковую стихию и поиск новых выразительных средств поэтического языка, создание неологизмов.

После 1917 года активно занимался пропагандой футуризма как искусства, наиболее полно выражающего идеи новой власти. Много работал в разных жанрах, но наибольший успех имели его воспоминания. Вследствие тяжелой болезни в последние годы жизни был прикован к постели.

Сергей Митрофанович ГОРОДЕЦКИЙ
1884—1967

Как поэт первоначально находился под сильным влиянием *Блок*-а, затем стал искать собственную стилистику, русскую почву для символизма, изучая фольклор, прежде всего — деревенских детей. В дебютном сборнике «Ярь» (1907), принесшем ему громкий успех, попытался создать мифологический образ древнеславянской старины, воспеть неиссякаемость жизненной силы нации. Впоследствии примыкал к разным литературным направлениям.

В советское время писал книги для детей, подготовил новое, приведенное в соответствие с требованиями большевицкой идеологии, либретто оперы Глинки «Жизнь за царя», — «Иван Сусанин». Занимался переводами, преподавал в Литературном институте.

Любовь Никитична СТОЛИЦА
1884—1934

Урожденная Ершова. Ее пристрастие к русской старине, к славянской мифологии, языческим древностям критиковал Брюсов, но именно эта тематика помогла ей обрести свой поэтический голос (сти-

хотворения Столицы положены на музыку А. Гречаниновым и Р. Глиэром). Увлечение историей не мешало ей быть активисткой женского движения.

Спасаясь от большевистских преследований, бежала в 1920 за границу. В изгнании продолжала активную литературную деятельность.

Виктор (Виктор-Бальтазар-Эмиль) Викторович ГОФМАН 1884—1911

Сын мебельного фабриканта, австрийского подданного. Основываясь на опыте Константина Бальмонта разработал систему мелодических повторов в стихе, создав так называемую «гофмановскую интонацию». Во время путешествия, в состоянии внезапного психического расстройствa, покончил жизнь самоубийством.

Николай Алексеевич КЛЮЕВ 1884—1937

Был собирателем и знатоком фольклора, что повлияло на его поэтическое творчество, мастерски стилизованное под народные «песни» и «были», но вместе с тем сохраняющее отсвет книжной, современной Ключеву культуры. Певец патриархально-крестьянского *мира*, града Китежа, «поддонной» Руси, противостоящей индустриальному Западу.

Занимавшийся еще в начале XX века антиправительственной агитацией среди крестьян, Ключев с радостью встретил события 1917 года, но в конце концов его религиозные и общественные убеждения вошли в противоречия с большевистскими догмами. В 1934 выслан в Западную Сибирь. Расстрелян по постановлению томской «тройки» НКВД.

Сергей Михайлович СОЛОВЬЁВ
1885—1942

Относится к символистам младшего поколения. После 1917 занимался преимущественно переводами. В 1931 был арестован органами ЧК-ОГПУ, допросы привели его к психическому расстройству. Был помещен в психиатрическую больницу, где и закончил свои дни (больница после начала войны была эвакуирована в Казань).

Велимир ХЛЕБНИКОВ
1885—1922

Литературное имя Виктора Владимировича Хлебникова. Теоретик и практик русского авангардного искусства; футурист. В 1917 выдвинул идею о создании общества Председателей земного шара, состоящего из поэтов-тайновидцев, которые должны осуществить на планете программу мировой гармонии. Работал в советских информационных и политических учреждениях.

Юлиан Павлович АНИСИМОВ
1886—1940

Поэт, искусствовед. *Б. Пастернак* отмечал в его лирике «очагование любительства». Один из первых русских переводчиков Рильке.

Тихон Васильевич ЧУРИЛИН
1885—1946

Был актером Камерного театра. Как поэт печатался в изданиях разных направлений. Был близок к футуризму, увлекался заумью.

В советское время публиковался мало.

София Яковлевна ПАРНОК

1885—1933

Настоящая фамилия Парнох. Старшая сестра поэта Валентина Парнаха и поэтессы Елизаветы Тараховской. Ее признание 1910 года: «Я никогда, к сожалению, не была влюблена в мужчину», — нашло свое отражение и в лирике. В одной из рецензий того времени Парнок противопоставляется Мирре Лохвицкой и Зинаиде Гиппиус, как «полувесна и полуосень» — лету и зиме. М.А. Гаспаров назвал стихотворения Парнок «классицистическим вариантом общесимволистского стиля».

В советское время продолжала усиленно заниматься литературой, стихотворения этой поры отличает высокое мастерство и психологическая проникновенность. На жизнь зарабатывала переводами.

Николай Степанович ГУМИЛЁВ

1886—1921

Поэт, переводчик, критик. В 1910 женился на Анне Ахматовой; фактический брак продолжался до 1913. В годы Первой мировой войны воевал добровольцем в уланском полку; награжден двумя Георгиевскими крестами. По основательному мнению Д. Святуполк-Мирского, ввел в русскую поэзию «элемент мужественного романтизма».

Расстрелян большевиками по недоказанному обвинению в причастности к антиправительственному заговору.

Петр Петрович ПОТЕМКИН

1886—1926

В юности сблизился с символистами, но обрел себя как поэт-сатирик. Писал для детей. В 1920 вместе с семьей бежал из России. В изгнании продолжал активную литературную деятельность.

Владимир ПЯСТ
1886—1940

Настоящее имя Владимир Алексеевич Пестовский. Как поэт развивался под влиянием Брюсова и Блока; о последнем оставил воспоминания.

В советское время выпустил самобытную книгу «Современное стиховедение. Ритмика» (1931). Незадолго до смерти писал о себе: «К символистам я не принадлежу, а я без направления модернист, считающий себя импрессионистом, а следовательно, реалистом». Страдая онкологической болезнью, покончил с собой.

Александр Иванович ТИНЯКОВ
1886—1934

Литературный псевдоним «Одинокий». Считал литературную работу формой общественного паразитизма, быстро приобрел скандальную репутацию. Оставил разнообразное по жанрам литературное наследие (только недавно усилиями Н.А. Богомолова было выпущено его избранное — Тиняков А.И. (Одинокий). Стихотворения. Изд. 2-е, испр. и доп. М., Томск: Водолей, 1998).

В стихотворениях Тинякова Брюсов отмечал как достоинства «ясность, четкость образов и мелодичность стиха». В советское время, продолжая литературные занятия, Тиняков время от времени намеренно занимался нищенствованием, пока по доносу одного из писателей не был приговорен к трем годам заключения по обвинению в контрреволюционной агитации и пропаганде. Находился в Соловецких лагерях особого назначения.

Владислав Фелицианович ХОДАСЕВИЧ
1886—1939

Как поэт формировался самостоятельно, хотя некоторые черты стиля ранних сборников позволяют исследователям говорить о его близости к символистам и акмеистам.

После октябрьского переворота служил в советских культурно-просветительских учреждениях. В 1922 уехал из России в Европу для «поправления здоровья», но в 1925 решил в СССР не возвращаться. Стал одним из крупнейших литературных деятелей русского зарубежья.

Михаил Александрович ЗЕНКЕВИЧ
1886—1973

Поэт, переводчик. Считал себя вместе с Владимиром Нарбутом «левым флангом акмеизма», хотя, пожалуй, точнее в оценке его творчества был оказавший на Зенкевича значительное влияние философ Г.П. Федотов: главной темой поэта «является материя, косность ее, груз веков, лежащих на всем мире и давящих наше сознание каждую минуту... Он счастливо сумел ввести в поэзию элемент научности...». Известен как мастер творческого эпатажа, разрушитель литературных табу.

В советское время занимался переводами.

Алексей Елисеевич КРУЧЁНЫХ
1886—1968

Псевдоним: Александр Кручёных. Поэт-авангардист, теоретик футуризма. Благодаря стихотворению «Дыр бул щыл» обрел славу непревзойденного мастера зауми, когда смысловые ядра слов раздроблены в самоценные звуко-образы. С другой стороны, О.Мандельштам, критикуя словесные эксперименты Кручёных, предлагал «откинуть» его «вовсе не потому, что он левый и крайний, а потому, что есть же на свете просто ерунда».

В 1920-е годы продолжал активную литературную деятельность, впоследствии печататься перестал, занимался лишь библиографическими разысканиями.

Бenedикт Константинович ЛИВШИЦ
1886—1938

Участвовал в Первой мировой войне, был ранен, контужен; награжден Георгиевским крестом. Его стихи, отличавшиеся виртуозностью и эстетизмом, позволили Корнею Чуковскому называть Лившица «тайным парнасцем», напрасно примыкающим к футуризму.

В советское время занимался литературными переводами, выпустил книгу воспоминаний «Полутораглазый стрелец» (1933), которая навлекла на Лившица общественную травлю, закончившуюся арестом. Погиб в застенках НКВД.

Алексей Константинович ЛОЗИНА-ЛОЗИНСКИЙ
1886—1916

Полная фамилия Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский. Из старинного дворянского рода. Вследствие несчастного случая на охоте потерял ногу. Дважды пытался покончить жизнь самоубийством. В его лирике сочетаются урбанистические мотивы в духе Шарля Бодлера и «сатириконовский» юмор Саши Чёрного. Скончался, приняв морфий; в этих обстоятельствах записывал свои предсмертные ощущения.

Павел Александрович РАДИМОВ
1887—1967

Сын сельского священника. Природное, земледельческое и христианское — главное в его раннем творчестве. В советское время деятельно участвует в новых литературных организациях, приобретая окончательную репутацию крестьянского поэта.

Юрий Ананьевич СИДОРОВ
1887—1909

Студент Московского университета, активно занимавшийся поэтическими поисками, пробовал себя во многих формах. Знавшим его современникам представлялся олицетворением литературного юноши, самоотчужденного от повседневности. Ранняя кончина и выход посмертно сборника Сидорова (1910) окончательно закрепили эту его репутацию в истории русской литературы.

Александр Васильевич ШИРЯЕВЕЦ
1887—1924

Настоящая фамилия Абрамов. Его литературными предшественниками надо считать А. Кольцова и И. Сурикова. Из современников особенно близок с С. Есениным. Избегая стилизации, следовал жанровым традициям народной поэзии.

Октябрьский переворот не принял: «...жду, что скажет не фабричная,

считающаяся только с Карлом Марксом Русь, а Русь деревенская, земледельческая, и заранее отдаю ей мои симпатии, ибо только в ней живая сила». Скоропостижно скончался от воспаления мозга. Памяти Ширяевца Есенин посвятил стихотворение «Мы теперь уходим понемногу...»

Игорь-СЕВЕРЯНИН **1887—1941**

Литературное имя Игоря Васильевича Лотарёва. С 1911 возглавил движение эгофутуризма, затем примкнул к кубофутуристам. 27 февраля 1918 на вечере «Избрание короля поэтов» в московском Политехническом музее одержал победу в поэтическом состязании над Маяковским и был объявлен Королем поэтов. Жил в Эстляндии и когда она превратилась в государство, принял эстонское гражданство. При этом, в духе своего литературного поведения, на вопрос советского полпреда, эмигрант ли он, ответил: «Прежде всего я не эмигрант. И не беженец. Я просто дачник. С 1918 года». После присоединения Эстонии к СССР собирался переехать в Россию, но в первую военную зиму скончался вследствие сердечного приступа.

Пимен Иванович КАРПОВ **1887—1963**

Сын безземельных крестьян. Как поэт пытался соединить в своей лирике символистский стиль и фольклорные традиции. Наряду со стихами, писал художественную и публицистическую прозу с идеей создания в России особой «деревенской культуры», противостоящей интеллигенции, которая «духовно грабит народ».

В советское время от литературной деятельности отошел. Выпуск воспоминания, грешащие недостоверностью.

Мариэтта Сергеевна ШАГИНЯН **1888—1982**

В обширном наследии этой советской писательницы, лауреата Сталинской и Ленинской премий, доктора филологических наук, поэзия занимает небольшое место и относится к раннему периоду ее деятельности. Стихи Шагинян отличает не только внешний экзотизм, но и наполняющая эту экзотику подлинная страстность и жизненная энергия.

Владимир Иванович НАРБУТ
1888—1938

Брат художника Георгия Нарбута (1886—1920). Один из теоретиков адамизма (акмеизма), однако в творчестве постоянно нарушал собственные постулаты. Стремясь к «бесстрашному реализму» и не чуждаясь фантастики, в итоге заслужил репутацию поэта «без признаков традиции и школы». В годы гражданской войны вступил в партию большевиков, позднее стал литературным функционером. Погиб в ГУЛАГе.

Константин Абрамович ЛИПСКЕРОВ
1889—1954

Занимался живописью, книжной графикой. Как поэт начинал с подражаний *Брюсову*, но скоро стал обретать лирическую самостоятельность. Достигнув мастерства в сонете и других формах европейского стихосложения, наполнял их собственным — содержанием, часто связанным с восточной экзотикой.

С середины 1920-х годов как лирический поэт выступать перестал. Писал пьесы, переводил восточных поэтов.

Анна Андреевна АХМАТОВА
1889—1966

Псевдоним Горенко, в замужестве Гумилева. Классик русской поэзии XX века. Уже в 1918 поэт и критик Василий Гиппиус отметил, что «объективное значение» лирики Ахматовой в том, что она «пришла на смену умершей или задремавшей форме романа».

Мать выдающегося ученого-этнолога Льва Гумилева (1912—1992), много лет проводившего в ГУЛАГе. Сама Ахматова в советское время неоднократно подвергалась травле и разного рода литературным стеснениям; многие годы ее лирика не печаталась и не переиздавалась.

Сергей Антонович КЛЫЧКОВ
1889—1937

Из семьи старообрядцев. Его поэтическое творчество дало основания говорить о зарождении «новокрестянской» школы (также *Н. Клюев, С. Есенин, А. Ширяев* и др.). Участвовал в Первой мировой войне.

В советское время продолжил занятия литературой. В 1930-е годы был объявлен «идеологом кулачества». Безвинно расстрелян.

Николай Николаевич АСЕЕВ
1889—1963

Как поэт начинал под влиянием символизма, затем сблизился с футуристами, подражал фольклорной поэзии.

Был дружен с Маяковским; в 1941 получил Сталинскую премию 1-й степени за поэму «Маяковский начинается». Также автор «Поэмы о Буденном», «Поэмы о двадцати шести бакинских комиссарах» и т.д.

Алексей Дмитриевич СКАЛДИН
1889—1943

Из крестьян. В анкетах писал: «образование высшее — самоучка». Владел многими языками. В поэзии был близок к символистам. Увлекался эзотерическими учениями, что нашло отражение в его прозе.

В 1930-е годы был обвинен в контрреволюционной деятельности и выслан в Казахстан, затем отправлен в концлагерь (Карлаг). Обширный архив Скалдина погиб.

Сергей Павлович БОБРОВ
1889—1971

Разносторонне одаренный, в молодости занимался живописью, выступал во многих литературных жанрах. Как поэт увлекался символизмом и футуризмом, был склонен к литературным мистификациям, предложил перспективные стиховедческие идеи.

В советское время писал фантастико-авантюрные романы, научно-популярные книги по математике, занимался переводами.

Клара Соломоновна АРСЕНЕВА
1889—1972

Полная фамилия — Арсенева-Бунштейн. В 1910-е годы поэтесса петербургской темы, отличавшаяся, по словам одного из критиков, «задорным ребячеством в соединении с жестким «тоже детским лиризмом», «особой угловатой грацией».

После 1917 переводила грузинских поэтов.

Мария Магдалина Франческа Людвиговна МОРАВСКАЯ
1889—1947

Во втором браке Коглан. Из польской католической семьи. Живя в Петербурге, сблизилась с символистами, стихи писала только по-русски: «Я очень радуюсь, что я — русский поэт, хотя знаю и цену польскую литературу». София Парнок отмечала, что главный пафос лирики Моравской: «жалость к себе самой». В 1917 году оказалась в Японии и с тех пор в России больше не была.

Борис Леонидович ПАСТЕРНАК
1890—1960

Классик русской литературы XX века; первый стихотворный сборник «Близнец в тучах» вышел в декабре 1913.

В 1957 опубликовал в Италии роман «Доктор Живаго»; в 1958 был удостоен Нобелевской премии по литературе — «за значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа». Из-за развязанной властями СССР травли от награды вынужден был отказаться. Пережитое ускорило развитие его болезни, и вскоре поэт скончался.

Василиск ГНЕДОВ
1890—1978

Настоящее имя Василий Иванович. Поэт-авангардист, поставивший себе цель «перевернуть, обновить литературу, показать новые пути». Знаменит своей скандальной «Поэмой конца». По свидетель-

ству Владимира Пяста, ее публичное чтение состояло «только из одного жеста руки, быстро поднимаемой перед волосами и резко опускаемой вниз, а затем вправо вбок».

После гражданской войны от литературы отошел. В 1925 вступил в коммунистическую партию.

Вера Михайловна ИНБЕР **1890—1972**

Училась на Высших женских курсах в Одессе, несколько лет жила в Европе. Первую книгу «Печальное вино» (1914) выпустила в Париже.

Легкость и ироничность ранних стихотворений Инбер сменяется в советское время идеологической тяжеловесностью. Завершила свой жизненный и творческий путь лауреатом Сталинской премии, литературным функционером, совершенно отчужденным от своего раннего творчества.

Дмитрий Петрович СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ **1890—1939?**

Князь. Его отец в 1904—1905 был министром внутренних дел России. Участвовал в Первой мировой войне; был ранен. Стихи писал под влиянием символизма. В годы Гражданской войны служил под командованием А.И. Деникина. Жил в эмиграции. Марина Цветаева признавала его ум, но считала, что он «дефективный, как все князья». В 1932 Мирский приехал в СССР (с 1931 состоял в компартии Великобритании). Активно работал в литературе как критик. В 1937 году арестован. Подробности его смерти в ГУЛАГе точно не установлены.

Татьяна Петровна ЕФИМЕНКО **1890—1918**

Как поэтесса тяготела к неоклассицизму и акмеизму, воспевала в своей лирике ценности повседневности, семейной жизни. Вместе с матерью, известной фольклористкой и этнографом А.Я. Ефименко убила бандитами 18 декабря 1918 года.

Рюрик ИВНЕВ

1891—1981

Литературное имя Михаила Александровича Ковалева. От природы общительный, Ивнев был завсегдатаем многих петербургских литературных сообществ Серебряного века. При этом его стихотворные опыты вызвали суровый отзыв Блока. Пожалуй, точную оценку его лирике дал Корней Чуковский, причислив Ивнева к «модернистам-эклектикам».

С первых дней после октябрьского переворота начал активное сотрудничество с большевиками. Занимался журналистикой, много писал в разных жанрах, неуклонно укрепляя свой подлинный облик — неумного графомана. Обширные воспоминания Ивнева, по литературоведческим оценкам, малодостоверны, полны искажений фактов.

Осип Эмильевич МАНДЕЛЬШТАМ

1891—1938

Крупнейший русский поэт, становление которого приходится на Серебряный век.

В 1930-е годы подвергался политическим репрессиям. Погиб в ГУЛАГе.

Илья Григорьевич ЭРЕНБУРГ

1891—1967

Свой долгий путь в литературе начинал как поэт и впоследствии считал себя прежде всего поэтом, несмотря на репутацию маститого советского романиста, крупного общественного деятеля, увенчанного Сталинскими премиями. И основания для этого у него были: лирика Эренбурга достаточно самостоятельна, устремлена к утверждению собственного голоса. Занимался стихотворными переводами. В конце 1930-х годов вновь стал писать стихи.

Елизавета Юрьевна КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА
1891—1945

Урожденная Пиленко, по второму мужу Скобцова, в монашестве мать Мария. Поэтесса, творчество которой вызывало разноречивые, порой противоположные по оценкам отклики. На литературную судьбу Кузьминой-Караваевой и на ее читательское восприятие повлияли многолетнее общение с Блоком и, главное, гражданская судьба.

Оказавшись в изгнании, активно участвовала в деятельности русских эмигрантских организаций; в 1932 приняла монашеский постриг, но осталась в миру, занимаясь благотворительной деятельностью. В годы Второй мировой войны вступила в движение Сопротивления. Была арестована гестапо и погибла в нацистском концлагере Равенсбрюк.

Владимир Казимирович ШИЛЕЙКО
1891—1930

Филолог-востоковед, переводчик с древних языков. В лирике (сохранилось около полусотни стихотворений) продолжал философские традиции Тютчева, оказал влияние на поэзию акмеистов. Был мужем Анны Ахматовой в 1918—1921. Мастер цунтонов — стихотворений, составляемых из строк разных поэтов.

Марина Ивановна ЦВЕТАЕВА
1892—1941

Вместе с Анной Ахматовой признана крупнейшей русской поэтессой XX века (хотя предпочитала говорить о себе в мужском роде: поэт).

С 1922 в изгнании. Драматический финал судьбы Цветаевой — возвращение в СССР и самоубийство — прямо связан с непреодолимыми обстоятельствами ее жизни: браком с Сергеем Эфроном, сыном народоальцев-радикалов, перешедшим из Белого стана борцов с большевизмом на службу органам ЧК-ОГПУ-НКВД (расстрелян после возвращения, их с Цветаевой дочь Ариадна попала в ГУЛАГ, сын Георгий погиб на фронте Великой Отечественной войны).

Надежда Григорьевна ЛЬВОВА
1891—1913

Девичья фамилия Полторацкая. Ее литературная и человеческая судьба тесно связана с Валерием Брюсовым. Драматическое развитие их романа, страстного со стороны Львовой и меланхолически-эгоистического со стороны Брюсова, привело молодую поэтессу к самоубийству. «Лиризм ее произволен: в нем находит себе разрешение ряд напряженных и сложных чувств» (В. Ходасевич).

Сергей Михайлович ТРЕТЬЯКОВ
1892—1939

Входил в группу московских эгофутуристов. В послеоктябрьское время стал крупным советских литературным деятелем, потратившим много сил для создания агитационных форм искусства. В 1937 году был обвинен в шпионаже, арестован и погиб в ГУЛАГе.

Георгий Викторович АДАМОВИЧ
1892—1972

Поэт, критик, переводчик. В 1914—1915 сблизился с кругом акмеистов. Стихотворное наследие невелико.

В 1923 покинул Россию. Крупнейший литературный деятель русского зарубежья.

Владимир Владимирович МАЯКОВСКИЙ
1893—1930

Поэт, один из лидеров русского футуризма. После октябрьского переворота поставил свой талант на службу большевизму, что привело его к глубокому жизненному кризису: сочинения Маяковского советского периода конъюнктурны по содержанию, художественно примитивны. По официальному признанию, покончил жизнь самоубийством. До сих пор возникают версии истинных причин и обстоятельств этой смерти.

Вадим Габриэлевич ШЕРШЕНЕВИЧ
1893—1942

От эпигонства позднего символизма к эгофутуризму и обретению черт собственного стиля, сочетающего многообразную лексику с экстравагантностью ритмики — таков творческий путь Шершеневича-лирика, ставшего теоретиком и практиком имажионизма (имажинизма).

С 1926 выступал только как переводчик, либреттист и т.п. Умер от туберкулеза в эвакуации.

Нина Яковлевна СЕРПИНСКАЯ
1893—1955

Известная московская красавица первых послеоктябрьских лет, ведшая, несмотря на взвихренность эпохи, богемную жизнь. Поэзией, как и живописью, занималась дилетантски, но в ее стихах отразилась, например, история романа с большевистским начальником: рассказанная языком Серебряного века, пусть и с эпигонским акцентом.

Дмитрий Николаевич СЕМЕНОВСКИЙ
1894—1960

Сын сельского священника. Тяготел к т.н. пролетарской поэзии, однако не был чужд образности крестьянских лириков. В советское время затерялся среди десятков ортодоксальных графоманов, пишущих в соответствии с предначертаниями коммунистических властей.

Георгий Владимирович ИВАНОВ
1894—1958

Первые же его публикации (1911) заслужили высокую оценку Игоря-Северянина. Был близок к акмеистам.

Покинув родину после гражданской войны, стал одним из са-

мых ярких поэтов русского зарубежья. Автор беллетризованных воспоминаний, в которых он сам призывал не искать фактической точности.

Георгий Аркадьевич ШЕНГЕЛИ
1894—1956

Как поэт развивался под влиянием русского и французского символизма, затем эгофутуризма.

В советское время — известный переводчик, теоретик художественного перевода. Его творческое наследие до сих пор в должной мере не изучено и не опубликовано.

Мария Евгеньевна ЛЁВБЕРГ
1894—1934

Урожденная Купфер, в замужестве Ратькова. В ее стихах Гумилев отмечал «подлинно поэтическое переживание».

В советское время переводила с английского и французского, составила «Словарь иностранных слов» (1923), выдержавший несколько изданий и до сих пор не потерявший своего культурного значения.

Серафима Михайловна МАДАТОВА
1894—1966

Стихи писала с гимназических лет и даже выпустила стихотворный сборник.

В эмиграции обратилась к прозе, занималась научной работой: совместно с мужем подготовила «Сербохорватско-русский словарь».

Константин Аристархович БОЛЬШАКОВ
1895—1938

Начинал с подражаний Бальмонту, затем стал ярким выразителем т.н. «футуристического дендизма», эстетизирующего городской быт. С 1915 — на фронте Первой мировой войны, затем служил в Красной Армии. Писал прозу.

Расстрелян в эпоху Большого Террора.

Всеволод Александрович РОЖДЕСТВЕНСКИЙ **1895—1977**

Сын священника, законоучителя в царскосельской гимназии. Как поэт тяготел к традиции классических форм; остался ей верен и в советское время. Много занимался переводами; как военный корреспондент участвовал в Великой Отечественной войне.

Анна РЕГАТ **1895—1964**

Доктябрьский псевдоним Елены Михайловны Тагер. В советское время долгие годы провела в ссылке. Ее поздние стихи в основном неопубликованы. Переводила фольклор северных народов, писала биографическую прозу.

Лариса Михайловна РЕЙСНЕР **1895—1926**

Дочь профессора-правоведа, придерживавшегося социал-радикальных взглядов, по своим жизненным предпочтениям Рейснер тяготела к вполне эстетским, если не сказать: божественным принципам поведения и творчества. Подавляла это, в свете полученного «демократического» воспитания, опытами в сфере т.н. «научной поэзии». Но природу не спрячешь: ««аристократка» в нашей демократической среде, она жаждала поклонения и умела его добиваться», — писал о Рейснер поэт Всеволод Рождественский. Среди ее самозабвенных поклонников — Гумилев, Блок. Восторженно принял октябрьский переворот, Рейснер, наряду с Коллонтай, Инессой Арманд, Марией Андреевой, становится «валькирией революции». Ее комиссарство на военно-морском флоте большевиков подвигло драматурга В. Вишневского на создание его известной в советское время пьесы «Оптимистическая трагедия». Заболев тифом, скоропостижно скончалась. Страстные строки ее памяти посвятил Борис Пастернак.

Сергей Александрович ЕСЕНИН
1895—1925

Классик русской литературы XX века, оказавший значительное влияние на развитие отечественной лирики. В пору Серебряного века поначалу развивался в кругу «новокрестьянских» поэтов, претендовавших на особое место в литературе, но быстро осознав проблематику современного, уже машинного мира, стал одним из самых глубоких выразителей драмы народнопоэтического сознания (не только крестьянского) в условиях «железного Миргорода», унифицирующей цивилизации.

Обстоятельства смерти Есенина в ленинградской гостинице так и не получили убедительного объяснения и не сводятся к версии о самоубийстве.

Александр Борисович КУСИКОВ
1896—1977

Настоящая фамилия Куסיкий. Входил в группу имажинистов, и в творчестве был близок к Есенину.

В 1924 году уехал во Францию; с начала 1930-х годов отошел от литературы.

Валентин Петрович КАТАЕВ
1897—1986

Крупнейший мастер русской прозы советского времени начинал как поэт; печатался в одесских и центральных изданиях. Участник Первой мировой войны, был дважды ранен, отравлен газами; имел чин прапорщика.

Елена Яковлевна ДАНЬКО
1897—1942

Поэтесса, художница. Ее ранние стихи, в начале 1920-х годов собранные в книгу «Простые муки», не увидели света из-за цензурного запрета, касавшегося, помимо прочего и предисловия известного историка русской общественной мысли Р.В. Иванова-Разумника.

Погибла во время ленинградской блокады.

Вячеслав Александрович КОВАЛЕВСКИЙ
1897—1977

Начинал как поэт-символист, был поддержан Бальмонтом. В советское время писал прозу. Юрий Нагибин говорил, что «тонкие, нежные, умные рассказы» Ковалевского написаны «чудесным языком» и сокрушался: «большой художник В. Ковалевский — незрим».

Анатолий Борисович МАРИЕНГОФ
1897—1962

Поэт, теоретик имажинизма. Ему принадлежит «Роман без вранья» (1927) — книга воспоминаний о поэтах-имажинистах и, прежде всего, о Есенине. Несмотря на скандальность многих приводимых здесь фактов, исследователи признают достоверность книги. В 1930-е годы Мариенгоф попадает в литературную опалу, его печатают лишь от случая к случаю, хотя он продолжает литературную работу. Его книга «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги» вышла в 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

С. <i>Дмитренко</i> . Поэзия в мире Серебряного века	5
--	---

АЛЕКСЕЙ ЖЕМЧУЖНИКОВ

Себе	17
Памяти Шеншина-Фета	17
Пауза	18
С гор потоки	18
Летний зной	19
«Когда душа, расправив крылья...»	20
Встреча	20
Животная проза и декадентская поэзия	21
«Так прочен в сердце и в мозгу...»	21
Возвращение холодов	22

КОНСТАНТИН СЛУЧЕВСКИЙ

«Ты не гонись за рифмой своенравной...»	24
«Не померяться ль мне с морем?...»	25
«Вконец окружены туманом прежних дней...»	26
«Как? Опять Страшный суд! мне вослед, по пятам!...»	27
«Умер я! Есть ощущения...»	28
Быть ли песне?	29
«Пускай основы правды зыбки...»	30
«Я мыслить жажду потому, что в этом...»	31
«С простым толкую человеком...»	32
«Заката светлого пурпурные лучи...»	33

АРСЕНИЙ ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

«Не в ласке девственной лазури...»	34
«Не спорь и не борись с враждующей судьбой...»	34
«В сонме поздних теней ты желанной звездой...»	35

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЁВ

«Там, где семьей столпились ивы...»	36
Панмонголизм	36
«Милый друг, иль ты не видишь...»	38
Das ewig-weibliche. Слово увещательное к морским чертям	39
У себя	41

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

Поэзия	42
Двойник	42
Свечка гаснет	43
Листы	44
В дороге	44
«Трилистник сумеречный»	
Сиреневая мгла	46
Тоска мимолетности	47
Свечку внесли	47
То и это	48
Сон и нет	49
Петербург	50
Среди миров	51

КОНСТАНТИН ФОФАНОВ

После грозы	52
«Как стучит уныло маятник...»	53
«Под напев молитв пасхальных...»	54
Душа поэта	54
Декадентам	55
Осень	56
Святочная ночь	57
На проспекте	58

«Я хотел бы страдать, но не в силах страдать...»	59
Чудище	59

ФЁДОР СОЛОГУБ

Восьмидесятники	61
Творчество	62
«В пути безрадостном, среди немой пустыни...»	62
«Я любил в тебе слиянье...»	63
«Не ужасай меня угрозой...»	64
«Закрывая глаза, я целую тебя...»	64
«Вереницы мечтаний порочных...»	65
«Недотыкомка серая...»	65
Чертовы качели	66
«Пришла опять, желаньем поцелуя...»	68

НИКОЛАЙ МИНСКИЙ

«Не месяц за его печаль и красоту...»	69
«Я боюсь рассказать, как тебя я люблю...»	69
«Быть может, мир прекрасней был когда-то...»	70
«Я влюблен в свое желание полюбить...»	71
«Нет счастья, как весною ранней...»	71
Многогрешными устами	72
«В твой детский взор, пытливо-грешный...»	73
Волна	73
Посвящение	74
«О, этот бред сердечный и вечера...»	75

ОЛЬГА ЧЮМИНА

Сонет	76
«Говорят, что порой, совлекая бесстрашно покровы...»	76
«Когда посеяно зерно...»	77
Водоворот	79
«Тучки воздушно-туманные...»	80
«Как голоса иного мира...»	80
«Кто-то мне сказал...»	81
Бурною ночью	81

Из зимних снов	82
В тумане	83

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ

Парки	84
Тишина	85
Неуловимое	86
Дети ночи	87
Ноябрь	88
Нирвана	89
Пруд	89
Детское сердце	90
Двойная бездна	91
«О, если бы душа полна была любовью...»	92

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Полнолуние	94
На склоне	95
Вечность и миг	95
Москва	96
Озимь	97
Поэты духа	97
Весенняя оттепель	98
Истома	98
На башне	99
Иов	100

ЛИДИЯ ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ

Белая ночь	101
«Осенняя земля...»	102
«Дожди размыли ея одежду...»	103

ПОЛИКСЕНА СОЛОВЬЁВА (ALLEGRO)

Иней	104
Новый сон	105
Петербург	105

Старый монастырь	106
В зимнюю ночь	107

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

Челн томленья	109
«Я мечтою ловил уходящие тени...»	110
«Мы шли в золотистом тумане...»	110
Равнина	111
Безглагольность	112
«Я изысканность русской медлительной речи...»	113
«Она отдалась без упрека...»	114
Камыши	114
Затон	115
Дождь	116

АПОЛЛОН КОРИНФСКИЙ

В тумане	118
«К пустынному приволью...»	119
Напев любви	119

ВАРВАРА МАЛАХИЕВА-МИРОВИЧ

«Звонко плещется ведро...»	121
«Сказывают в песнях, сестрица Мариша...»	122
«В третьем году...»	123
«Расписала Аннушка игуменье писанку...»	123
«Вот и кончилось мое послушание...»	124

ЗИНАИДА ГИППИУС

Любовь — одна	125
Ты любишь?	126
Пыль	127
Мертвая заря	128
Сны	128
Электричество	129
Часы стоят	130
Пауки	130

Она	131
Петербург	132

МИРРА ЛОХВИЦКАЯ

Сумерки	134
Гимн возлюбленному	134
«Напрасно спущенные шторы...»	136
Первый поцелуй	137
Песнь любви	137
«Я жажду наслаждений знойных...»	138
Мой сад	139
«Во тьме кружится шар земной...»	139
«Посмотри: блестя крылами...»	140
«Я — жрица тайных откровений...»	140

ИВАН БУНИН

«Беру твою руку и долго смотрю на нее...»	142
«Я к ней вошел в полночный час...»	142
Одиночество	143
Песня	144
Слепой	144
Новый храм	145
В цирке	146
Последний шмель	146
Памяти	147
«Настанет день — исчезну я...»	147

АЛЕКСАНДР ЕМЕЛЬЯНОВ-КОХАНСКИЙ

Из дневника	149
«Черви черным покрывалом...»	149
«Вместо глаз у нее васильки...»	150

ВЕРА РУДИЧ

«О страсть неожиданная последнего порыва...»	151
«О вы, чье сердце старости боится!..	151
Лилия	152

МИХАИЛ КУЗМИН

«Светлая горница — моя пещера...»	153
«Мы проехали деревню, отвели нам отвода...»	154
«Что сердце? огород неполютый...»	154
«Слышу твой кошачий шаг, призрак измены!..	155
«Он пришел в одежде льна, белый в белом!..	156
«Он пришел, угрозы тая, красный в красном...»	156
«Черной ризой скрыты плечи. Черный в черном...»	156
«Бледны все имена и стары все названья...»	157
Фузий в блюдецке	158
Смерть	158

ТЭФФИ

«Мой черный карлик целовал мне ножки...»	160
Марьонетки	160
«Есть у сирени темное счастье...»	161
Бедный Азра	162
«Мне сегодня как будто одиннадцать лет...»	163
«Есть в небесах блаженный сад у Бога...»	163
«На острове моих воспоминаний...»	164
«Он ночью приплывет на черных парусах...»	164
Черное запястье	165
«Вот завела я песенку...»	165

ЮРГИС БАЛТРУШАЙТИС

«Вся мысль моя — тоска по тайне звездной...»	167
Элегия	168
На пороге ночи	168
Детские страхи	169
Вечер	170
Пробуждение	171
Комары	171
Карусель	172
Жертвенник	173
Раздумье	174

ТАТЬЯНА ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК

Куранты	176
Счастье	177
Белая ночь	177

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

«В тиши задремавшего парка...»	179
В прошлом	179
Творчество	180
Ночью	181
В будущем	181
Юному поэту	182
«Есть что-то позорное в мощи природы...»	183
«Мы ехали долго, без цели куда-то...»	183
Женщине	183
Я	184

ВАЛЕРИАН БОРОДАЕВСКИЙ

«Вкруг колокольни обомшелой...»	186
Белые ветки	187
«Когда Господь метнет меня на землю...»	187

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

Полусвет и полутени	189
Раннее утро	190
Бриз	190

ВЛАДИМИР ГИППИУС

«Ты слышишь — как в реке холодной...»	192
«В беспмятстве небесный свод над нами...»	192
«Забывать о том, что мы в мире встретили?»	193

АЛЕКСАНДР ДОБРОЛЮБОВ

«А и знаю я, братцы...»	194
Жалоба березки под Троицын день	195
«Зачем в созвучьях я услышал...»	195

АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВ

Белая ночь	196
Жалобы сатиressы	196
Черная Венера	197
«Серебряной звездой стремлюсь я в темноте...»	198
Огненный змей	199

ВЕРА МЕРКУРЬЕВА

«Некогда подумать о себе...»	200
Мой город	200
Когда-то прежде	201

ИВАН КОНЕВСКОЙ

В поднебесьи	203
До и после	203
С Коневца	204
Море житейское	206
Ведуны	207

СЕРГЕЙ МАКОВСКИЙ

Предчувствие	209
Ожидание	209
Тайна	210
Город	211
Шарманка	211

ИВАН РУКАВИШНИКОВ

«Из подвалов мертвой осторожности...»	213
Горбатый ангел	213
Ветер вечеру вечерню отслужил	214

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

«Осень... осень... Весь Париж...»	216
Портрет	217
«Пройдемте по миру, как дети...»	217
«Быть заключенным в темнице мгновенья...»	218
Зеркало	218

«К этим гулким морским берегам...»	219
«Я полуднем объятый...»	220
«В эти дни великих шумов ратных...»	220
На вокзале	221
«Сквозь облак тяжелые свитки...»	223

ЕЛЕНА ГУРО

Лунная	224
Детская шарманочка	225
«Пролегала дорога в стороне...»	226

ГЕОРГИЙ ЧУЛКОВ

Царица	227
Сонеты	
I. «Венчанные осенними цветами...»	228
II. «Пустынный летний сад тайги вечерней...»	229
Петербургские стихи	
1. Живая фотография	229
«Теснее связь земли живой и неба...»	230

В. РОПШИН

«В горах оливковая роща...»	232
На юге	232
«Ее жемчужное кольцо...»	233

ВИКТОР СТРАЖЕВ

«В сверканье уличного гула...»	234
Наполеон	235
«Нежна, стройна, как тихая былинка...»	236
«У дороги, за околицей — мертвая береза...»	236
«Огня не надо. Будем тихо...»	237

ВАЛЕНТИН КРИВИЧ

«Мне даны слова и правила...»	239
«В каких полях меня встречала...»	239
«Тают ночи, гаснут зори...»	240
Последняя страница	241
«Заболело — не излечится...»	242

САША ЧЁРНЫЙ

Интеллигент	243
Песня о поле	244
Потомки	245
Два желания	246
Мясо (<i>Шарж</i>)	246
Критику	248
Крейцера соната	249
Городская сказка	250
Два толка	252
Ламентации	253
Огород	255

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Образ вечности	257
Из окна	258
Шоссе	259
В полях	260
На улице	261
Друзьям	262
Ночь	263
Отчаянье	264
Деревня	265
Родина	267

АЛЕКСАНДР БЛОК

Друзьям	269
«Не спят, не помнят, не торгуют...»	270
Поэты	271
Осенний день	272
«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..	273
Шаги Командора	274
Унижение	276
«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...»	277
«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...»	278
Пушкинскому Дому	279

АЛЕКСАНДР ЧЕРЕМНОВ

Алупка	281
Бабье лето	282
Химера	282
Обман	283
Юность	284

МАРИЯ ШКАПСКАЯ

«Неживое мое дитя...»	285
Война	286
«Гроб хочу с паровым отоплением...»	286
Юдифь	287
«Как много женщин ты ласкал...»	287

БОРИС САДОВСКОЙ

«В эту весеннюю темную ночь мне не спится...»	289
Штора	289
В уездном городе	290
Степь	291
«Пробило три. Не спится мне...»	291
«Смотрю и слушаю вокруг...»	292
Морю	293
«Не любовь ли нас с тобою...»	294
Студенческий самовар	295
«Странно жить без самовара...»	296

ВАСИЛИЙ КОМАРОВСКИЙ

Рынок	297
«Изгнанники, из тьмы пещер...»	298
В Царском селе	298
«Самонадеянно возникли города...»	299
«Со всех сторон, морозный и зыбучий...»	301

НИКОЛАЙ НЕДОБРОВО

Дидактическая элегия о пристойном описанию Летнего сада стихе	302
Заяц	303
«С тобой в разлуке от твоих стихов...»	303

«Ты помнишь камыш над гладью моря?..»	304
Демерджи	305

ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

Сон	306
Андрею Белому	307
На мотив из Платона	307

ДАВИД БУРЛЮК

Оп. 75	309
Канализация	309
«Звуки на а широки и просторны...»	311

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗОРГЕНФРЕЙ

«Прошлой ночью знобка пела вьюга...»	312
«Страшно. Ушли, позабыли...»	313
«Приходит, как прежде, неожиданно...»	313
Декабрь	314
«Еще скрежещет старый мир...»	316

ВЛАДИМИР ЮНГЕР

«По набережной гулко-пестрой...»	318
Вечером	318
«И снова дни торжественны и глухи...»	319

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Ведьма-птица	320
Лешак	321
Трава	322
Лель	323
Мавка	323

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

Жить чудесно	325
«Перед беременными львицами...»	327
Танго с коровами	328
Из Симеиза в Алупку	329
Звени	330

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

Эной	331
Береза	332
Весна	332
Нищая	333
«Я днем люблю какую-то дикарку...»	335

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА

Птицелет	336
«Здравствуй, ты погибель моя девья, неминучая!..»	337
Вечер	338

ВИКТОР ГОФМАН

Вдвоем	340
У меня для тебя	341
Вдоль длинных зданий	341
Вдвоем	343
В церкви	344

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

«Любви начало было летом...»	346
«Вы обещали нам сады...»	347
«В золотканые дни сентября...»	348
«В морозной мгле, как око сычье...»	349
«Радость видеть первый стог...»	350
«Теплятся звезды-лучники...»	351
«Я люблю цыганские кочевья...»	352
«Обозвал тишину глухоманью...»	352
«Не в смерть, а в жизнь введи меня...»	353
Рождество избы	354

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЁВ

Элегия	356
«Весенний ливень, ливень ранний...»	357
Город современный	358
Посещение Диониса	360
«Мороз, как хищник разъяренный...»	361

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

«И я свирел в свою свирель...»	362
«Там, где жили свиристели...»	362
«Вечер. Тени...»	363
Заклятие смехом	363
«О, Достоевскиймо бегущей тучи!..»	364
«Бобэоби пелись губы...»	364
Кузнечик	364
Числа	365
«Годы, люди и народы...»	365
«Русь, ты вся поцелуй на морозе!..»	366

ЮЛИАН АНИСИМОВ

«Я люблю тебя и плачу...»	367
Архангельский собор	368
«Прикасаюсь к руке — и вижу...»	369

ТИХОН ЧУРИЛИН

Конец клерка	371
Смерть часового	372
Конец Кикапу	373
Слезная жалоба	373
Неторжественный гимн	374

СОФИЯ ПАРНОК

Белой ночью	376
В концерте	377
«Смотрят снова глазами незрячими...»	377
«Паук заткал мой темный складень...»	378
«Туго сложен рот твой маленький...»	379
«Как в истерике, рука по гитаре...»	380
«Люблю тебя в твоём просторе я...»	381
Гадание	381
«На синем — темно-розовый закат...»	382
«Не придут и не все ли равно мне...»	383

НИКОЛАЙ ГУМИЛЁВ

«Когда из темной бездны жизни...»	384
Ужас	385
Жираф	386
Заклинание	386
Старый конквистадор	388
Дон Жуан	388
Христос	389
«Ты не могла иль не хотела...»	390
Слово	391
Шестое чувство	392

ПЕТР ПОТЕМКИН

Пьяница	394
Весна	395
Двойник	396
Из цикла «Парижские зеркала»	
«Зеркала, зеркала, зеркала...»	398
Комета	399

ВЛАДИМИР ПЯСТ

В лесу	401
Дома	402
Элегия	403
За речью	404
«Мне тридцать лет, мне тысяча столетий...»	404

АЛЕКСАНДР ТИНЯКОВ

«Без конца лобзанья...»	406
Паучьи сны	406
В чужом подъезде	407
Мальчик из уборной	408
Радость жизни	409

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ

Дождь	411
Авиатору	412
«Обо всем в одних стихах не скажешь...»	413

«О, если б в этот час желанного покоя...»	413
В Петровском парке	414
Путем зерна	415
Сны	415
Ищи меня	416
Анюте	417
«Душа поет, поет, поет...»	418

МИХАИЛ ЗЕНКЕВИЧ

Бред	419
Мясные ряды	420
«Дробя с могучего наскока...»	421
«На облачных снегах паря...»	421
«Всему — весы, число и мера...»	422
Мускус	423
На аэродроме	423
Золотой треугольник	424
«Видел я, как, от напрягшейся крови...»	425
Наваждение	426

АЛЕКСЕЙ КРУЧЁНЫХ

3 стихотворения написанные на собственном языке	427
«Мир гибнет...»	428
Русь	429
Смерть художника	429
«Я прожарил свой мозг на железном пруте...»	430

БЕНЕДИКТ ЛИВШИЦ

Ночной вокзал	431
Тепло	431
Фонтанка	432
Пророчество	433
Дождь в Летнем саду	433

АЛЕКСЕЙ ЛОЗИНА-ЛОЗОВСКИЙ

«Ты смолоду жила в пустом болтливом свете...»	435
«Я, замкнутый в квадрат со скучными углами...»	435
О, дама пик!	436

ПАВЕЛ РАДИМОВ

Свиной хлеб	438
«Тишина и покой умирающей ночи...»	438
Корова	439

ЮРИЙ СИДОРОВ

«Опять, опять огонь повсюду...»	440
Ложе	441
Стансы	442

АЛЕКСАНДР ШИРЯЕВЦ

Старь	443
Бурлак	444
Микула	445
Ширяево	445
«Загуди сильнее...»	446

ИГОРЬ-СЕВЕРЯНИН

Поэту	447
Nostalgie	447
Это было у моря	448
На островах	449
На реке форелевой	449
В очарованье	450
Мороженое из сирени	451
Поэза оправдания	451
Увертюра	452
Поэза строгой точности	452

ПИМЕН КАРПОВ

«Колдуют розы лунным светом...»	454
«Колдовская дорога — в луне...»	455
Дракон	455

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

Час не повторяется	457
Полнолуние	458

Ветер в степи	459
Комета	459
Memento mori	461

ВЛАДИМИР НАРБУТ

На заре	462
Плавни	463
Двойник	463
На хуторе	464
Шмели	465
Облака	466
Танцовщица	467
Из цикла «Ущерб»	
«Улыбнулся древнею улыбкою...»	468
«Она некрасива...»	469
«О бархатная радуга бровей!..»	470

КОНСТАНТИН ЛИПСКЕРОВ

«Из стихов мы не выстроим дома...»	472
«Во тьме на запасном пути...»	472
«Всё душа безмолвно взвесила...»	473

АННА АХМАТОВА

«Сжала руки под темной вуалью...»	475
Песня последней встречи	475
«Я сошла с ума, о мальчик странный...»	476
«Цветов и неживых вещей...»	477
«Все мы бражники здесь, блудницы...»	477
Гость	478
Молитва	479
«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»	479
«Мне голос был. Он звал утешно...»	480
«А, ты думал — я тоже такая...»	480

СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ

Предутрие	482
Подпасок	482

«На чужбине, далеко...»	484
Предчувствие	485
«Лель цветами всё поле украсил...»	485

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

Звенчалъ	487
«Когда земное склонит лень...»	488
«За отряд улетевших уток...»	488
Через гром	489
Еще и осени не близко	490

АЛЕКСЕЙ СКАЛДИН

Ночь перед Рождеством	491
Гаданье	492
Эвридика	494
«Мне было тайно ваше Слово...»	494
«Прикованный к постели...»	495

СЕРГЕЙ БОБРОВ

Каменная баба	497
«Легкоизалетный чертит кругозоры...»	498
Судьба стиха	499
«Сквозь жалкий алюминий снега...»	500
Конец сражения	501
Лира лир	502
Кисловодский курьерский	502
«Благословлял земные долы...»	503
«Вниз по весне летели птицы...»	504
«Судьбы чужой прекрасная преграда...»	505

КЛАРА АРСЕНЕВА

«Не знаю, как, не знаю, где бы...»	506
Скрипичная мелодия	507
«На дворе соседнем выгнила солома...»	507

МАРИЯ МОРАВСКАЯ

Грузчики	509
Уехать	510

Шутка	510
О старости	511
Немного жалости	512

БОРИС ПАСТЕРНАК

«Как бронзовой золой жаровень...»	513
«Мне снилось...»	513
Метель	514
На пароходе	515
Про эти стихи	517
«Сестра моя — жизнь и сегодня в разливе...»	518
Не трогать	519
Гроза, моментальная навек	520
«Здесь прошелся загадки таинственный ноготь...»	521
Маргарита	521

ВАСИЛИСК ГНЕДОВ

Азбука вступающим	523
Летана	523
Смерть искусству	524

ВЕРА ИНБЕР

Петроний	526
Рим	527
«Поздно ночью у подушки...»	528
«Мне не нужны румяна и котурны...»	529
«Мои слова становятся тяжеле...»	529

ДМИТРИЙ СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ

Белый дом	531
«Твой голос тих, лицо бесстрастно...»	532
«Темно, безмолвно и бездонно небо...»	532

ТАТЬЯНА ЕФИМЕНКО

«От камней дышит сыростью...»	534
«Как нежность ваших слов — острей и глубже зла...»	535
«Бесплотного воскресения я не хочу...»	535

РЮРИК ИВНЕВ

«Душу измученную и перепачканную...»	537
«Себя ударить мне жалко...»	537
«В моей душе не громоздятся горы...»	538

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

«Только детские книги читать...»	539
«Дано мне тело — что мне делать с ним...»	539
«Из омута злого и вязкого...»	540
Silentium	540
«Слух чуткий парус напрягает...»	541
Айя-София	542
«Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»	543
«Золотистого меда струя из бутылки текла...»	543
Tristia	544
Концерт на вокзале	545

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

«Когда встают туманы злые...»	547
В детской	547
Прости!	548
На закате	549
«Кому предам прозренья этой книги?...»	550

ЕЛИЗАВЕТА КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА

Царство-призрак	551
«Завороженные годами...»	552
«Я испила прозрачную воду...»	552
Царица усталая	553
«Покорно Божий путь приму...»	554
«Все горят в таинственном горниле...»	554
«Наше время еще не разгадано...»	555
«Взлетая в небо, к звездам, млечным рекам...»	556
«Смотрю на высокие стекла...»	557
«Какой бы ни было ценой...»	558

ВЛАДИМИР ШИЛЕЙКО

«Я не люблю приветствий черни...»	559
«Ничего не просил у Бога:...»	559
«Над мраком смерти обоюдной...»	560
Лебедь	560
«Хозяин скуп, жнецы ленивы...»	561

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Разные дети	562
Пасха в апреле	563
Только девочка	564
Из сказки — в сказку	564
«Моим стихам, написанным так рано...»	565
«Уж сколько их упало в эту бездну...»	565
Бабушке	567
«Заповедей не блюла, не ходила к причастью...»	568
«Быть в аду нам, сестры пылкие...»	568
«Стихи растут, как звезды и как розы...»	569

НАДЕЖДА ЛЬВОВА

«Почему я со страхом жду от Вас признания?...»	570
«Я дома... Дверь закрыта плотно...»	570
«О, этот вечер — осенний, беззвездный...»	571
«За детский бред, где все казалось свято...»	572
«Со всех сторон протянуты к нам руки!..»	573

СЕРГЕЙ ТРЕТЬЯКОВ

Ножницы	574
Первоснег	574
Ребенок	574
«Сердце изношено, как синие брюки...»	575
«Дождь строчит по стеклу непонятные кляузы...»	575

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ

«Звенели, пели. Грязное сукно...»	577
Болезнь	578
«Опять, опять, лишь реки дождевые...»	578

«Вот всё, что помню: мосты и камни...»	279
«Устали мы. И я хочу покоя...»	279
«Опять гитара. Иль не суждено...»	280
«Как холодно в поле, как голо...»	580
«Когда в предсмертной нежности слабея...»	580
«Жизнь! Что мне надо от тебя, не знаю...»	580
«Холодно. Низкие кручи...»	582

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

Ночь	583
Утро	584
Порт	585
А вы могли бы?	585
Любовь	586
Послушайте!	586
Вам!	588
Лиличка!	588
Издательства	591
Братья писатели	591

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ

«Небоскребы трясутся и в хохоте валятся...»	594
«В переулках шумящих мы бредим и бродим...»	595
«Из-за глухонемых серых портьер, цепляясь за кресла кабинета...»	595
Ритмическая образность	596
Эстрадная архитектоника	597

НИНА СЕРПИНСКАЯ

Сегодняшний любовник	599
Покинутость	599
Ушедшему	600

ДМИТРИЙ СЕМЕНОВСКИЙ

Китайчонок	601
«То не жар ли птица...»	602
«Я знаю, что солнце, веселое солнце...»	603

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

«Всё бездыханней, всё желтей...»	605
«Поблекшим золотом, холодной синевой...»	605
«Я не любим никем! Пустая осень!.. Беспокойно сегодня мое одиночество...»	606
«Беспокойно сегодня мое одиночество...»	607
«Всё образует в жизни круг...»	608
«Веселый ветер гонит лед...»	608
Из цикла «Зимние праздники»	
«Благословенные морозы...»	609
«Есть в литографиях старинных мастеров...»	610
«Зеленою кровью дубов и могильной травы...»	610
«Погляди: бледно-синее небо покрыто звездами...»	610

ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

«В столах, по случаю приобретенных...»	612
«Прибой на гравии прибрежном...»	613
«Вон парус виден. Ветер дует с юга...»	614

МАРИЯ ЛЁВБЕРГ

«Удлинила брови черной краской...»	615
Диалог	615
«Он потушил мою лампадку...»	616
«Чуждых образов проходит вереница...»	617
«Отравили нежные стихи...»	617

СЕРАФИМА МАДАТОВА

«Занесенное поле, как берег туманный...»	619
«Я прижалась щекою к дивану зеленому...»	619
«Трудно поверить разлуке...»	620

КОНСТАНТИН БОЛЬШАКОВ

Городская весна	621
Посвящение	621
Автопортрет	622

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Манон Леско	623
Утро	624

Гости	624
Вечерний час	625
Баллада	626

АННА РЕГАТ

«Я надышалась туберозой...»	627
«Стадо вернулось с ревом и стоном...»	627
«Деву святую писал богомаз...»	628

ЛАРИСА РЕЙСНЕР

Эрмитаж	629
Сонет	629
Песня красных кровавых шариков	630

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

«Задымился вечер, дремлет кот на брус...»	632
Королева	632
«Шел Господь пытать людей в любви...»	633
«Гаснут красные крылья заката...»	634
«Не бродить, не мять в кустах багряных...»	635
«Разбуди меня завтра рано...»	636
«Где ты, где ты, отчий дом...»	637
«Вот оно, глупое счастье...»	637
«Я последний поэт деревни...»	638
«Мир таинственный, мир мой древний...»	639

АЛЕКСАНДР КУСИКОВ

«Грустным тупозвоном в пятносинь потемок...»	641
«Уносился день криком воронья...»	641
«Качанье ряби, облак тощий...»	642

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

Страх	643
Звезды	643
Тишина	644
Письмо	645
У орудия	646

ЕЛЕНА ДАНЬКО

«Напряженно боится ухо...»	648
«Облака несутся дождевые...»	649
Кукольный театр	649

ВЯЧЕСЛАВ КОВАЛЕВСКИЙ

«Ты, безвременье дней, возврати мою душу...»	651
«Качайся, качайся...»	651
«Вот я и дома...»	652

АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ

«Сказка, присказка, быль...»	653
«Приду. Протяну ладони...»	653
Тучелет	654

Об авторах	656
----------------------	-----

Литературно-художественное издание

Антология русской поэзии СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Ответственный редактор *А. Корина*
Художественный редактор *А. Новиков*
Технический редактор *В. Бардышева*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *О. Благова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5 Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page www.eksmo.ru E-mail info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо» 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74
E-mail reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е
Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3
Тел. (8312) 72-36-70

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5 Тел. (8435) 70-40-45/46

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е» Тел. (846) 269-66-70

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а
Тел. (343) 378-49-45

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9 Тел./факс (044) 537-35-52

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина»,
ул. Бузкова, д. 2 Тел./факс (032) 245-00-19

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1 Тел./факс (495) 411-50-76
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2 Тел. (495) 745-89-15, 780-58-34

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 Тел. 937-85-81, 780-58-81
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11, ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13 Тел. (812) 310-22-44

Подписано в печать 25.08.2006.
Формат 70×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Академия». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 31,5.
Тираж 4100 экз. Заказ № 4296.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.



АНТОЛОГИЯ *РУССКОЙ* ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

120
ПОЭТОВ

720
СТИХОТВОРЕНИЙ

